

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СИБИРИ

ВЫПУСК 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ТОМСК — 1976

**УЧАСТИЕ СИБИРЯКОВ В ЗАВЕРШАЮЩИХ СРАЖЕНИЯХ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ****В. Г. КЛЕВЦОВ**

В 1920 г. Советская Сибирь, освобожденная от колчаковской тирании, героически поднималась из руин и одновременно твердо встала плечом к плечу со всеми народами нашей страны на защиту родного Советского государства.

В конце апреля 1920 г. короткая мирная передышка оборвалась нападением очередных ставленников Антанты — панской Польши и барона Врангеля.

По всей стране прокатилась волна митингов и демонстраций, где трудящиеся Советской республики единодушно выразили гневный протест и возмущение интервентами и белогвардейцами. На призыв партии «Все для фронта!», «Все для войны!» рабочие и трудовое крестьянство страны Советов как один заявили о своей готовности и решимости выступить на защиту Родины и разгромить врага. В едином строю со всеми народами молодой Советской республики были и сибиряки.

Известный деятель нашей партии Ем. Ярославский, находившийся тогда в Сибири, обратился к трудящимся края со страстным призывом: «Враг нас снова испытывает огнем и железом!... Мы должны сделать так, чтобы ко всем отрядам бойцов прибавлялись наши сибиряки... пусть знают наши товарищи, что в деле освобождения страны от белогвардейцев Сибирь идет им на помощь...»¹⁾.

В каждом сибирском городе и деревне проходили бурные патриотические собрания, митинги, конференции, где единогласно принимались резолюции с заявлением о своей готовности в любой момент выступить с оружием в руках на защиту Советской республики. Во всех местных газетах печатались обращения и призывы: «Записывайтесь в ряды добровольцев!», «Молодежь Сибири — на Западный фронт!», «Партизаны Сибири — в ряды Красной Армии!», «Рабочие! На командные курсы!» и другие.

Боевой клич партии В. И. Ленина нашел горячий отклик среди сибиряков.

В первые же дни, как появилось объявление о добровольной записи в ряды Красной Армии, сотни сибиряков поспешили на регистрационные пункты. В эти дни под знамена Красной Армии встали в г. Омске 440 добровольцев (из них 340 человек было коммунистов), в г. Томске — 500 добровольцев. Шелаболинская организация РКСМ Минусинского уезда добровольно ушла на фронт в полном составе, а 500 молодых

¹⁾ «Советская Сибирь», 9 мая 1920 г.

бухтарминцев вместе со своими лошадьми добровольно убили на Южный фронт. И так было повсеместно.

Настроение сибиряков-добровольцев было высоко патриотичным. Они были полны решимости разгромить гидру контрреволюции и интервенции. «Мы, сибиряки, должны твердо сказать: и мы идем на защиту Советской России!» — заявляли томичи-добровольцы²⁾. «Требуем, чтобы нас... отправили в самое опасное место фронта, где бы мы могли помочь в тяжелой неравной борьбе доблестным товарищам!» — звучало на устах у добровольцев-омичей³⁾. Молодые воины-сибиряки, уходя на фронт, давали перед лицом народа боевую клятву: «Мы, добровольцы, идем бить врага! Мы, испытавшие ужасы (колчаковщины. — В. К.) ...заявляем, что не сделаем ни одного шага назад!»⁴⁾.

Запись добровольцев-сибиряков в ряды Красной Армии продолжалась на протяжении, пока шли боевые действия на Западном и Южном фронтах. По далеко не полным данным из наиболее крупных городов Сибири в летние месяцы 1920 г. было направлено следующее число добровольцев (большинство из них коммунистов): из г. Томска — 1379 человек, из Омска — 1170 человек, из Новониколаевска — 477 человек, из Барнаула — 600 человек. Комсомол Западной Сибири направил на фронт и в ряды Красной Армии Сибири — 2670 человек молодых бойцов, из них 350 человек на командные курсы⁵⁾. Всего в течение второй половины 1920 г. добровольно вступило в ряды Красной Армии 47600 сибиряков, которые привели с собой в строй более 12530 лошадей⁶⁾.

Широкий поток добровольцев-сибиряков коммунистов, комсомольцев, членов профсоюза, партизан дал возможность приступить к формированию крупных войсковых единиц — частей и соединений.

В начале мая 1920 г. известный герой гражданской войны в Сибири, бывший главнокомандующий партизанской армии на Алтае Е. М. Мамонов по совету Е. Ярославского пишет обращение к партизанам Алтая, где призывает их к оружию, в поход против белопольских захватчиков. В короткий срок была сформирована 1-я отдельная Красная добровольческая западно-сибирская бригада, насчитывавшая в своем составе 7500 человек и 1357 лошадей⁷⁾. Командиром бригады был назначен Е. М. Мамонов, комиссаром бригады — т. Чистяков, начальником штаба — т. Ведерников. Бригада включала в себя 1-й стрелковый полк (командир т. Амурский), 2-й стрелковый полк (командир т. Озолин, затем его сменил т. Шестаков), кавалерийский эскадрон (командир т. Углов), артиллерийский дивизион из 4-х батарей (двух легких, одной гаубичной и интернациональной — командир т. Витальев)⁸⁾.

В это же время на базе расформированной Енисейской дивизии, ранее созданной из минусинской партизанской армии Кравченко и Щетинкина, начала комплектоваться 2-я добровольческая Красная бригада трехполкового состава со всеми вспомогательными частями.

В срочном порядке были сформированы несколько кавалерийских и артиллерийских частей и подразделений: два кавалерийских полка из

²⁾ «Знамя революции», 12 июня 1920 г.

³⁾ «Советская Сибирь», 27 августа 1920 г.

⁴⁾ «Советская Сибирь», 3 ноября 1920 г.

⁵⁾ Партийный архив Новосибирской области (ПАНО), ф. 1, оп. 1, д. 49, л. 36; «Знамя революции», 12 июня 1920 г. История Томской комсомольской организации. Томск, 1958, стр. 34.

⁶⁾ Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), ф. 185, оп. 1, д. 126, лл. 2—3, 4—18 (в указанное число включены все партизаны, вступившие в воинские части Красной Армии после освобождения Сибири от Колчака).

⁷⁾ ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 25, л. 85.

⁸⁾ ЦГАСА, ф. 2028, оп. 1, д. 1, л. 1.

добровольцев-партизан, два добровольческих кавалерийских дивизиона трехэскадронного состава, два отдельных кавалерийских эскадрона особого назначения и четыре артиллерийских дивизиона. Несколько позднее создан был в г. Барнауле и отправлен на борьбу с Врангелем 4-й Алтайский добровольческий эскадрон⁹). И это далеко не полный перечень добровольческих формирований Сибири.

В связи с расширением действий белополяков и армии Врангеля количество добровольческих формирований для пополнения действующих войск Красной Армии было явно недостаточно. На основании декрета Советского правительства Сибревком в конце мая объявляет мобилизацию сначала граждан рождения 1901 г., а несколько позднее — и возрастов 1899—1900 гг. рождения.

Проведенные призывы по всем губерниям Западной и Восточной Сибири дали для Красной Армии большой приток свежих сил — 147795 молодых бойцов¹⁰). Надо отметить, что приток призывников на сборные пункты в условиях только что созданных военных комиссариатов и слабо налаженного учета превысил все предварительные расчеты военного командования. Настолько был высок патриотизм сибирской молодежи.

Местные советские и партийные организации в торжественной обстановке отправляли эшелоны мобилизованных на Запад. Например, в г. Томске первый эшелон с мобилизованными отошел на фронт 5 июля 1920 г. Отправка прошла торжественно, в полном и образцовом порядке. На митинге трудящиеся Томска вручили убывающим на фронт Красное знамя с надписью «Смерть буржуазии — мы идем сменить уставших товарищей»...¹¹).

Сибирь имела значительный контингент интернационалистов, изъявивших желание с оружием в руках драться с врагами молодого Советского государства. На запрос Сибревкома в СНК о разрешении создать интерчасти В. И. Ленин ответил согласием. «Формирование немецко-венгерских дивизий из стойких и дисциплинированных элементов крайне целесообразно. Если возможно, желательно создать кавалерийские немецко-венгерские части-бригады, если нельзя дивизии», — телеграфировал В. И. Ленин¹²).

Вскоре начала формироваться стрелковая дивизия имени III Интернационала трехбригадного состава под командованием начдива С. Д. Павлова. В основу дивизии были положены уже укомплектованные подразделения интернационалистов: батальон в г. Канске, рота в г. Ачинске, по одному батальону в Томске, Новониколаевске, Омске.

Одновременно спешно шло пополнение уже существовавших дивизий, входивших в состав 5-й армии. Особое внимание при этом обращалось на те соединения и части, которые весной 1920 г. по приказу РВСР срочно направлялись на польский фронт, прежде всего в 27-ю омскую имени итальянского пролетариата стрелковую дивизию и несколько кавалерийских полков, которые потом вошли в 5-ю кавалерийскую дивизию и кавалерийскую бригаду особого назначения 1-й Конной армии. Вслед за ними вскоре Сибирь шлет еще несколько прославленных дивизий и бригад, также пополненных свежими силами.

По просьбе командующего Юго-Западным фронтом Главком С. С. Каменев направляет на Крымский фронт из Сибири 1-ю отдельную

⁹) ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 50, л. 158; д. 51, лл. 33—37; ф. 185, оп. 4, д. 195, л. 61; д. 267, л. 51; оп. 1, д. 115, л. 14.

¹⁰) ЦГАСА, ф. 185, оп. 3, д. 2219, л. 47; ф. 16, оп. 3, д. 407, лл. 3, 32, 37, 48, 78.

¹¹) «Знамя революции», 6 мая 1920 г.

¹²) ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 134, л. 346.

красную добровольческую западно-сибирскую стрелковую бригаду Е. М. Мамонтова, 51-ю во главе с В. К. Блюхером и 30-ю иркутскую дивизию под командованием И. К. Грязнова, а также несколько маршевых батальонов в составе 30000 человек пополнения¹³).

Помимо вышеперечисленных формирований непрерывным потоком шли на фронт маршевые роты и батальоны для покрытия в дивизиях убыли во время боев.

О социальном составе ушедших на фронт соединений можно судить хотя бы по 51-й стрелковой дивизии. Она имела рабочую прослойку, составлявшую почти четверть своего состава. Остальная масса красноармейцев представляла собой сибирских крестьян, большинство которых — бывшие партизаны. Очень высокой была партийная прослойка, достигавшая 12% от бывшей численности дивизии и до 25% ее боевого состава¹⁴). Особенно высокой партийная прослойка была в 1-й добровольческой бригаде, где коммунисты составляли 50% ее численности.

Таким образом, Сибирь усилиями партийных организаций, местных советских и военных органов в условиях слабо сложившегося аппарата управления в короткий срок направила для борьбы с белополяками и Врангелем крупные военные силы общей численностью в 215 тыс. человек и 45 тыс. лошадей, полностью вооруженных и снабженных необходимыми видами довольствия¹⁵). Это была сильная поддержка, сыгравшая в операциях действующих фронтов решающее значение. Если за весь 1920 г. действующая армия получила из запасных частей военных округов 547759 человек, то, как видим, доля Сибири при этом составляет 50%. В сравнении с общим потоком пополнения, взятом в целом по стране, Сибирь занимала пятую часть¹⁶).

Кроме войсковых частей и соединений, направленных на внешние фронты, создавались крупные силы Красной Армии Сибири для борьбы на внутреннем фронте против остатков колчаковщины, банд Унгерна и Бакича, против контрреволюционных выступлений местного кулачества. В числе этих сил можно назвать 35-ю, 26-ю стрелковые и 13-ю кавалерийскую дивизии; в стадии формирования находились 1-я (затем переименованная в 29-ю), 4-я, 62-я стрелковые дивизии и 22-я дивизия войск ВНУС четырехбригадного состава. Одновременно было сформировано для внутренних нужд 19 кавалерийских взводов, отдельный кавалерийский эскадрон и два губернских конных запаса¹⁷). Наряду с ними в составе ЧОН Сибири было скомплектовано 27 кавалерийских коммунистических взводов. Таким образом, внутренние формирования Красной Армии Сибири, насчитывавшие в своем составе на 1 декабря 1920 г. около 363 тыс. человек, также представляли внушительную силу¹⁸). Эти силы были предназначены не только для охраны государственной границы и поддержания спокойствия на территории обширного края, но они одновременно являлись крупным стратегическим резервом на случай непредвиденных обстоятельств и возможных осложнений на фронте.

Характеристика военных усилий Сибири в 1920 г. была бы неполной, если не показать хотя бы в общем плане многогранную и многотрудную работу, проводимую по подготовке военных кадров, которой уделялось огромное внимание со стороны партии и лично В. И. Ленина.

¹³) ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 747, лл. 32, 33.

¹⁴) В. К. Блюхер. Статьи и речи, М., 1963, стр. 140.

¹⁵) «Политработник Сибири», 1920, № 1, стр. 9; ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 747, л. 32.

¹⁶) История гражданской войны в СССР, т. 5, М., 1960, стр. 82.

¹⁷) ЦГАСА, ф. 185, оп. 4, д. 195, л. 61; д. 267, л. 3; д. 126, л. 18; д. 1787, л. 246.

¹⁸) ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 747, л. 37.

По мере освобождения Сибири от колчаковцев последняя все более становилась обособленным операционным направлением, а также глубоким тылом с большими военными запасами и людскими резервами. Последнее придавало ей, в связи с оторванностью и изолированностью от центральных районов, особую самостоятельность в решении хозяйственных и военных вопросов, особенно в деле развертывания новых формирований и подготовки запаса для армии.

В целях централизации и единства руководства всеми военными частями и всей военной работой в Сибири была по рекомендации В. И. Ленина введена должность помощника главнокомандующего всех Вооруженных Сил республики по Сибири, на которую был назначен В. И. Шорин. Он же был введен в состав Сибревкома в качестве его члена с решающим голосом.

Развертывание борьбы с остатками колчаковщины, а также расширение подготовки резервов для действующих армий на западе выявили острую необходимость в расширении ранее существовавшей в 5-й армии курсов и школ по подготовке красных командиров.

27 ноября 1919 г. Инспекция военного учебного дела 5-й армии была распоряжением РВСР переименована в Сибирское управление военно-учебных заведений, во главе которой был оставлен прежний начальник Н. И. Корицкий. Вместе с помощником командующего фронтом т. Дзевалтовским и членами организационной комиссии была разработана к 15 декабря временная схема формирования новых военных курсов и школ. В январе-феврале, частично в марте 1920 г. было сформировано 24 различных курса для подготовки краскомов¹⁹⁾.

Развертывание военно-учебных заведений в Сибири приняло внушительные размеры. Здесь разместились более 50% всех курсов и школ, развернутых в 1920 г. в целом по Вооруженным Силам республики. Можно определенно сказать, что Сибирь стала вторым учебным центром (после центральных районов страны) по подготовке красных командиров.

С прибытием в Сибирь В. И. Шорина в целях улучшения системы подготовки красных командиров курсы были укрупнены, более тщательно подобраны командные и преподавательские кадры, улучшена учебно-материальная база. Срок обучения на курсах был установлен 4-месячный. Однако наряду с этим существовали особые группы с еще более сокращенным сроком обучения.

В целях повышения военно-теоретического и специального уровня руководящих и преподавательских кадров, а также обобщения опыта учебно-воспитательной работы были созданы «аудитории военного дела» и печатный орган — журнал «Красный вождь».

К середине 1920 г. в Сибири окончательно складывается 15 военно-учебных заведений. Из них было шесть пехотных и шесть специальных (родов войск) — кавалерийские, артиллерийские, инженерные, топографические, курсы арттехников и оружейных мастеров, интернациональные пехотные курсы, одна высшая военная школа и школа военных хозяйственников. На протяжении 1920 г. все курсы Сибири произвели в основном 48 выпусков красных командиров. 1163 молодых сибирских краскома пополнили части действующей армии²⁰⁾.

Командные курсы в годы гражданской войны имели огромное значение. Партия, Советское правительство особо отметили их деятельность в специальном постановлении Совета Труда и Оборона, подписан-

¹⁹⁾ ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 11, лл. 8, 9.

²⁰⁾ «Красный вождь», 1921, № 1—2, стр. 11—15; ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 407, лл. 17, 64, 114, 125—144.

ном В. И. Лениным. В нем говорилось, что «гражданская война требовала от командных курсов колоссального напряжения. Сроки обучения были доведены до минимума». И в этих условиях они «беспрерывно давали фронтам все новые кадры красных командиров»²¹⁾. В отчете Народного комиссара по военным делам за 1921 г. указывалось, что на протяжении гражданской войны «командные курсы служили оплотом революции и проводниками ее идей»²²⁾. После гражданской войны на основании вышеприведенного постановления СТО наиболее зарекомендовавшие себя курсы преобразовывались в военные школы нормально-го типа. Из числа сибирских курсов восемь были переведены к концу 1920 г. на положение военных школ, из них три школы разместились в Томске. Такова высокая оценка Совета Труда и Оборона, РВСР и командования Красной Армии деятельности сибирских курсов.

Партия и Советское правительство высоко оценили подвиги сибиряков. Все сибирские дивизии, отдельные бригады и полки, сражавшиеся против Колчака, белополяков, Врангеля, Унгерна, Бакича, были награждены почетными революционными красными знаменами. Спустя несколько лет они за эти подвиги были награждены орденами Красного Знамени и орденом Ленина. Многие из них получили почетное наименование: 27-я стрелковая омская имени итальянского пролетариата дивизия; 51-я стрелковая перекопская имени Московского пролетариата дивизия; 30-я стрелковая иркутская Чонгарская имени ВЦИК дивизия. В знак уважения к личному составу и отмечая высокие заслуги 30-й дивизии в боях с войсками Врангеля на Чонгарской переправе, решением Сибревкома ей присваивается также наименование «Томской».

Особую похвалу заслужила и 1-я отдельная Красная добровольческая западно-сибирская бригада (переименованная позднее в 85-ю стрелковую бригаду) от прославленного пролетарского полководца М. В. Фрунзе. В приказе РВС Южного фронта от 19 октября 1920 г. указывалось, что бригада, приданная 46-й дивизии И. Ф. Федько, неделю героически дралась с заднепровской врангельской группой и вышла победителем. Враг был отброшен за Днепр. Эта победа положила начало стратегическому крушению Врангеля. Неоднократно отмечались подвиги сибиряков-кавалеристов, входивших в состав 5-й кавалерийской дивизии и особую кавалерийскую бригаду 1-й Конной армии. «Побольше таких славных подвигов, — писал М. В. Фрунзе о рейде 5-й кавдивизии в тыл врага, — и армию Врангеля не спасут ни пространство, ни укрепленные позиции»²³⁾.

В составе кавалерийской группы А. М. Осадчего, громившей староконстантиновскую группу белополяков, затем в составе особой кавбригады 1-й Конной армии под Львовом, в районе Замостье, незаурядную боевую доблесть и героизм проявил сибирский кавалерийский полк под командованием Н. В. Ракитина²⁴⁾.

Трудящиеся Сибири внимательно следили за действиями своих частей и соединений на фронте. После разгрома белополяков и Врангеля от своего имени Революционный Военный Совет 5-й армии (в составе командующего Матиясевича, членов Военного Совета Петерсона, Сергеева, Позера) в поздравительной телеграмме 27-й, 30-й и 51-й дивизиям от 13 декабря 1920 г. писал: «РВС-5 поздравляет родные дивизии блестящим выполнением боевых заданий. Шлет товарищам сибиря-

²¹⁾ «Красный вождь», 1921, № 3—4, стр. 122, 123.

²²⁾ ЦГАСА, ф. 4, оп. 3, д. 1704, стр. 73.

²³⁾ П. С. Кольцов. Последняя схватка с Антантой. М., 1962, стр. 64.

²⁴⁾ С. М. Буденный. Пройденный путь. Кн. 2, М., 1965, стр. 183, 193, 205, 209, 220, 227, 234, 274, 299, 325, 362.

кам свой сердечный привет и благодарит за поддержку неувядаемой славы сибирских красных бойцов»²⁵).

Завершающая схватка с Антантой окончилась полным разгромом ее последних ставленников — панской Польши и Врангеля. Доблестная Красная Армия вместе с трудящимися всей страны под руководством Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным завоевала нашей Родине мир и необходимые условия для строительства социализма.

В решение этой подлинно гигантской задачи немалый вклад сделали и доблестными тружениками и красными воинами Сибири.

²⁵) ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 144, л. 144.

ВЕНИАМИН ДАВЫДОВИЧ ВЕГМАН

В. А. СОЛОВЬЕВА, Л. В. МУРАВЬЕВА

Чествуя участников подпольной работы нашей партии в двадцатипятилетний юбилей РКП(б), газета «Советская Сибирь» назвала по старшинству пребывания в партии «первым в сибирской кагорте коммунистического легиона» В. Д. Вегмана¹⁾.

Вениамин Давыдович Вегман родился в Одессе в 1873 г. Еще юношей он начал участвовать в революционном движении. В 1892 г. с одним из рабочих кружков, как вспоминает сам В. Д. Вегман, он «справлял свою первую маевку». Это были народнические кружки. Но, как и во всей России, в Одессе все больше распространялась и марксистская литература, особенно среди молодежи. В своих народнических убеждениях Вегман колебался в 1894 г., когда прочел «Наши разногласия» Г. В. Плеханова. Он участвует в организации полународнического-полусоциал-демократического кружка из учащихся и рабочих, а в 1896 г. окончательно порывает с народничеством и совершенно уходит в социал-демократию.

В 1897 г. Одесская и Новониколаевская организации, используя необходимость серьезного лечения В. Д. Вегмана, направили его за границу для связи с группой «Освобождение труда» и «Союзом русских социал-демократов». За границей Вегман пробыл до весны 1913 г., переезжая из страны в страну, но главным образом жил в Вене.

Вегман вел работу среди австрийских рабочих и студентов, организовывал транспорты революционной социал-демократической литературы в Россию. В декабре 1898 г. департамент полиции включил Вегмана в циркулярный список лиц, за коими по возвращении в Россию предписывалось установить секретное наблюдение.

Под влиянием социал-демократов из «молодых» в 1899 г. Вегман вступил в «Союз русских социал-демократов», который определенное время являлся единственным представителем РСДРП за границей, но в конце 90-х годов сделал поворот в сторону оппортунизма.

Вегман помещал статьи в журнале «Рабочее дело» — органе Союза, носившем экономическое направление. Но уже к весне 1901 г. под воздействием ленинской «Искры» и ленинского плана создания партии нового типа в числе других социал-демократов, кружков и групп

¹⁾ «Советская Сибирь», № 55, 14 марта 1923 г. В последнее время появилась обстоятельная специальная статья, посвященная В. Д. Вегману (В. С. Познанский. Вениамин Давыдович Вегман. «История СССР», 1967, № 6, стр. 162—168), но она касается преимущественно одной стороны жизни В. Д. Вегмана — его научно-публицистической деятельности.

В. Д. Вегман отошел от оппортунистического союза и стал искровцем. В 1901 г. он помещает в «Искре» ряд статей — писем из Вены и получает через Н. К. Крупскую приглашение В. И. Ленина писать в «Искру» чаще.

После II съезда партии В. Д. Вегман присоединяется к большевикам, ведет большевистскую пропаганду в Вене, организует большевистские кружки, собирает средства для большевистской организации, участвует в борьбе с эсерами, бундовцами, участвует в организации транспортов нелегальной литературы в Россию. 27 марта 1904 г. из Вены в Россию на имя директора департамента полиции сообщалось, что «проживающий в Вене русский подданный Бенциан Вегман-Вейсман — агент по распространению нелегальной литературы»²⁾.

В годы первой русской революции активное участие в агитационно-организаторской работе Вегман принять не мог по состоянию здоровья. В эти годы он перенес две сложнейших операции горла и жил то за границей, то нелегально в Одессе и снова за границей. Но, даже будучи больным, Вегман и в России, и за границей был связан с большевиками. В 1906 г. был корреспондентом большевистской газеты «Волна». А с 1908 г. возобновил свою агитационную большевистскую работу среди русских студентов и рабочих за границей³⁾.

В 1912 г. стала выходить большевистская газета «Правда». В. И. Ленин в этот период очень внимательно следил за большевистскими организациями в России. Как только весной 1913 г. партийный центр потерял связь с Одесским комитетом, В. И. Ленин направляет туда В. Д. Вегмана⁴⁾.

В. И. Ленин лично сам в Кракове проинструктировал Вегмана, а Н. К. Крупская дала ему несколько адресов для связи.

Ленин считал необходимым прежде всего широко поставить распространение «Правды», связать рабочих с этой газетой, рекомендовав для этого посылку в газету корреспонденций из Одессы. В задачу Вегмана входило также укрепить большевистский комитет и наладить работу в легальных организациях⁵⁾.

26 апреля 1913 г. Вегман прибыл к месту назначения. По данным Н. К. Крупской адресам он никого не нашел, пришлось самостоятельно налаживать связи с рабочими. Положение в организации было очень тяжелое. Ослаблена была работа в профсоюзах, масштабы стачечного движения по сравнению с 1912 г. значительно сократились.

Вегман начал с укрепления большевистского комитета, с объединения группы надежных товарищей через распространение газеты «Правда». Постоянными покупателями «Правды» были рабочие большевики, они и явились основным ядром партийной организации в Одессе. Для связи с рабочими массами Вегман и рабочие большевики-агитаторы обзавелись своим кioskом. Во второй половине 1913 г. через

²⁾ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 330, л. 25.

³⁾ Там же, л. 7, 83.

⁴⁾ В историческую литературу о В. Д. Вегмане, опубликованную в Сибири, вкралась неточность о возвращении В. Д. Вегмана из-за границы в Одессу в 1912 г. Авторы работ по истории Одесской партийной организации считают годом приезда Вегмана из эмиграции в Россию 1913 год. Эту дату называл и сам В. Д. Вегман во всех автобиографических и анкетных данных, дошедших до нас, начиная с 1921 г., а также в опубликованных в 1925 г. в первом номере журнала «Сибирские огни» воспоминаниях «Почему я попал в ссылку». Первоосновой ошибочного утверждения о сроке возвращения В. Д. Вегмана в Одессу послужила, на наш взгляд, опечатка, допущенная в статье «Старейший член партии в Сибири», написанной с привлечением воспоминаний Вегмана и опубликованной в газете «Советская Сибирь» 14 марта 1923 г.

⁵⁾ С. Мельник. В. И. Ленин и Одесская партийная организация. Одесса, 1960, стр. 76.

киоск «Правда» распространялась в количестве 400 экземпляров, а к весне 1914 г. уже около 600 экземпляров. Успешно собирались и пожертвования в «железный фонд» газеты⁶⁾.

Выполняя указания В. И. Ленина, В. Д. Вегман организовывал корреспонденции рабочих Одессы в «Правду». В них освещалась революционная борьба рабочих, положение трудящихся. С 1913 г. корреспондентом «Правды» от Одессы был рабочий кузнец завода Гена А. М. Борисов.

Рабочие, с которыми Вегману удалось наладить связи, содействовали возрождению Одесской партийной организации⁷⁾. Одесские большевики получили подкрепление и из других городов России⁸⁾.

Приехавший в Одессу в ноябре 1913 г. после Поронинского совещания, по направлению В. И. Ленина, опытный профессионал революционер А. В. Шотман застал здесь уже сплоченную большевистскую группу. В начале 1914 г. руководимые Вегманом и Шотманом большевики Одессы сумели восстановить общегородскую социал-демократическую организацию с большевистским комитетом во главе. Большевики Одессы вели за собой преобладающую часть пролетариата города⁹⁾.

Немалая заслуга В. Д. Вегмана и в том, что Одесский комитет умело сочетал легальные и нелегальные формы работы. Под руководством Вегмана была проведена страховая кампания в Одессе. В конце 1913 г. большевиками Одессы он был избран председателем правления специального бюро по руководству страховой кампанией. Не менее важной была работа большевиков в профессиональных союзах, в которой вместе со многими другими большевиками участвовал и Вегман. Накануне первой мировой войны в условиях нарастающего революционного движения по всей стране совместно с прибывшим в Одессу по заданию В. И. Ленина и русского бюро ЦК видного деятеля большевистского подполья Е. Г. Горбачевым Вегман проводил ряд собраний рабочих, на которых обсуждались вопросы стачечной борьбы¹⁰⁾. А с началом войны, работая под кличкой «Степа», Вениамин Давыдович вел работу среди одесских рабочих по разоблачению грабительского характера войны¹¹⁾.

Ищейки давно следили за Вегманом. В отчете по Херсонской губернии за декабрь 1913 г. по РСДРП упоминался Вегман-Вейсман Б. Д.: как большевик он был включен в сферу наружного наблюдения с указанием, что Вегман предполагает организовать группу из членов больничных касс. 31 января 1914 г. начальник жандармского управления г. Одессы уведомлял департамент полиции, что «Вегман, принадлежа к фракции большевиков РСДРП, в минувшем году с целью организации подпольной работы в г. Одессе пытался войти в качестве секретаря сначала центральной больничной кассы типографов г. Одессы, а затем такой же кассы рабочих русского общества пароходства и торговли. Кроме того, Вегман имел сношения... с кооптированным членом русского бюро ленинского центрального комитета РСДРП»¹²⁾.

Уже в апреле 1914 г. он был арестован за организацию забастовки протеста в связи с расстрелом бакинских рабочих. В июле, вскоре по-

⁶⁾ Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 1621, оп. 1, д. 73, л. 24.

⁷⁾ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1 д. 330, л. 17.

⁸⁾ Из истории Одесской партийной организации. Одесса, 1964, стр. 122.

⁹⁾ Из истории Одесской партийной организации. Одесса, 1964, стр. 123.

¹⁰⁾ С. Мельник. Указ. соч., стр. 77.

¹¹⁾ О. Т. Алешкин. Революционная работа большевиков в массах в годы первой мировой войны и второй революции в России. Одесса, 1965, стр. 9.

¹²⁾ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 330, л. 25.

сле объявления войны, по амнистии в числе других ошибочно был выпущен, но уже в августе жандармерия вновь арестовала его¹³). Как позднее сообщал в департамент полиции начальник жандармского управления г. Одессы, «Вегман за принадлежность к фракции большевиков РСДРП и за организацию кружков среди рабочих 21 августа 1914 г. был обыскан и арестован». Сидеть в тюрьме на этот раз пришлось недолго. Через две недели по постановлению главного начальника Одесского военного округа и генерал-губернатора от 1 сентября 1914 г. Вегман был выслан в северные уезды Тобольской губернии под гласный надзор полиции на все время военного положения в Одесском градоначальстве.

Из открытого листа, составленного в Одесском городском полицейском управлении 5 сентября 1914 г., видно, что Вегман был отправлен из Одессы, прошел по этапу через Киев, Челябинск, Курган, Тюмень.

В это время Вениамину Давыдовичу был 41 год. Этап от Одессы до Томска был мучителен и долг. Тобольский губернатор отказался принять партию политических ссыльных и, месяц спустя, по санной дороге они были доставлены в Томск. Отсюда в 45-градусный мороз Вегман в декабре был отправлен в далекий Нарымский край. Вначале он был водворен в село Инкино. Через три дня ему разрешили переехать в Колпашево, где имелся врачебный пункт. Но по доносу стражника о том, что Вегман собирается бежать из ссылки, 1 января 1915 г. его отправили в Нарым¹⁴).

Накануне и в годы первой мировой войны Нарым был превращен царской полицией в место ссылки крупнейших работников большевистского подполья. В Нарыме был центр краевой партийной организации, объединявшей все большевистские группы Нарымской ссылки.

В. Д. Вегман был одним из активных ссыльных большевиков в работе краевой партийной организации. Весной 1915 г. он участвовал в работе съезда делегатов от партийных групп всего края, созванного по инициативе нарымчан в лесу близ Нарыма. Съезд обсудил вопросы партийной работы в ссылке, об организации побегов в промышленные центры страны, о борьбе с полицией и избрал центральное бюро¹⁵).

Политическая ссылка для многих революционеров являлась хорошей революционной школой. Вместе с другими большевиками-ссыльными Нарыма Вегман много работал в области организации политического и общего образования и воспитания политических ссыльных края. Он вел кружок по истории рабочего и профессионального движения, в 1915—1916 гг. — два кружка по обучению латышей русскому языку.

Вместе со всеми ссыльными большевиками Вегман боролся против полицейского произвола. Эту борьбу он начал с первого дня прибытия на место ссылки резким разоблачением виновности бездушных стражников в смерти ехавшего с ним в ссылку, но замерзшего по дороге, ссыльного Королева.

Как и все политические ссыльные большевики, В. Д. Вегман испытывал в ссылке серьезные материальные затруднения. В январе 1915 г. в прошении на имя Томского уездного исправника о выдаче денежного пособия В. Д. Вегман писал: «...я, страдающий горловой болезнью, вынужден в настоящую пору, когда мороз нередко достигает 40 градусов, кутаться в осеннее пальто, одолженное мною у то-

¹³) Там же, лл. 17, 25.

¹⁴) Там же, л. 17.

¹⁵) Э. Хазиахметов. Большевики в Нарымской ссылке. Новосибирск, 1967, стр. 74—75.

варища»¹⁶). Царские власти были глухими к подобным просьбам ссыльных большевиков. Но моральную и материальную помощь большевикам-ссыльным оказывали их товарищи с воли. В. Д. Вегман был в числе видных партийных работников, которым оказывал помощь из своих скудных средств ЦК партии. В своих воспоминаниях позднее Вегман писал: «В ссылке, я, как и Шотман и Яковлев, получал из-за границы от Надежды Константиновны через каждые два месяца по 10 рублей. Поддержка чувствительная и основательная по тому времени»¹⁷).

В трудных условиях империалистической войны ссыльные большевики Нарыма и состоявшие с ними в тесных связях большевики Томска восстановили связи с ЦК РСДРП и В. И. Лениным, находившимся за границей, получали партийные директивы, ленинские установки о партийной линии «война— войне», информировали о них большевиков партийных организаций других городов губернии и всей Сибири. В эти годы В. Д. Вегман был в Нарымской ссылке одним из адресатов для нелегальной переписки и связей с ленинским ЦК и партийными организациями центра России.

В 1916 г. еще в Нарыме мобилизованные в армию политические ссыльные по инициативе большевиков во главе с Н. Н. Яковлевым создали революционную организацию — Военно-социалистический союз, через который большевики развернули широкую революционно-пропагандистскую работу в войсках и среди рабочих Томска, Иркутска, Красноярска и других городов Сибири за свержение царизма. Вениамин Давыдович принял активное участие в организации и деятельности Военно-социалистического союза. Вместе с А. В. Шотманом, тоже не подлежавшим мобилизации в армию, они входили в Нарымское бюро союза и осуществляли из Нарыма связь Военно-социалистического союза с заграницей.

Вскоре после февральской революции В. Д. Вегман вместе с другими освобожденными политическими ссыльными выехал из Нарыма в Томск, где сразу же включился в работу. В составе Томской партийной организации Вегман принимал участие в организации борьбы трудящихся за свержение самодержавных порядков и учреждение новых органов власти, оказывал помощь в формировании Советов в Томске и других городах губернии.

Вегман был в числе первых из томских большевиков, кто приветствовал Апрельские тезисы В. И. Ленина и пропагандировал их в массах. После выступления В. И. Ленина с Апрельскими тезисами В. Д. Вегман, А. В. Шотман и Н. Н. Яковлев, ранее близко знавшие Ленина, в особой телеграмме из Томска в Петроград приветствовали В. И. Ленина и присоединились к его предложению переименовать партию в Коммунистическую¹⁸).

Как и другие большевики-ленинцы, В. Д. Вегман пропагандировал в массах ленинский план борьбы за социалистическую революцию, боролся за укрепление партийной организации Томска. В ходе состоявшихся 26 мая перевыборов комитета Томской объединенной социал-демократической организации, давших большинство большевикам, он был избран в состав городского комитета, а затем стал его председателем¹⁹). Вместе с другими большевиками-ленинцами Вениамин Давыдович вел борьбу за организационный разрыв с меньшевиками и создание самостоятельной большевистской организации в Томске и губернии.

¹⁶) ГАТО, ф. 113, оп. 3, д. 136, л. 10.

¹⁷) ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 330, л. 17.

¹⁸) А. Шотман. Как от искры возгорелось пламя. М., 1934, стр. 321—322.

¹⁹) «Сибирский рабочий», 4 июня 1917 г.; «Знамя революции», 13 июня 1917 г.

А когда в сентябре 1917 г. она была создана, Вегман стал во главе Томского губернского большевистского комитета, одновременно являясь и членом Томского городского комитета.

Вегману принадлежит большая роль в становлении и развитии партийной и советской печати в Томске во время подготовки и проведения Октябрьской революции. Учитывая его искровский опыт, большевики Томска сразу после свержения самодержавия направили В. Д. Вегмана на газетную работу. В марте и апреле 1917 г. Вегман редактирует «Известия Совета солдатских депутатов Томского гарнизона». С июля 1917 по май 1918 г. он является редактором второго советского органа — газеты «Знамя революции», сотрудничает в редакции «Сибирского рабочего» — органа городской партийной организации, а затем редактирует журнал «Сибирский рабочий» — губернский орган большевиков. Под руководством Вегмана с участием таких опытных большевиков, как И. Л. Наханович, Н. Н. Яковлев, А. Ф. Иванов, А. И. Беленец, В. И. Клипов, Ф. М. Лыткин, В. М. Бахметьев и других местная партийная и советская печать доводила до широких масс рабочих, солдат и крестьян губернии программу большевиков, их лозунги, помогала мобилизовать трудящихся на социалистическую революцию, на борьбу за установление Советской власти и проведение ее первых мероприятий. Руководство непосредственной борьбой трудящихся за установление и укрепление Советской власти осуществляли городской и губернский комитеты РСДРП(б).

Во время чехословацкого мятежа и временного падения Советской власти в Сибири Вегман участвовал в подготовке эвакуации советских и партийных работников из Томска. Сам же остался в Томске для революционной работы. В. Д. Вегман твердо верил в восстановление Советской власти. «Я решил остаться. Я уверен, что скоро и Вы вернетесь»²⁰). — говорил В. Д. Вегман отъезжавшим товарищам.

С оставшимися в городе товарищами В. Д. Вегман организовал подпольную большевистскую ячейку, которая решила вести свою работу под прикрытием Совета профессиональных союзов. Было решено издавать орган профсоюзов — ежедневную газету «Рабочее Знамя», редактирование ее поручалось Вегману²¹).

Как редактор газеты В. Д. Вегман выступает с революционными речами на собраниях и съездах рабочих Сибири. Вместе с большевистской редакцией налаживает нелегальные связи газеты с большевиками, находившимися в томских тюрьмах. Газета приобретала большевистскую направленность. Особенно революционно наступательный дух носили корреспонденции И. Л. Нахановича, разоблачающие контрреволюционную роль эсеров и меньшевиков, приведших к власти буржуазию. В письмах из тюрьмы Наханович делал серьезные критические замечания в адрес газеты и рекомендации В. Д. Вегману по налаживанию боевой революционной газеты²²).

Между тем реакция усиливалась. Эсеровские правители из Временного сибирского правительства в августе 1918 г. закрывают газету «Рабочее Знамя». Еще 20 июля по распоряжению из Омска был арестован ее редактор Вегман. 17 октября 1918 г. генерал Пепеляев вывез из Томска Вегмана в числе 13 заложников и поместил их в Екатеринбургскую тюрьму, откуда Вегман был освобожден только при восста-

²⁰) В. Вегман. Как и почему пала в 1918 г. Советская власть в Томске. «Путь борьбы». Истпарт, вып. 1, 1923, стр. 45.

²¹) В. Я м и н. В борьбе за коммунизм. К истории Томской организации РКП(б). Сб. «В огне революционных битв», Томск, 1964, стр. 139.

²²) Партийный архив Томского обкома КПСС (ПАТО), ф. 4204, оп. 2, д. 24, л. 82.

появлении Советской власти. Условия тюремного заключения были ужасны. Вегман тяжело заболел. Когда красные подходили к городу, Вегман, перенесший в тюрьме сыпной и возвратный тиф, большой цингой, лежал прикованный к тюремным нарам. После освобождения из тюрьмы советскими войсками в июле 1919 г., будучи еще очень слабым, он на некоторое время возглавил организационный комитет в Екатеринбурге и помог организовать местную организацию РКП (б)²³. А в сентябре 1919 г. был направлен в Москву на лечение.

В декабре 1919 г. ЦК откомандировал В. Д. Вегмана в распоряжение Сибревкома. 24 января 1920 г. газета «Сибирский коммунист» в специальной статье «Приезд товарища Вегмана» сообщала о прибытии его в Томск на партийную работу. Вегман становится редактором возрожденной газеты «Знамя революции».

После изгнания Колчака и восстановления Советской власти в Сибири В. Д. Вегман ведет большую партийную, советскую и научную работу. Он является членом губбюро РКП(б), редактирует томскую газету «Знамя революции», а с июля 1920 г. на протяжении всех последующих лет жизни работает начальником сибирского архива, заведующим сибирским отделом литературы и печати, организатором сибирской книжной палаты, заведующим сибистпартом, принимает активное участие в реорганизации высшей школы, в постановке народного образования. С 1929 г. член сибирского крайкома ВКП(б).

Большую роль в жизни В. Д. Вегмана в советское время занимала научная деятельность.

Важное значение имела его работа по организации сибирского архива и сбору материалов в Сибистпарт. Возглавляемый Вегманом Сибирский истпарт развернул работу по сбору документов и воспоминаний о борьбе за власть Советов в Сибири в 1917—1919 гг. К 10-летию Октябрьской революции Сибистпарт при непосредственном участии Вегмана издал ряд книг и сборников. Вегман был одним из редакторов сибирской советской энциклопедии.

В 20-х — начале 30-х годов Вегман написал много работ и статей о революционных событиях в Сибири. Печатался он в эти годы и в газетах Восточной и Западной Сибири, и сибирских журналах, а также других изданиях.

Особенно много занимался Вегман изучением проблем истории Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири. Круг этих проблем у Вегмана был очень широк: рабочее и крестьянское движение в период подготовки Октябрьской революции, рабочее движение и большевистское подполье в годы колчаковщины, история контрреволюционных организаций и другие²⁴).

В. Д. Вегман по праву является первым историком Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири, историком-марксистом. Его работы содержали объективную, большевистскую оценку революционных событий тех лет, что при тогдашнем состоянии науки, в условиях, когда еще продолжали публиковаться эсеро-меньшевистские воспоминания, имело большое значение. В. Д. Вегман, постоянно занимаясь пропагандой марксизма-ленинизма, много и тепло писал и лично о В. И. Ленине, как вожде пролетарской революции, теоретике и организаторе, руководителе первого Советского государства, чьи заслуги перед человечеством неизмеримы.

²³) ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 330, л. 18; «Сибирский коммунист», 24 января 1920 г.

²⁴) См. об этом указ. работу В. С. Познанского, стр. 165—168.

В. Д. Вегман умело сочетал большую научную работу с широкой общественной деятельностью. В 30-е годы он по заданию крайкома ВКП(б) неоднократно выезжал в Кузбасс для обследования положения иностранных рабочих (одновременно читая им лекции на немецком языке), участвовал в работе писательского съезда. В. Д. Вегмана можно было встретить в селе Шушенском, куда он приезжал по вопросу о состоянии мемориального села, и среди делегатов Нарымской краевой комсомольской конференции. Его видели как докладчика для учителей школ Новосибирска по организации криведения, и как желанного гостя юных друзей — новосибирских пионеров.

В мае 1929 г. в одном из писем он писал: «Я рассчитываю стоять у живой партработы по крайней мере еще лет 20»²⁵⁾. Но в 1938 г. В. Д. Вегман пал жертвой необоснованных репрессий²⁶⁾.

Заполняя одну из анкет 20-х годов для старых большевиков и ветеранов революции, В. Д. Вегман на вопрос: «Работаете ли Вы и теперь в интересах социальной революции?» ответил: «Вся моя работа ведется в интересах социальной революции».

И это было действительно так. Вся жизнь этого старейшего члена Коммунистической партии была посвящена интересам социалистической революции, победе социализма в нашей стране.

²⁵⁾ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 330, л. 33.

²⁶⁾ В указ. работе В. С. Познанского в определении даты смерти В. Д. Вегмана допущена неточность.

К ИСТОРИИ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА АВТОНОМНОЙ СИБИРИ»

В. Н. НАЗИМОК

«Временное правительство автономной Сибири»¹⁾, находившееся с марта 1918 г. в г. Харбине после разгона его в январе 1918 г. в г. Томске, было в основном эсеровским²⁾. Это правительство возглавлял правый эсер Дербер и его сообщники эсеры Новоселов, Шатилов, Патушинский, Захаров и др. Прибыв на Дальний Восток, «Временное правительство автономной Сибири» вступило непосредственно в преступную связь с иностранными государствами. Торгуя землями Сибири, оно надеялось при помощи японских, американских, английских и других иностранных штыков свергнуть Советскую власть и установить на территории Сибири и Дальнего Востока эсеровское «автономное правительство». На Дальнем Востоке, особенно в полосе отчуждения КВЖД в Маньчжурии, в короткий срок собралось значительное число контрреволюционеров, бежавших из России в Сибирь (помещиков и капиталистов, реакционно настроенных офицеров, лидеров буржуазно-помещичьих и эсеро-меньшевистских партий и т. п.)³⁾.

Эсеровское отребье нашло себе «достойных» сообщников в Харбине, где 17 марта 1918 г. состоялось объединенное совещание эсеров, меньшевиков, бундовцев, центрального бюро профсоюзов, совета служащих и мастеровых КВЖД в присутствии членов «Временного правительства автономной Сибири» Захарова и Тибер-Петрова. На совещании рассматривался вопрос о «краевой сибирской власти»⁴⁾.

Контрреволюционное совещание признало, что наступило время выступать активно в защиту Учредительного собрания, возложив организацию «твердой» власти на «Временное правительство автономной Сибири». Относительно «Дальневосточного комитета защиты родины и Учредительного собрания» и Семенова, находившегося также в Харбине, совещание считало, что эта вторая «организованная власть для этих целей не подходит, ибо она слишком монархическая».

«Временное правительство автономной Сибири» главной своей задачей считало восстановление городских и земских самоуправлений и че-

¹⁾ Оно также называлось «Временное Сибирское правительство».

²⁾ М. Е. Плотникова. Роль «Временного Сибирского правительства» в подготовке контрреволюционного колчаковского переворота в Сибири. Сборник научных работ исторических кафедр, Томск, 1964, стр. 55.

³⁾ С. Григорьевич. Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918—1922 гг.), М., 1957, стр. 20.

⁴⁾ «Вестник Маньчжурии», 19 марта 1918 г.

рез них обеспечение скорейшего созыва Сибирского Учредительного собрания, которое, в свою очередь, должно было оказать помощь и поддержку в восстановлении Всероссийского Учредительного собрания.

«Временное правительство автономной Сибири» в спешном порядке организовало «аппарат центральной власти для Сибири», который должен был возглавить местные земские, городские, казачьи и инородческие самоуправления после свержения Советов⁵⁾. На службу самозванному правительству стали бежавшие со всех городов Сибири и Дальнего Востока контрреволюционные элементы: редакторы и журналисты закрытых газет Владивостока, Хабаровска, Читы, Благовещенска, Никольска и других городов (Панов, Миллер, Колобов, Ротенштер и др.)⁶⁾.

Находясь в Харбине, члены «Сибирского правительства» легко вошли в сношение с местным консульским корпусом. В конце марта 1918 г. «Временное правительство автономной Сибири» отправило своих представителей в г. Пекин для переговоров с империалистическими государствами, где решался вопрос о их признании.

Одновременно признания империалистическими государствами добивалось другое реакционное эмигрантское правительство — «Дальневосточный комитет защиты родины и Учредительного собрания», в состав которого, кроме представителей Дальнего Востока, входили представители Восточной Сибири. «Дальневосточный комитет защиты родины и Учредительного собрания», чтобы устранить своего «конкурента» в борьбе за власть, обвинил «Временное правительство автономной Сибири» в том, что оно не заслуживает доверия, так как было избрано исключительно «социалистами»⁷⁾. В свою очередь «Временное правительство автономной Сибири», чтобы поддержать престиж своих будущих «хозяев» империалистов, отрицало эти доводы, ссылаясь на то, что в его составе нет ни одного большевика, и самым резким образом поносило большевиков и Советскую власть.

Таким образом, два контрреволюционных «правительства», состоящие из отщепенцев и предателей социалистического государства, выслуживаясь перед иностранными империалистами, сошлись в Харбине и начали вести грызню за власть, торгуя русской землей. При помощи иностранных штыков «Временное правительство автономной Сибири» пыталось в конечном счете восстановить Временное буржуазное правительство, а «Дальневосточный комитет защиты родины и Учредительного собрания» — реставрировать самодержавный строй в России.

Внутренние контрреволюционные силы на Дальнем Востоке по-разному относились к этим самозванным правительствам, засевшим в Харбине и ждавшим лишь удобного момента для свержения Советской власти. Приморское земство и городская дума Владивостока поддерживали «Временное правительство автономной Сибири», с которым они имели связь через члена этого правительства Колобова⁸⁾. У агента «Временного правительства автономной Сибири» Колобова, проживавшего в г. Владивостоке, были изъяты документы, говорившие о предательской роли местных руководителей партии меньшевиков и правых эсеров, которые хотели при помощи иностранных штыков и продажи всей Сибири в лапы империалистических хищников «установить здесь для начала республиканский образ правления, если таковой разрешит монарх Япо-

⁵⁾ «Вестник Маньчжурии», 24 марта 1918 г.

⁶⁾ «Вестник Маньчжурии», 28 марта 1918 г.

⁷⁾ «Вестник Маньчжурии», 2 апреля 1918 г.

⁸⁾ Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока (ЦГАДВ), ф. 536, оп. 1, д. 30, л. 76.

нии»⁹⁾. В числе исполнителей этого чудовищного заговора были так называемые «социалисты», руководители правых эсеров и меньшевиков: Агарев, Сквирский, Школьников, Медведев, Выхристов, Лавров, Семешко, Ходоров и др., которые взяли на себя задачу подготовить почву для выступления городского и земского самоуправления.

В Амурской же области в марте 1918 г. были приняты постановления земства, городского самоуправления, биржевого комитета, съезда золотопромышленников и других организаций, в которых говорилось, что надо не признавать «Временное правительство автономной Сибири», а поддерживать «Дальневосточный комитет защиты родины и Учредительного собрания», который якобы успешнее сможет обеспечить реставрацию старых порядков в России, имея большую финансовую и военную поддержку со стороны Японии и других империалистических государств¹⁰⁾.

Наглые удействия буржуазно-монархического «Дальневосточного комитета защиты родины и Учредительного собрания» более импонировали иностранным империалистам. Вот почему глава «Временного правительства автономной Сибири» Дербер решил, что для более успешного контакта с иностранными государствами необходима коалиция с ценовой буржуазией, то есть по существу соглашение с «Дальневосточным комитетом защиты родины и Учредительного собрания». Эту коалицию Дербер рассматривал необходимой из «тактических и практических соображений»¹¹⁾.

Если в начале декабря 1917 г. «Временное Сибирское правительство», находившееся еще в Томске, не считало целесообразным вхождение ценовых элементов в состав своего правительства с целью противопоставить «социалистическую демократию» большевикам, то в марте — апреле 1918 г., когда «Временное правительство автономной Сибири» оказалось в г. Харбине, сложилась иная ситуация. Стремясь заручиться поддержкой иностранных империалистов, оно решило привлечь и те круги буржуазии, которые открыто выступали против Советской власти, и объединить все силы контрреволюции — от меньшевиков и эсеров до кадетов и монархистов. Оно предоставило ценовым элементам в составе своего «правительства» посты управляющих ведомств на правах министров¹²⁾. Это обеспечивало «Дальневосточному комитету защиты родины и Учредительного собрания», кроме формирования контрреволюционных сил для борьбы против Советов, и административную власть в районах действия контрреволюционных сил.

В апреле 1918 г. в Харбине проходило совещание бежавших сюда торговопромышленников Приамурского края, которые высказались за создание правительства для Сибири только на коалиционных началах.

В то же время Дербер продолжал вести переговоры в Пекине с иностранными государствами, которые начаты были еще уполномоченными «Сибирского правительства» инженером Уструговым и прокурором московской судебной палаты Стаалем¹³⁾.

«Пекинское правительство» — так назвал Владивостокский Совет «Временное правительство автономной Сибири», пытавшееся любыми

⁹⁾ «Красное знамя» (Владивосток), 26(13) апреля 1918 г. (Таков смысл документов, изъятых у агента «Сибирского правительства», сбежавшего под защиту черной банды разбойника Семенова и китайских вооруженных отрядов в г. Харбин).

¹⁰⁾ «Вестник Маньчжурии», 2 и 9 апреля 1918 г.

¹¹⁾ «Вестник Маньчжурии», 6 апреля 1918 г.

¹²⁾ «Вестник Маньчжурии», 6 апреля 1918 г.

¹³⁾ «Вестник Маньчжурии», 26 апреля 1918 г.

средствами заручиться поддержкой империалистических держав в борьбе с Советской властью.

«Временному правительству автономной Сибири» активную помощь оказывала Приморская областная земская управа и Владивостокская городская дума. Руководители земства и городской думы — правые эсеры и меньшевики Агарев, Медведев, Выхристов, Лавров, Семешко, Ходоров, Сквирский и другие — заявили: «Мы согласны на поддержку «Сибирского правительства» (Хорвата и цензовиков), только при условии, что оно не прибегнет к вооруженным силам союзников»¹⁴). Это циничное заявление было сделано в то время, когда японский десант уже находился во Владивостоке.

Высадка японского десанта послужила сигналом для открытых действий контрреволюционных сил Дальнего Востока. Дальневосточная контрреволюция готовила удар в спину Советской власти: на Амуре — земцы и казаки, в Забайкалье — Семенов, в Харбине — отряды генерала Самойлова, на Имане — «Автономное Уссурийское войсковое правительство» и др.

Кадетская газета «Вестник Маньчжурии», комментируя события, происходящие на Дальнем Востоке, писала: «Отрезанные от России, лишенные продовольствия, наши большевики не могут конечно, оказать серьезного сопротивления»¹⁵).

Но господа меньшевики и эсеры жестоко просчитались. Несмотря на то, что контрреволюция Дальнего Востока получила поддержку со стороны иностранных империалистов, дальневосточный рабочий класс в союзе с крестьянством, руководимый большевистской партией, дал решительный отпор проидам империалистических держав, а также внутренней и эмигрантской контрреволюции. Тогда империалисты и внутренняя контрреволюция предприняли новую авантюру против Советской власти. Для этой цели был использован чехословацкий военный корпус, который 29 июня 1918 г. поднял мятеж и произвел переворот во Владивостоке. Не прошло и нескольких минут, как в помещении городской управы уже заседали прежние ее члены во главе с городским головой Агаревым. От имени «Временного правительства автономной Сибири» за подписью Агарева контрреволюционным элементам раздавались удостоверения на право беспрепятственного прохода во все места города. До двух часов дня были задержаны и отправлены под конвоем в тюрьму руководители Владивостокского Совета К. Суханов, П. Никифоров, Степанов-Бродский, Я. Свидаерский, Мельников, Вакс, Кучеренко, Похвалинский, Иордан, Е. Ковальчук и др. Был арестован весь состав центрального комитета Советской флотилии, начальник милиции В. Мельников и др. В момент чехословацкого мятежа были высажены десанты со всех иностранных судов¹⁶).

Чехословацкие войска под командованием генерала Дитерихса установили в городе свои порядки до тех пор, пока городская управа организует такое управление, которое будет признано империалистическими державами. На следующий день (30 июня) состоялось заседание городской думы, на котором присутствовал глава «Сибирского автономного правительства» Дербер. Председатель заседания правый эсер Токунов заявил, что «городская управа соорганизовалась и вошла в сношение с чехословаками». Здесь же было принято предложение правого эсера Выхристова о признании «Временного правительства автономной

¹⁴) «Красное знамя», 26(13) апреля 1918 г.

¹⁵) «Вестник Маньчжурии», 4 апреля 1918 г.

¹⁶) «Голос Приморья», 30 июня 1918 г.

Сибири», с которым городская управа вела официальные переговоры о власти еще несколько месяцев тому назад¹⁷⁾. Еще раньше, в связи с арестом члена данного правительства Колобова, члены городской управы отрицали свою связь с «Временным правительством автономной Сибири», боясь своего разоблачения, как контрреволюционной организации. 2 июля 1918 г. было созвано совместное совещание Владивостокской городской думы, областной земской управы и представителей «Временного правительства автономной Сибири», которое приняло следующее постановление относительно «краевой власти»:

1) «Временное правительство автономной Сибири» является высшим органом государственной власти в Сибири;

2) функции государственной власти в пределах области возлагаются на эмиссариат «Временного Сибирского правительства», в который входили городской голова Агарев, председатель Приморской областной земской управы Медведев и представитель «Временного правительства автономной Сибири» Дербер¹⁸⁾. Вся власть на местах была передана городским и земским самоуправлениям. По соглашению с «Временным правительством автономной Сибири» управление всеми делами Приморской области было передано Приморскому областному земству. Поэтому Приморская областная земская управа приняла постановление: «Прерванную с 25 апреля 1918 г. работу земской управы считать восстановленной с 1 июля 1918 г.»¹⁹⁾.

«Временное правительство автономной Сибири» немедленно сообщило своим «хозяевам» — правительствам иностранных государств, что с 29 июня 1918 г. оно вступило в «права центральной государственной власти в Сибири»²⁰⁾. Не имея никакой опоры среди населения, не обладая ни денежными ресурсами, ни военной силой, дерберовское правительство все свои планы строит на выполнении империалистами «своих стратегических задач на территории Сибири»²¹⁾. Однако иностранные государства признали более реакционное Харбинское правительство Хорвата — «Дальневосточный комитет защиты родины и Учредительного собрания», а поэтому открыто признать «Сибирское правительство Дербера» империалисты теперь уже не могли²²⁾. Они к этому времени уже прекрасно поняли, что дерберовское правительство — пустое место, и предпринимали ориентироваться на кого угодно — на Хорвата, Семенова, Колчака, только не на это «правительство»²³⁾.

Активную помощь правительству Хорвата оказывала местная буржуазия. 5 июля 1918 г. торговцы и промышленники, не признавая «Временное Сибирское правительство», потребовали от земского и городского самоуправления взять на себя инициативу в создании «авторитетного» правительственного органа власти на коалиционных началах²⁴⁾.

Создать коалиционное правительство, куда бы вошли представители всех политических партий и организаций от правых «социалистов» до буржуазного кадетского-монархического блока, не удалось. Тогда «Временное правительство автономной Сибири» совместно с земцами договорилось о власти: административные и экономические отрасли об-

¹⁷⁾ «Голос Приморья», 2 июля 1918 г.

¹⁸⁾ «Голос Приморья», 3 июля 1918 г.

¹⁹⁾ «Голос Приморья», 4 июля 1918 г.

²⁰⁾ «Голос Приморья», 11 июля 1918 г.

²¹⁾ «Красный архив», т. 4, М., 1929, стр. 37—38.

²²⁾ «Голос Приморья», 4 июля 1918 г.

²³⁾ «Красный архив», т. 4, М., 1929, стр. 38.

²⁴⁾ «Голос Приморья», 6 июля 1918 г.

щегосударственного характера были переданы в ведение «правительства автономной Сибири», а земским и городским органам самоуправления вновь была передана власть на местах²⁵).

Дальневосточная буржуазия решительно отказалась войти в соглашение с право-эсеровским правительством Дербера и признала буржуазное правительство Хорвата, которое в свою очередь поддерживали империалистические государства.

Однако «Временное правительство автономной Сибири» и их союзники земцы надеялись еще на реальную поддержку империалистов. 20 июля на заседании городской думы Агарев заявил: «Время не ждет, нам необходимо, чтобы союзники пришли нам на помощь не только материально, но и своими живыми силами»²⁶).

Правые «социалисты» из «Временного правительства автономной Сибири» не хотели допустить к власти Хорвата. Но они просчитались, ибо ни свержение Советов, ни восстановление думы и земства не помогли ликвидации хорватовщины. Если в мае 1918 г. правые «социалисты» хотели быть нейтральными в борьбе крестьян и рабочих с калмыковщиной, то теперь они увидели повторение подобного. Дело в том, что хорватовщина и калмыковщина имели более глубокие корни, чем это предполагали меньшевики и эсеры, ибо подобные явления были и до Октябрьской революции, в частности, корниловщина²⁷).

Таким образом, после чехословацкого мятежа между правыми «социалистами» в лице «Временного правительства автономной Сибири», к которым примыкали земцы, с одной стороны, и буржуазией в лице хорватовщины, с другой стороны, шла борьба за власть. А когда «Временное правительство автономной Сибири» увидело, что за ним нет никакой опоры, то передало власть земству, то есть тем же Сквирским²⁸), которые находились в этом же правительстве.

В это время Хорват появился на Дальнем Востоке. «Социалисты» — предатели стали спекулировать на Хорвате, говоря о его угрозе для народа, чтобы получить от трудящихся санкцию на поддержку. В результате для трудящихся масс возникла угроза двух диктатур. Запугивая Хорватом, Сквирский и К° стали проводить свою диктатуру. Они бросали в тюрьмы большевиков, рабочих и крестьян. В первые же дни их господства более 5 тысяч рабочих было брошено в тюрьмы²⁹).

Рабочим и крестьянам Дальнего Востока пришлось вести длительную борьбу против диктатур за свою Советскую власть, ибо им не нужна была диктатура Хорвата так же, как диктатура Тибер-Дерберов. 10 августа 1918 г. была проведена общегородская конференция профсоюзов, фабрично-заводских комитетов, биржи труда, совета безработных и др. В ней приняли участие представители от 36 организаций города Владивостока численностью в 17 тысяч рабочих. Председателем конференции был избран большевик Бовт. Конференция осудила «демократов» за их торговлю на коалицию с Хорватом и приняла следующую резолюцию: «Никакой поддержки меньшевикам и эсерам, лакеям иностранного и русского капитала и продавцам русского пролетариата. Никакой поддержки ни старой думе, ни земству, ни Сибирскому правительству»³⁰).

²⁵) ЦГАДВ, ф. 269, оп. 1, д. 6, л. 275.

²⁶) «Голос Приморья», 23 июля 1918 г.

²⁷) «Рабочий и Крестьянин», 6 августа 1918 г.

²⁸) Б. Е. Сквирский — правый эсер, член Приморской областной земской управы, ярый защитник «Автономной Сибири».

²⁹) «Земля и Сотрудничество», 10 июля 1918 г.

³⁰) «Рабочий и Крестьянин», 13 августа 1918 г.

26 и 27 августа 1918 г. были днями «жизни или смерти» для земского и городского самоуправления. «Никогда еще бессилие Агаревско-Медведевской компании не выступало так выпукло и полно, как в эти дни», — писала большевистская газета Приморья «Рабочий и Крестьянин»³¹⁾. Последнее и жалкое оружие, на которое рассчитывали эти горе-«социалисты», — толстовская армия, было выбито из их рук и обратилось против них самих. Войска Толстова³²⁾ воспользовались случаем, чтобы сменить защитные погоны «Сибирского правительства» на золоченые хорватские.

«Горе-социалисты» метались то в поисках поддержки у рабочих организаций, то обивали пороги в передних иностранных консулов. «Сибирское правительство» усиленно просило помощи у англичан, американцев, японцев и французов. Председатель областной земской управы Медведев жаловался на союзников, что «приглашали их, как друзей (хотя по уговору)», но они протасили Хорвата, Семенова, Калмыкова и Орлова»³³⁾.

В ликвидации хорватовщины решающая роль принадлежит трудящимся массам дальневосточного края. Всеобщая забастовка трудящихся г. Владивостока, в которой приняли участие свыше 20 тысяч рабочих, потребовала удаления хорватовских банд с территории Приморской области. К протесту русского народа присоединились массовые выступления японских пролетариев, которые своими революционными действиями препятствовали открытому разгулу японской военщины и их наймитов.

Таким образом, контрреволюционное «Временное правительство автономной Сибири», состоявшее в основном из эсеров и меньшевиков, к которым примыкали и земцы, оказалось жертвой своих собственных козней, ибо, выступая против Советов, они, по существу, расчистили почву для хорватовщины, которая в свою очередь способствовала приходу к власти военной диктатуры Колчака.

³¹⁾ «Рабочий и Крестьянин», 28 августа 1918 г.

³²⁾ Полковник Толстов — главнокомандующий местными военными силами («Красный архив», т. 4, 1929, стр. 88; т. 5, стр. 32—33).

³³⁾ «Рабочий и Крестьянин», 11 сентября 1918 г.

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ И ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО В КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ СИБИРИ (1920—1927 гг.)

Л. И. БОЖЕНКО

Одной из самых важных задач в борьбе Коммунистической партии и Советского правительства за восстановление и реконструкцию сельского хозяйства было урегулирование земельных отношений в деревне путем обеспечения устойчивости крестьянского землепользования и организации землеустроительных работ. Без всемерного развития землеустроительных работ, подчеркивал XIII съезд партии, «невозможны действительный подъем крестьянского хозяйства и дальнейшее развитие его производительных сил»¹).

В данной статье автор ставит своей задачей рассмотреть характер и особенности землепользования и землеустройства в индивидуальных крестьянских хозяйствах²), самого огромного и важного в сельскохозяйственном отношении района—Сибири—за годы, предшествовавшие коллективизации (1920—1927 гг.). До самого последнего времени эта важная проблема в историческом плане по сути дела на сибирском материале не исследовалась³).

Прежде всего, какова общая картина состояния землепользования в Сибири. Общая площадь земель трудового пользования составляла в Сибири к 1920 г. 56 млн. десятин или 14% всей площади земель Сибири. Главная масса их располагалась в пределах Алтайской и Новониколаевской губерний и средней и южной полосы Омской губернии. Здесь земли трудового пользования составляли по губерниям от 62 до 76% всей территории⁴). Трудовое землепользование осуществлялось в Сибири в следующих формах (на 1921—1922 гг.): общинная — 92,7%, товарищеская (сюда же включены земли совхозов, учреждений

¹) Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М., 1957, стр. 478.

²) В статье речь идет главным образом о землеустройстве в индивидуальных крестьянских хозяйствах, выступавших в рассматриваемый период как решающий фактор в развитии сельского хозяйства, которое и восстанавливалось и развивалось на их основе. В 1920—1927 гг. в индивидуальном секторе было до 92% всех земель трудового пользования и здесь проводилось в эти годы до 92—95% всех землеустроительных работ в Сибири (подсчитано по данным Сибирской Советской Энциклопедии, т. II, стр. 141—144 и сборника ЦСУ СССР «Итоги десятилетия Советской власти», М., 1927, стр. 120—121).

³) По Сибири можно лишь назвать работы конкретно-экономического характера, опубликованные в 20-е годы Д. Орловым, В. Максимовым, А. Грудзинским и работы 50—60-х годов (М. Исакова, М. Выборова, И. Панова и др.), в которых авторы касаются землеустроительных мероприятий за отдельные годы и в отдельных районах Сибири.

⁴) Сибирь и Дальний Восток. Справочная книга по вопросам хозяйства. М.—Л., 1926, стр. 67.

и земельных органов) — 1% и участковая (отруба и хутора) — 5,8 и 0,5%⁵).

Земли трудового пользования в Сибири было принято в начале 20-х годов делить на следующие четыре группы по их пользователям: земли старожилов (67% всех земель), переселенцев (29% земель), бывших казаков (1% земель) и коренных жителей (3% земель)⁶). Лучшими из всех земель трудового пользования являлись земли бывших казаков. Особенно ценными в сельскохозяйственном отношении считались земли бывшего сибирского казачьего войска в пределах Омской губернии. Нормы земельного обеспечения сельского населения в общем по Сибири по всем группам крестьянских хозяйств были весьма высокие (от 3 до 8 дес. удобной земли на едока), однако по отдельным районам и селениям еще более сильно колебались.

Землепользование в Сибири не имело в первые годы после освобождения ее от колчаковцев и интервентов и до издания в 1922 г. Земельного кодекса достаточно твердых правовых обоснований.

Эти годы были характерны крайней запутанностью земельных отношений в сибирской деревне, объясняемой рядом специфических условий развития землепользования в Сибири. Это делало вопрос о землеустройстве в Сибири особенно необходимым, тем более, что из 56 млн. дес. крестьянских земель в Сибири до революции землеустройством было охвачено только 19 млн. дес. и основной задачей его было укрепление частной собственности на землю⁷).

Из всей землеустроенной площади две трети падало на многодворные селения, страдавшие малоземельем, а остальные 36 млн. дес. не только не имели правильной организации земельной территории, но даже не имели смежных границ. «Строго говоря, в Сибири до Советской власти не было землеустройства, — говорилось об этом в докладе на Сибирской земельной конференции в 1922 г. — Наскоро инструментально обходились границы, почти глазомерно определялся процент неудобных земель, наскоро собирались сведения о численности населения. О каком-нибудь урегулировании землепользования, разрешении между отдельными селениями споров, возникавших при этом, и речи не было...». Развитию крестьянского хозяйства после восстановления в Сибири Советской власти мешала крайняя неустроенность земель крестьянского пользования. Во-первых, отсутствие внутри- и межселенных границ, эта «ужасающая межселенная чересполосица, какую не знает история земельных отношений в республике»⁸). Затем — многодворность: в Сибири (как и в Приуралье), благодаря особым условиям, образовалось много больших сел. Границы землепользования здесь складывались чисто эмпирически, постепено и отчасти совершенно случайно при господстве вольнозахватного землепользования. Следствием этого была разбросанность и перепутанность в расположении участков разных естественных угодий (лугов, выгонов), чересполосица, мелкополосица и особенно дальноземелье, «которое буквально давит всех» (48 млн. дес., или 86% общей площади земель трудового пользования были расположены в Сибири в 15—20 верстах от усадеб).

Земельные неурядицы в Сибири еще более обострялись с ростом населения, с притоком новых переселенцев. В Сибири оказалось большое количество беженцев из голодающих губерний, плановых и само-

⁵) Подсчитано нами по данным, приведенным в книге Л. Михалевского «Крестьянское хозяйство СССР», Л., 1926, стр. 15.

⁶) Сибирь и Дальний Восток..., стр. 68, 69.

⁷) Сибирская советская энциклопедия, т. II, стлб. 136—138.

⁸) «Жизнь Сибири», 1922, № 2, стр. 103.

вольных переселенцев из Европейской России. Помимо них в лучших в сельскохозяйственном отношении местах Сибири скапливалось весьма значительное количество населения, пришедшего из таежных, мало пригодных для земледелия районов края. Вся эта масса беженцев и переселенцев тоже должна была быть землеустроена. Землепользование стало год от года сжиматься и в районах, особенно густонаселенных (Омская, Алтайская губернии), стало чувствоваться относительное мало-земелье. Такие районы по мере вселения новых переселенцев и по мере развития сельского хозяйства все более увеличивались количественно и малоземелье стало постепенно ощущаться и в части Повониколаевской, Томской и Енисейской губерний.

Надо иметь также в виду, что в Сибири было очень много так называемых неприписных крестьян. По данным Сибревкома, к 1920 г. в Сибири от дореволюционного времени осталось до 500 тыс. неприписных крестьян⁹⁾, которые нуждались в наделении их землей.

Кроме того, внутриселенные земельные отношения обострялись в Сибири и на почве неравномерного землепользования, так как передел земель после Октябрьской революции прошел здесь в незначительных размерах, где и как сумели. «Черного передела», то есть полного перераспределения всех земель здесь, как и в Европейской России, не проводилось. Свободные земли распределялись во многих селениях. Если крестьянам не хватало земли в своем селе или поселке, они могли получить ее в другом населенном пункте той же волости, но межволостные переделы были редким явлением. Чаше всего земли оставались «в границах каждой волости». Основным источником для наделения землей были бывшие казенные и кабинетские земли. Общее перераспределение всех наделных земель почти не практиковалось¹⁰⁾.

На почве этой неустроенности и неразберихи в землепользовании между крестьянскими хозяйствами возникали частые споры, недоразумения, столкновения, главным образом между беднотой и частью середняков с кулаками, захваты, земельные уплотнения и т. п. Все это крайне неблагоприятно отражалось на сельском хозяйстве Сибири, мешало подъему его производительных сил.

Упорядочение крестьянского землепользования, его устойчивость было одним из важнейших и первоочередных мероприятий. Однако землеустроительные работы в индивидуальных крестьянских хозяйствах смогли фактически начаться в Сибири только в конце 1919 г., после того, как Сибирь была освобождена от колчаковцев и установилась теперь навсегда Советская власть. С момента установления в Сибири Советской власти действие Декрета ВЦИК «О социализации земли», принятого 27 января 1918 г., уже отпало вследствие издания к этому времени (14 февраля 1919 г.) положения «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию»¹¹⁾, которое и нашло свое отражение в землеустройстве сибирской деревни.

Перед высшим сибирским советским органом — Сибревкомом — уже с первого момента встал вопрос о принятии чрезвычайных мер к урегулированию и укреплению крестьянского землепользования.

⁹⁾ ССЭ, т. IV, стр. 294.

¹⁰⁾ См.: Л. М. Горюшкин. Претворение в жизнь Декрета о земле в Западной Сибири в конце 1917 — первой половине 1918 гг. В сб.: «Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1917—1967 гг». Новосибирск, 1965, стр. 15. К сожалению, сибирскими историками не установлено до сих пор, сколько земли крестьяне получили дополнительно. Число «до 1 млн. га», называемое в ССЭ (т. II, ст. 109), как уже отмечалось А. К. Касьяном и Л. М. Горюшкиным, явно занижено, так как оно учитывает только те земли, которые использовались на началах длительной аренды.

¹¹⁾ См.: Директивы КПСС и Советского правительства..., т. I, стр. 97—114.

6 марта 1920 г., когда еще не все районы Сибири были освобождены от колчаковцев и интервентов, Сибревком принял специальную «Декларацию о порядке наделения и пользования землей», выражавшую коренные интересы трудящегося крестьянства. В ней провозглашалось уничтожение ранее существовавших податных различий (старожилов, переселенцев, казаков и инородцев), слагались все недоимки по платежам крестьян в казну. Все земли фактического трудового пользования в пределах трудовой нормы оставались неприкосновенными. Нормы трудового землепользования устанавливались земельными органами в зависимости от местных условий, причем хозяйства безземельные и малоземельные наделялись землей до трудовой нормы. Ограничению в пользовании землей подлежали явно кулацкие хозяйства, эксплуатировавшие чужой труд. Все земли в Сибири — казенные, кабинетские, частновладельческие, офицерские и монастырские — независимо от характера использования переходили в распоряжение Советской власти. Земельные отделы и совнархозы обязывались использовать все силы и средства для помощи трудящемуся крестьянству¹²⁾.

Социалистическое землеустройство в первый период (1920—1921 гг.) проводилось в сплошном порядке за государственный счет, причем инициатива землеустроительных действий предоставлялась как земельным отделам, так и заинтересованным сторонам. Это землеустройство преследовало цели, главным образом, распределения земель между сельскохозяйственными объединениями и поэтому носило характер государственного, а не внутринадельного, вопрос о котором мог быть поставлен только после завершения межволостного и межселенного землеустройства. Между тем условия для проведения такого землеустройства в Сибири были самые минимальные, особенно в отношении необходимого количества землеустроительных сил. Поэтому землеустройство на основах «Положения...» и инструкции по его применению не получили в сибирской деревне широкого развития¹³⁾.

В первый период землеустройства в Сибири работы сводились главным образом к временному регулированию земельных отношений, к упорядочению крестьянского землепользования. Уже в 1920 г. в пяти губерниях Сибири (Алтайской, Омской, Семипалатинской, Томской и Енисейской), в районах с особенно запутанными земельными отношениями было срочно, вне землеустроительного порядка, произведено перераспределение земель, распределение между крестьянскими хозяйствами бывших казенных, кабинетских и частновладельческих земель, поступивших после революции в распоряжение безземельного и малоземельного крестьянства. В 1920 г. в порядке временного перераспределения и волостного разверстания было охвачено 2971232 дес.¹⁴⁾.

В этот же период, характеризовавшийся для Сибири быстрым ростом коллективных форм сельского хозяйства (уже в 1920 г. на территории Сибири было зарегистрировано 1800 колхозов, в 1921 г. их стало 2600, а к началу 1922 г. — до 3000 коллективных хозяйств¹⁵⁾), было также землеустроено около 700 коллективов с площадью до 2,4 млн. дес. и 60 тыс. дес. было отведено вновь нарождавшимся колхозам¹⁶⁾.

¹²⁾ Сибревком. Сборник документов и материалов, Новосибирск, 1959, стр. 275—279.

¹³⁾ Краткий отчет Сибревкома I Сибирскому краевому съезду Советов. Новоноколаевск, 1925, стр. 18, 19.

¹⁴⁾ Там же, стр. 19.

¹⁵⁾ См.: ССЭ, т. II, стлб. 809, 810.

¹⁶⁾ Там же, ст. 139; Краткий отчет Сибревкома..., стр. 19.

В первые же годы после восстановления в Сибири Советской власти земельным органам пришлось решать чрезвычайно важную и в то же время трудную задачу землеустройства переселенцев, направленных в Сибирь по декрету Совнаркома от 15 июня 1920 г. Только в Алтайскую губернию планировалось переселить до 100 тыс. человек. За 1920 г. в Сибирь прибыло более 84 тыс. переселенцев, за 1921 г. — более 175 тыс. и в 1922 г. — около 22 тыс. переселенцев и голодобеженцев¹⁷⁾.

Землеустройство переселенцев осложнялось отсутствием готового колониционного фонда и переселение в этот период происходило без плана и учета со стороны земельных органов, преимущественно на старожильческие земли притаежной полосы, за счет уплотнения и использования больших земельных излишков, сосредоточенных до революции в руках зажиточно-кулацких слоев сибирской деревни¹⁸⁾.

Таким образом, до издания в мае 1922 г. «Закона о трудовом землепользовании» землеустроительным организациям Сибири пришлось заниматься главным образом работами по землеуказанию и временному регулированию земельных отношений. На всей территории Сибири согласно «Положению...» и инструкции по его применению в 1920—1921 гг. было начато в обязательном порядке так называемое сплошное уравнительное землеустройство. Однако, будучи проведенным запоздало, неравномерно, только в выборочных районах, оно, конечно не устранило неравномерности в землепользовании. Зажиточно-кулацким слоям удалось в основном удержать лучшие и ближние земли. Здесь в Сибири, как отмечал в своем докладе на X съезде партии В. И. Ленин, был меньше, чем в центральной части страны, или на Украине, «подрезан» и экспроприирован кулак¹⁹⁾, сохранивший не только сельхозинвентарь, рабочий и продуктивный скот, но и весьма значительные (доходящие до 40—50 дес. на хозяйство) земельные участки, в то время как в среднем 12% крестьян Сибири не имели в 1920—1921 гг. своей земли и посева²⁰⁾. Перераспределение земель, производившееся в этот период в ходе землеустройства, носило стихийный характер, почти везде проводилось фактически самим населением почти без участия землеустроителей. Оно не уменьшило территориальных неудобств крестьянского землепользования, не устранило запутанности земельных отношений, не ослабило остроты внутриселенных отношений на почве неравномерности землепользования.

Поэтому с переходом к мирному социалистическому строительству на рельсах новой экономической политики, основы которой были разработаны В. И. Лениным осуществление земельного устройства делалось совершенно очевидным, стало острой необходимостью. Советское землеустройство было выдвинуто на одно из самых первых мест в системе мероприятий Советской власти. «Вопрос о земле, вопрос об устройстве быта громадного большинства населения — крестьянского населения — для нас вопрос коренной», — подчеркивал В. И. Ленин в своем выступлении на сессии ВЦИК при принятии Земельного кодекса²¹⁾.

Но в той постановке землеустройства, как в первом периоде, оно, очевидно, не могло способствовать восстановлению и развитию

¹⁷⁾ ССЭ, т. IV, стлб. 294.

¹⁸⁾ Отчет Наркомзема за 1924/25 год. М., 1926, стр. 124, 125.

¹⁹⁾ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 60.

²⁰⁾ Государственный архив Новосибирской области (ГАОНО), ф. 1, оп. 1, д. 1454, л. 91; Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (ПАНО), ф. 1, оп. 6, д. 54, л. 75; ф. 2, оп. 1, д. 332, лл. 131, 132 и др.

²¹⁾ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 248.

крестьянского хозяйства, поднятию его производительности. По «Закону о трудовом землепользовании», а затем Земельному кодексу, которыми стали регулироваться все земельные отношения, поравнение земель между волостями и селениями в обязательном порядке прекратилось, и землеустройство должно было производиться, за исключением случаев, особо оговоренных Кодексом, по инициативе и за счет самого заинтересованного населения²²). Стремясь обеспечить устойчивость трудового землепользования, Кодекс устанавливал более продолжительные, чем раньше, сроки внутриселенных переделов земель: по сроку не ранее трехкратного севооборота, а при его отсутствии — не ранее 9 лет, досрочные же пределы допускались только в случае перехода общины к улучшенным формам землепользования — разверстание на широкие полосы, на участки многопольного севооборота и др.²³).

Значение, цели и основные мероприятия по проведению землеустройства в Сибири на этом новом этапе были определены на состоявшемся летом 1921 г. Втором всесибирском съезде. В своей резолюции «По землеустройству» съезд подчеркнул, что сейчас «необходимо всемерно усилить работы по землеустройству сельского населения Сибири, полагая в основу таковых, прежде всего скорейшее урегулирование землепользования, обеспечение необходимой нормой земель местного значения». Признав за землеустроительными работами характер ударных первоочередных мероприятий, съезд определил в качестве работ ближайшего периода поволостное землеустройство там, где были наиболее запутанные земельные отношения, всемерное развитие землеустроительных работ во всех районах с посевами технических культур и завершение во всех губерниях не позднее 1922 г. всех основных землеустроительных работ, начатых в различных сельскохозяйственных объединениях²⁴). Вопросы землеустройства крестьянских хозяйств постоянно были в центре внимания Сибирского ревкома. Еще до издания декрета от 14 июня 1923 г. о землеустроительных работах Сибревкомом было утверждено «Положение о производстве землеустроительных работ в Сибири», сыгравшее большую роль в постановке землеустройства в Сибири.

С изданием закона о трудовом землепользовании и Земельного кодекса, а также местных руководящих указаний по землеустройству начался решительный сдвиг в землеустроительных работах.

Большое внимание землеустройству крестьянских хозяйств уделяли партийные организации Сибири. Вопросы землеустройства не переставали быть предметом постоянного, сосредоточенного внимания партийных комитетов и партячеек. Такое отношение можно объяснить тем, что землеустройство затрагивало слишком важные стороны хозяйственного и бытового уклада деревни. Партийные организации довольно регулярно обсуждали вопросы землеустройства, проводили разъяснительную работу среди крестьян, организовывали, направляли и контролировали ход работ. Парткомы обязали членов партии, особенно деревенских коммунистов, вплотную подойти к решению этой важной задачи восстановления крестьянских хозяйств. «Члены партии, — говорилось в одном из специальных обращений ко всем районным и волостным комитетам, сельским ячейкам и членам партии, — не должны остаться в стороне при проведении землеустройства. Члены партии должны явиться инициаторами землеустройства в районе,

²²) Директивы КПСС и Советского правительства..., т. 1, стр. 340.

²³) Земельный кодекс РСФСР. М., 1923, стр. 10.

²⁴) «Советская Сибирь», 12 и 18 марта 1921 г.

селе, поселке, рекомендуя населению наиболее совершенные формы землепользования, выступая защитниками бедноты и середняков»²⁵).

Вопросами землеустройства вначале занимались земельные комиссии. Чтобы приблизить землеустройство к населению, чтобы дать возможность земельным обществам и отдельным группам крестьян прямо на местах, в селах и деревнях заключать договора, с 1924 г. стала организовываться сеть землеустроительных участков как место постоянной работы участкового землемера. В 1925 г. участковая землеустроительная сеть насчитывала 33 участка, в 1926 г. — 71, а к 1928 г. их было уже 135 участков²⁶).

Большое значение придавалось в Сибири кадрам работников, проводившим землеустроительные работы. Они были усилены путем мобилизации специалистов по землеустройству, освобождения для него всех специалистов, работавших не по прямому назначению, путем командирования специалистов-землеустроителей в Сибирь из Европейской России. Кадры землеустроителей были пополнены новыми работниками, преимущественно активистами-крестьянами, которые хорошо знали местное сельское хозяйство, были тесно связаны с жизнью деревни и прошли в целях подготовки специальные курсы. В различного рода землеустроительных работах с каждым годом принимало участие все большее число землемерных сил: в 1922 г. — 252, в 1923 г. — 343, в 1924 г. — 652, в 1925 г. — 744, в 1926 г. — 894 и в 1927 г. их уже работало более 1020 человек²⁷).

С целью «пропаганды идей нового землеустройства в гуще крестьянской массы» в губерниях Сибири по инициативе Сиббюро ЦК РКП(б) в конце 1924 — начале 1925 гг. были проведены «Недели землеустройства», во время которых в губерниях в течение двух недель проводилась большая организационная агитационно-разъяснительная, консультационная и другая работа, связанная с землеустройством крестьянских хозяйств. Недели проводились земельными управлениями в тесном контакте с партийными и профсоюзными организациями с привлечением агрономического и землеустроительного персонала²⁸).

Каковы же практические результаты работ в области землеустройства после перехода к новой экономической политике?

Землеустроительные работы в сибирской деревне становились с каждым годом все интенсивнее, пройдя в целом ряд этапов: от временного и уравнительного землеустройства в 1920 и частично в 1921 гг., от землеустройства массы переселенцев и беженцев в 1921—1922 гг. до планомерного с 1922 г. проведения в жизнь в области землеустройства «Закона о трудовом землепользовании», а затем Земельного кодекса.

За 1922—1927 гг. наблюдался решительный рост не только вообще землеустроительных работ, но и тех из них, которые проводились по инициативе самого населения. По отчетным данным земорганов, землеустройством была охвачена площадь: в 1920—1925 гг. — 12065 тыс. дес., в 1925/26 г. — 4342 тыс. дес., в 1926/27 гг. — 6245 тыс.

²⁵ ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 1210, л. 3; «Сельская правда» (Новониколаевск), 6 июня 1925 г.; Партийный архив Алтайского крайкома КПСС (ПААК), ф. 4, оп. 1, д. 85, л. 97; Партийный архив Омского обкома КПСС (ПАОО), ф. 1, оп. 6, д. 130, л. 2 и др.

²⁶ ССЭ, т. II, столб. 144.

²⁷ Там же.

²⁸ ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 636, л. 5; Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 179, оп. 1, д. 251, л. 7; Государственный архив Красноярского края (ГАКК), ф. 150, оп. 2, д. 175, лл. 1—9; Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 310, оп. 1, д. 286, л. 54.

дес. и в 1927/28 г. — 8104 тыс. дес., то есть к 1928 г. на территории Сибирского края было подвергнуто землеустройству 30756 тыс. дес., из них на трудовых землях — 28502 тыс. дес.²⁹⁾.

Сравнив характер и направление землеустройства в советское время с дореволюционным землеустройством, можно заметить, что если в 1917 г. в Сибири проводилось преимущественно межселенное отграничение земель и кроме этого других видов почти не было, то к 1927 г. проводились наиболее сложные виды землеустроительных работ³⁰⁾.

Большая часть всех землеустроительных работ падала на западные и южные районы Сибири. Сосредоточение центра тяжести землеустроительных работ в этих районах объяснялось тем, что они были наиболее ценными в производственном отношении. Хуже обстояло дело с землеустройством районов, заселенных национальными меньшинствами. Эти работы вплоть до 1927 г. так и не были развернуты до необходимых размеров из-за отсутствия госбюджетных ассигнований и почти полной неплатежеспособностью самого населения.

Из всех приведенных данных видно, что достигнутые результаты по землеустройству индивидуального сектора были еще недостаточны: из 56—57 млн. дес. общей площади земель трудового пользования была затронута землеустройством только половина.

В сибирской деревне основными видами землеустроительных работ в индивидуальных крестьянских хозяйствах были межселенное и внутриселенное землеустройство.

Межселенное землеустройство, имевшее особенно широкое распространение в годы военного коммунизма, проводилось и в первые годы нэпа после введения в силу Земельного кодекса. Огромная масса неприписных давила внутри земельных обществ и заставляла местные земельные органы принимать меры по установлению границ и прав того или иного сельского общества, и только с конца 1924 — начала 1925 гг. обострение отношений в деревне на почве землепользования заставляет земельные органы круто повернуть на внутриселенное землеустройство. Практическое проведение в жизнь мер по устранению недостатков в землепользовании значительно ускорило работу по землеустройству.

Межселенное землеустройство включало в сибирской деревне следующие виды работ: уничтожение межселенной чересполосности и других внешних недостатков в организации землепользования, отрезки излишков и прирезки, отвод земли селениям. Внутриселенное землеустройство предусматривало разверстание полевых земель на подворные и групповые участки в порядке переделов, разверстание существующих землепользований с образованием выселков и разверстание на части без выселения, разверстание пахотных угодий на поля многопольных севооборотов, разверстание наделов на хуторские и отрубные участки, выделение земли сельскохозяйственным коммунам, артелям и товариществам по совместной обработке земли.

²⁹⁾ Все подсчеты произведены на основании данных, приведенных в ССЭ, т. II, стлб. 141—142 (с переводом в десятины), а также следующих источников: Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (ЦГАНХ), ф. 478, оп. 55, д. 98, лл. 12—14; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 1690, л. 148; ф. 47, оп. 1, д. 75, лл. 6, 7; ф. 1180, оп. 1, д. 435, л. 105; Краткий отчет Сибревкома..., стр. 19, 20; Отчет Наркомзема РСФСР за 1925/26 год. М., 1928, стр. 282, 283; «Известия Сибкрайкома ВКП(б)», 1927, № 2, стр. 23; «Сельская правда», 27 июня 1925 г.

³⁰⁾ См. сравнительную таблицу по отдельным видам землеустроительных работ в Сибири в 1917 и в 1927 гг. в брошюре И. М. Жуйкова «Достижения сельского хозяйства Сибири за последние 10 лет». Новосибирск, 1927, стр. 6.

Насколько, площадь земель трудового пользования была охвачена в рассматриваемые годы этими основными видами землеустройства в процентах к площади трудового землепользования дает представление следующая таблица³¹⁾.

Таблица 1

Виды землеустройства	Землеустроено с 1921 по 1925 г.		Землеустроено в 1925—1926 гг.		Землеустроено в 1926—1927 гг.		Всего землеустроено в 1927 г.	
	площадь (дес.)	%	площадь (дес.)	%	площадь (дес.)	%	площадь (дес.)	%
Межселенное	6037669	9,5	2254960	3,5	983201	1,5	9275830	14,5
Внутриселенное	5402354	8,4	2686276	4,2	4322545	6,7	12411175	19,4
Всего...	11440023	17,9	4941236	7,7	5305746	8,2	21687005	33,9

Таким образом, землеустроительными работами в 1927 г. было охвачено более 21 млн. дес. земель трудового землепользования, или 33,9% всех земель трудового пользования, причем межселенным землеустройством было охвачено 14,5% земель трудового пользования, а внутриселенными — 19,4%.

Соотношение между этими основными видами землеустроительных работ и их динамика по годам в Сибири выглядели в процентах так³²⁾:

	межселенное	внутриселенное
С 1921 по 1925 гг.	62,7	47,3
В 1925—1926 гг.	47,6	52,4
В 1926—1927 гг.	18,5	81,5
За все годы по 1927 г.	44,9	55,1

Как видно из приведенной сравнительной таблицы, большая часть работ, начиная с 1925 г., относится к внутриселенным землеустроительным работам. Однако, чтобы судить о степени внимания к тем или иным работам, простого количественного соотношения мало, как бы ни были убедительны проценты. Необходимо сравнить число затраченных на производство меж- и внутриселенного землеустройства сил и средств. По средним нормам выработки на одну землеустроительную единицу за период с 1922 до 1927 г. затрачено на производство внутриселенных работ в среднем 68% всех землеустроительных сил и средств³³⁾.

Это соотношение очень убедительно говорит о том, что сдвиг в землеустройстве в Сибири в сторону его качественного улучшения, в сторону преобладания внутриселенного землеустройства, как наиболее важного для развития крестьянского хозяйства, дающего наибольший и экономический и социальный эффект, произошел, и даже в большей степени, чем в целом по стране,³⁴⁾ но произошел фактиче-

³¹⁾ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 55, д. 109, л. 195.

³²⁾ Там же.

³³⁾ «Земельный работник Сибири», 1927, № 11, стр. 15.

³⁴⁾ См.: История земельных отношений и землеустройства. Учебное пособие. М., 1956, стр. 161. В целом по РСФСР межселенное землеустройство в 1921—1925 гг. составляло 72—73%, в 1925—1926 гг. — 55—56%, внутриселенное соответственно — 27—28% (подсчитано по данным отчета Наркомзема РСФСР за 1925—26 год..., стр. 279).

ски только в 1927 г. До этого же земельные органы Сибири уделяли неоправданно большое внимание таким землеустроительным работам, которые по своим экономическим и социальным результатам не оправдывали произведенных на них затрат сил и средств.

В условиях Сибири межселенное землеустройство имело немало важное значение только в северных районах, населенных национальными меньшинствами, где оно имело целью разграничение рыболовных районов между отдельными национальностями и улусами, а также в южных и восточных районах Сибири, где нацменьшинства занимались главным образом скотоводством, а земледелие являлось только подспорьем, играющим весьма незначительную роль в хозяйстве. Здесь межселенное землеустройство, которое во многих случаях будет одновременно и внутриселенным, необходимо было для разграничения земель между отдельными национальностями, ведущими разные системы хозяйства, и выявления пустующих земель для вовлечения их в сельскохозяйственный оборот³⁵).

Что же касается остальных обжитых земледельческих районов, то здесь межселенное землеустройство должно было обязательно сопровождаться внутриселенным землеустройством и как самостоятельный вид работ никакими особыми условиями не вызывался.

Внутриселенное землеустройство, охватившее индивидуальные крестьянские хозяйства Сибири, осуществлялось в двух основных формах крестьянского землепользования — общинной и участковой (хутора и отруба), а также частично и в коллективной (артели, коммуны, товарищества и пр.).

Доминирующее положение в сибирской деревне занимала в рассматриваемый период общинная форма землепользования, составлявшая по губерниям (округам) Сибири от 86 до 98%³⁶) и имевшая распространение не только в старых многодворных деревенских обществах, но и во вновь образованных при советском землеустройстве мелких поселках. Община в Сибири содержала в себе черты, отличавшие ее от этой же формы землепользования в Европейской части страны. Наиболее характерным из них следует назвать непродолжительность ее существования в Сибири (она всего несколько десятилетий назад начала сменять в Сибири другие исторически более ранние формы), и это выражалось в том, что во многих общинах земли не подвергались, за редким исключением, переделам между отдельными землепользователями и в сибирской деревне фактически оставалось захватное пользование земель экономически более сильными хозяйствами, главным образом кулацкими.

Отсутствие в Сибири в первые годы после восстановления Советской власти общих переделов пахотных земель в общинах не означает однако, что количество пахотных земель у отдельных землепользователей оставалось неизменным, оно менялось в зависимости от изменения экономических возможностей того или иного крестьянского хозяйства, а не в результате уравнительных переделов, как это практиковалось в Европейской части страны.

Следующей особенностью общинного землепользования в сибирской деревне являлась многодворность, особенно сильно выраженная

³⁵) Эти вопросы в данной статье специально не рассматриваются.

³⁶) Подсчитано по следующим источникам: ЦГАНХ, ф. 478, оп. 55, д. 109, л. 1, 24, 47, 70, 165, 166, 193; ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 636, л. 7; ГААК, ф. 101, оп. 1, д. 17, л. 39; ф. 443, оп. 1, д. 4, л. 76, 122; Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 209, оп. 1, д. 768, л. 13; ПАОО, ф. 1, оп. 5, д. 17, л. 9. Статистика Сибири. Вып. 1. Новосибирск, 1930, стр. 21. «Земельный работник Сибири», 1925, № 1, стр. 17.

среди старожильческого населения, селившегося чаще всего скученно около рек и других водных источников. О величине селений в Сибири можно судить из следующих данных на 1 января 1925 г.: общее число селений в Сибири составляло 17269, из них с населением (душ обоого пола) до 500 человек было 13434 селения, от 500 до 1000 человек — 2233, от 1000 до 5000 — 1542 и с населением свыше 5000 человек — 60 селений³⁷⁾. При среднем составе двора в 6 едоков селения до 100 дворов будут составлять 77,8%, от 100 до 200 — 12,9%, от 200 до 1000 — 8,9% и свыше 1000 дворов — 0,4%. Наибольшей многодворностью отличались селения Новониколаевской, Алтайской, Томской и Енисейской губерний. Многодворность удорожала сельскохозяйственное производство, тормозила применение интенсивных методов хозяйства и развитие кооперирования крестьянских хозяйств.

Общинное землепользование с ее многодворностью страдало, следовательно, дальне- и длинноземельем, межселенной чересполосицей, крайне нецелесообразными границами землепользования. Если ко всему этому добавить заболоченность, залесенность почвы, то получались факторы, прямо влиявшие на характер внутриселенных землеустроительных работ, которые сводились главным образом к разукрупнению землепользования, разделу земель на подворно-хозяйственные участки, разверстанию земель на поля севооборотов, установлению границ землепользования.

И сама община не представляла единообразия. В целом ряде мест было заметным стремление части крестьянских хозяйств, получивших по закону возможность выхода из общин и свободу выбора форм землепользования, к единоличному землепользованию. И на общинных территориях в порядке землеустройства появились хутора и отруба, как формы участкового землепользования.

Наиболее желательной формой, как подчеркивалось во многих официальных документах и материалах, крестьяне считали отрубное землепользование, которое в некоторых районах занимало до 75% трудовых земель, будучи всемерно поддерживаемой земельными органами, как якобы «наиболее соответствующая теперешним хозяйственным и бытовым условиям».

В порядке землеустройства в сибирской деревне получила распространение и хуторская форма землепользования, сложившаяся еще в дореволюционное время в период проведения столыпинской аграрной политики.

Давая крестьянам право свободного выбора форм землепользования, впервые провозглашенное еще Декретом о земле в 1917 г.³⁸⁾, Советская власть практически закрепляла одно из важнейших ленинских положений о необходимости предоставить возможность крестьянину самому убедиться в бесперспективности единоличного хозяйства и в преимуществах коллективных форм земледелия.

Данные внутриселенного землеустройства индивидуальных крестьянских хозяйств и коллективных хозяйств по видам и времени его выполнения характеризуется в Сибири следующим образом³⁹⁾ (табл. 2).

Как видно из таблиц, в землеустройстве крестьянских хозяйств большое место занимали работы по разверстанию земель на хозяйственно-подворные участки. Данный вид работ составлял почти треть всех работ — до 30—32% и этот процент говорил о серьезных искажениях

³⁷⁾ Отчет Наркомзема РСФСР за 1924/25 год..., стр. 125.

³⁸⁾ См.: Декреты Советской власти. Т. I, М., 1957, стр. 19.

³⁹⁾ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 55, д. 109, лл. 197, 198; «Землеустроитель», М., 1927, № 11, стр. 30—33 (из таблиц).

классовой политики в землеустройстве, допущенных со стороны сибземуправления, где окопались в те годы многие из мелкобуржуазных аграрников — так называемые сибирские кондратьевцы, культивировавшие в угоду кулаку такой пережиточный от капитализма вид работ, как подворно-хозяйственные участки. И когда в Омской губернии попыта-

Таблица 2

Виды работ	Землеустроено с 1921 по 1925 гг.		Всего землеустроено по 1927 г.	
	площадь (га)	%	площадь (га)	%
Раздел земли на части и выдел земель частям селений с образованием поселков	1009935	18,7	2336440	18,8
То же без образования поселков	924180	17,1	2195607	17,7
Разверстание земель на подворно-хозяйственные участки	2084270	31,5	3730526	30,1
Разверстание на групповые участки	694756	12,8	2589400	21,6
Разверстание на хутора и отруба и выдел их	165564	3,1	296377	2,2
Разверстание на севооборотные поля с отводом полос каждому двору и без отвода	238802	4,4	729170	5,9
Выдел земель коллективам	185899	3,4	362648	2,9
Распланирование мест поселения	98946	9,0	99004	0,8
Итого . . .	5402354	100	12411175	100

лись взять линию на расширение группового землеустройства, то СибЗУ в результате обследования признало такой взгляд неправильным и предложило всем окрЗУ обязательно «доводить землеустройство до двора»⁴⁰⁾.

Вследствие этого получалось очень неравномерное землепользование в отдельных дворах и концентрация лучших и ближних земель у зажиточно-кулацкой части.

Какое место занимали эти работы в землеустройстве в округах Сибири, можно судить по двум главным в сельскохозяйственном отношении округам — Барнаульскому и Омскому, специально с этой целью обследованным в 1927 г. И в том и другом округе работы по разверстанию на подворно-хозяйственные участки занимали вплоть до 1928 г. большее место⁴¹⁾.

Этими видами работ достигалось уничтожение чересполосицы и многополосицы, но зато не создавались условия для коллективизации, для проведения агрикультурных мероприятий.

Один из лучших видов землеустройства, способствовавших улучшению методов ведения крестьянского хозяйства, — разверстание на поля севооборота и введение общественных севооборотов — в Сибири своего развития не получил и занимал одно из последних мест в землеустройстве Сибири. По итогам землеустроительных работ за все

⁴⁰⁾ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 55, д. 109, л. 199.

⁴¹⁾ ЦГАНХ, ф. 478, оп. 55, д. 109, лл. 200—203 (из таблиц).

время до коллективизации было устроено трудовых земель индивидуального пользования с введением многопольных севооборотов всего около 6% всей землеустроенной территории⁴²).

В ходе внутриселенного землеустройства в сибирской деревне получило довольно большие размеры выделение на хутора и отруба. Это выделение не запрещалось советским законодательством. Однако ни отрубная, ни хуторская формы, как пережитки капитализма, не имели экономических предпосылок в сибирской деревне и в их распространении государство не было заинтересовано. Идя навстречу пожеланиям крестьян, им было разрешено выделяться на хутора и отруба, но это право было оговорено несколькими условиями. В проекте комиссии по работе в деревне при ЦК РКП(б) по землеустройству (декабрь 1924 г.) говорилось о необходимости объединить хуторские участки в земельные общества, обратив особое внимание на кооперирование этих хозяйств⁴³). В резолюции по землеустройству, принятой комиссией в январе 1925 г., говорилось: «В районах, где проявляется развитие хуторских форм, отводить под них только те площади, которые не подходят для образования поселков с общинной или отрубной формами землепользования в наимыгоднейших размерах с устранением чересполосицы и дальнотемелья, а также отводить хутора там, где это диктуется экономической целесообразностью»⁴⁴).

Отрубная и особенно хуторская формы землепользования были нужны только зажиточно-кулацким слоям деревни, которые в Сибири буквально «льнули к хуторам», как об этом говорится в официальных отчетах о проведении землеустройства⁴⁵). Образование в ходе советского землеустройства отрубов и хуторов свидетельствовало наряду с другими фактами о том, что кулачество использовало все нелегальные и легальные пути для своего дальнейшего усиления и обогащения.

Всего по 1927 г. включительно в Сибири было разверстано в ходе землеустройства под отруба и хутора 296377 гектар земли, или 2,2% всех землеустроенных земель (см. табл. 2). В течение всего периода 1920—1927 гг. этот процент претерпел изменения в сторону уменьшения: в 1923 г. он был равен приблизительно 13%, в 1924 г. — 8%, в 1926 г. — 6,6%, в 1927 г. — 5,5% из всех землеустроенных земель трудового пользования⁴⁶). Число крестьянских хозяйств с отрубной и хуторской формой землепользования составляло 8,6% всех хозяйств Сибири по данным 10% выборочного обследования 1927 г., которое дало наиболее массовый материал, охватывавший подавляющую часть селений края (132414 обследованных хозяйств) и, конечно, в большей

⁴² ЦГАНХ, ф. 478, оп. 55, д. 109, лл. 197, 207, 208. Правда, были и исключения: по Славгородскому округу они занимали в 1927 г. 47,4%, по Каменскому — 70% всех землеустроительных работ, но это были только исключения по Сибири.

⁴³ Центральный партийный архив института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 68, д. 263, л. 219.

⁴⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 68, д. 264, лл. 8, 11, 12.

⁴⁵ ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 388, л. 85.

⁴⁶ Подсчитано на основании данных: ЦГАНХ, ф. 478, оп. 55, д. 109, лл. 1, 70, 193; ф. 1562, оп. 63, дд. 2, 6, 7, 8, 15, 31, 46 (Землепользование в Сибири по данным земельного обследования); ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 636, л. 7; ГАТО, ф. 197, оп. 3, д. 27, лл. 11, 31—33, 37—40; ф. 195, оп. 1, д. 1, л. 67; ГАИО, ф. 46, оп. 1, д. 759, лл. 426, 427; ПААК, ф. 2, оп. 6, д. 39, л. 5; III Сибирская краевая партийная конференция, 1927 г. Стенографический отчет. Новосибирск, 1927, стр. 201, 228; Итоги десятилетия Советской власти... стр. 120—121 (из таблиц). В отдельных уездах Сибири (например, в Томском, Щегловском) на хутора и отруба отводилось значительно больше — до 46—49% всех землеустраиваемых земель.

мере отражающий действительную степень распространенности различных форм землепользования, нежели гнездовая перепись⁴⁷⁾).

Все эти три формы землепользования не устраняли полностью его неустойчивости, не устраняли чересполосицы, мелкополосицы, дальнотемелья и других недостатков землепользования; землеустройство в этих формах не увязывалось с предъявлявшимся к ним требованием кооперирования крестьянских хозяйств, которое особенно тормозили отруба, хутора.

Учитывая неизбежность усиления индивидуалистических тенденций и вполне реальную возможность превращения трудовых хозяйств в кулацкие при выделении их в ходе землеустройства на отруба и хутора, партийные и советские органы проводили большую разъяснительную работу о советской землеустроительной политике среди трудящихся масс крестьянства Сибири. Земельный кодекс предоставил крестьянину свободу в выборе форм землепользования, но это не означало, что Советская власть и партия отказались от регулирования и воздействия при выборе форм землепользования. Партийные и советские органы Сибири направляли инициативу крестьян в сторону выбора таких форм землепользования, которые бы наилучшим образом обеспечивали поднятие производительных сил сельского хозяйства и развитие коллективных форм.

Какие же формы землепользования рекомендовать крестьянам? Вокруг этого вопроса в Сибири, пожалуй, как нигде, шли большие споры, сталкивались несколько точек зрения. Одни считали, что существующая община должна явиться первичной социалистической ячейкой, видели в ней основу для развития производительных сил в сельском хозяйстве. Другие предлагали взять установку на «развязывание инициативы отдельных дворов» или индивидуальных хозяйств и в качестве лучшей формы землепользования рекомендовали хутора и отруба, утверждая, что «только при такой форме мы можем обеспечить достаточное развитие производительных сил». Была и третья точка зрения, представители которой считали, что ставить преграды развитию единоличных хозяйств не надо, но главное внимание необходимо сосредоточить на таких формах землепользования, которые прежде всего позволяют быстро развиваться бедняцким и середняцким хозяйствам и которые приводят наилучшим образом хотя бы к простейшим кооперативным и коллективным формам землепользования⁴⁸⁾.

Какая из этих точек зрения наиболее отвечала интересам сельского хозяйства и на какие формы землепользования шло само крестьянство? На этот вопрос дают ответ уже приведенные выше данные. Сибирская община, как и в любом другом районе страны, оставалась формой объединения крестьян-единоличников. Она имела множество как общих, так и специфических недостатков (многодворность, захватное право на землю и т. д.). Как и всякая община, она душила всяческую инициативу, не позволяла улучшить хозяйство, была наиболее удобным средством для эксплуатации кулаком бедноты и середнячества. И, кроме того, происходивший в 1922—1927 гг. бурный процесс распада общин на поселки, выселки, участки и т. д. свидетельствовал о том, что сибирская община в тех условиях развития сельского хозяйства ни в коей мере не могла быть принята за лучшую, исчерпывающую форму землепользования, хотя Советское государство и

⁴⁷⁾ Итоги 10% выборочного обследования отдельных хозяйств в 1927 году по Сибирскому краю. Новосибирск, 1928, стр. 167.

⁴⁸⁾ III Сибкрайпартконференция..., стр. 200 (из содоклада «Землеустройство и колонизация»).

использовало общину — эту традиционную, исторически сложившуюся форму объединения крестьян — для осуществления регулирования крестьянского землепользования, ни в коем случае не идеализируя общинные порядки.

Отрубная и хуторская формы землепользования, так же как и общинная, не отвечали интересам развития сельского хозяйства. Ставка на них по существу дела означала бы ставку на кулацкое хозяйство являлась бы укреплением и развитием частных форм хозяйства, означала бы, кроме того, борьбу с кооперативными и коллективными формами сельского хозяйства. И так как подобные попытки насаждения отрубного и хуторского землепользования приняли большие размеры не только в Сибири, но и в некоторых других районах страны, XV съезд партии вынес решение: «Всемерно содействовать росту таких форм землепользования, которые более благоприятны для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства (поселки, выселки и т. п.), ограничив практику выделения на отруба и, особенно, хутора и совершенно прекратив их в тех случаях, где они ведут к росту кулацких элементов»⁴⁹).

Да и сами трудовые бедняцко-средняцкие массы по ряду весьма серьезных причин не шли на отрубные и хуторские формы землепользования, а избрали совершенно другие. Сибирское крестьянство в основной своей массе, как мы видели, пошло по пути дробления многодворной общины на мелкое землепользование, на образование поселков, на разверстание земель на подворно-хозяйственные участки, на введение общественных форм в виде многопольного севооборота. Партийные и советские органы Сибири ориентировали крестьян и на коллективные формы землепользования. Эта агитационно-массовая работа привела к некоторым сдвигам в области внутриселенного землеустройства, в результате чего среди крестьянства все более усиливалась тяга к коллективным формам землепользования: к 1927 г. выдел земель коллективам (артелям, коммунам, товариществам и т. д.) был произведен уже на площади в 362648 гектар, что составляло 2,9% всех землеустроительных работ (см. табл. 2).

После того как мы разобрали преимущественно количественную сторону землеустройства в Сибири, проанализируем классовый характер землеустроительных работ, выясним, в пользу каких классовых групп развивался в сибирской деревне процесс землеустройства.

Прежде всего мы должны сказать, что для исследования этого основного вопроса экономической и земельной политики в деревне в нашем распоряжении имеется весьма ограниченный фактический материал. Вопросы землеустройства в сибирской деревне не переставали быть предметом сосредоточенного внимания со стороны партийных, советских и хозяйственных органов, однако за все исследуемые 8 лет эта проблема не нашла должного разрешения. До самого 1927 г. и распоряжении местных органов власти было далеко недостаточно фактического материала для суждения о вопросах землеустройства (за исключением, пожалуй, чисто технической его стороны)⁵⁰).

Интерес к землеустройству проявляли все без исключения группы крестьянства. «Огромная тяга крестьянства к землеустройству» — такая стереотипная фраза встречается во многих официальных доку-

⁴⁹) Директивы КПСС и Советского правительства..., стр. 794.

⁵⁰) Чтобы помочь в этом, НК РКК РСФСР было предпринято в 1924—1925 гг. массовое обследование землеустроительных работ в 18 губерниях республики, результаты которого отражены в опубликованной книге К. Киндеева «Вопросы землеустройства. По материалам обследования НК РКК РСФСР» (М., 1925), но, к сожалению это обследование не коснулось ни одной губернии Сибири.

ментах и материалах. Отмена обязательного государственного землеустройства на уравнильных началах, предоставление инициативы в деле землеустройства трудовому населению и установление свободы в выборе форм землепользования внесло, несомненно, во внутриселенное землеустройство чрезвычайное оживление и еще более повысило интерес крестьянства. Ходатайства о землеустройстве крестьян были в Сибири действительно массовыми. Однако степень интереса к тем или иным видам землеустройства и побудительные мотивы у различных групп деревни были разными. Наибольший интерес к землеустройству проявляли бедняки и середняки, которые, как правило, и выступали в качестве инициаторов землеустройства. Побудительной причиной к землеустройству было у них прежде всего неравенство и запутанность землепользования и, в меньшей степени, по крайней мере в первые годы, стремление улучшить свое хозяйство. На передель (разверстанье на подворные участки) и на раздел земель с образованием поселков шла чаще всего беднота и часть середняков. Основная масса середняков стремилась к землеустройству, чтобы улучшить свое хозяйство и избавиться от общины, сковывавшей ее хозяйственную инициативу⁵¹).

Одной из самых важнейших задач землеустройства после перехода к новой экономической политике и было создание условий для поднятия и укрепления в хозяйственном отношении бедняцко-середняцких масс сибирской деревни. Эта классовая линия в землеустройстве, которую Сибревком проводил неуклонно, особенно настойчиво стала проводиться с 1924—1925 гг. 5-е Сибирское совещание земельных работников, состоявшееся в 1924 г., в резолюции о землеустройстве прямо записало: «Признать необходимым осуществление классового подхода к землеустройству, с целью поставить бедняцкое население в более благоприятные условия»⁵²). Сибирские партийные и советские органы все более решительнее осуждали тех работников, особенно земельных органов, которые склонны были подходить к землеустройству, только как к мероприятию чисто технического или технико-правового характера, рассматривать землеустройство как простое «межевание» или «землемерие». «В деле коллективизации и переустройства сельского хозяйства, — говорилось в резолюции III Сибкрайпартконференции, — особенное значение имеет землеустройство, которое является не только стимулом к реорганизации и индустриализации сельского хозяйства, но и служит орудием классового воздействия в деревне, обеспечивая в первую очередь интересы маломощных и бедняцких слоев»⁵³).

Классовая линия в землеустройстве видна уже из сопоставления удельного веса в объеме землеустроительных работ различных групп крестьянства. В среднем в 1925—1927 гг. разных видов землеустроительных работ приходилось на бедноту 50—51%, середняков — 41—42% и на кулаков — 7—8%.

Указанное соотношение вряд ли можно распространить на предшествующие годы, так как финансовая помощь со стороны государства трудящемуся крестьянству стала заметно сказываться только в последние годы восстановительного периода, а эта помощь при земле-

⁵¹) Выводы сделаны на основании таблиц отчетов. ЦГАНХ, ф. 478, оп. 55, д. 109, лл. 215, 216.

⁵²) Резолюции 5-го Сибирского совещания земельных работников. Новониколаевск, 1925, стр. 48.

⁵³) III Сибкрайпартконференция..., стр. 289; «Земельный работник Сибири», 1927, № 11, стр. 16.

устройстве бедняцких групп (которые, как мы видим, наиболее полно обслуживаются) имела решающее значение.

Соблюдение при землеустройстве классовых интересов за все рассматриваемые годы достигалось целой совокупностью мероприятий.

При землеустройстве бедняков и середняков устранялись недостатки землепользования, о которых уже говорилось. Как общее правило, близлежащие и лучшие по качеству земли отводились маломощным бедняцким хозяйствам. Землеустраиваемые хозяйства делились по социально-экономическим признакам для упорядочения землепользования путем наделения безземельных и малоземельных за счет многоземельных.

Для упорядочения землепользования и наделения землей тех крестьян, которые в ней нуждались, Сибревком вместе с Сибземуправлением в начале 1922 г. выработали применительно к сибирским условиям дополнения к Земельному кодексу по определению трудовой нормы землепользования, а также минимальной нормы для землеустройства неписанного населения и максимальной по отношению к многоземельным хозяйствам, приняв специальное постановление по этому вопросу⁵⁴).

Для обеспечения землей наиболее нуждающейся батрацко-бедняцкой части крестьянства с 1925 г. стали передаваться земли госземимуществ и земли сельскохозяйственного значения из состава госфонда. В трудовое пользование крестьян перешла часть земель государственного земельного запаса, доходных статей, земли ликвидировавшихся совхозов, часть земель сельскохозяйственного значения из состава лесного фонда, земли из лугового фонда и т. д. Это имело не только экономическое, но и определенное политическое значение, так как крестьяне получили в свое распоряжение те земли, которые очень часто были чересполосные с их наделами и которые они вынуждены были до этого арендовать (в 1922—1926 гг. среди арендаторов земель ГЗН в Сибири было до 90% бедняков и середняков).

Важной составной частью работы по землеустройству бедняцких масс сибирской деревни было устройство на землю неписаных и прибывавших в Сибирь больших партий переселенцев из Европейской части страны. Особенно «большим вопросом» по оценке многих местных органов было землеустройство неписаных, которых при переделах во время землеустройства во многих случаях обходили, даже в тех случаях, когда неписаные жили в селениях по десять и более лет, и им приходилось арендовать землю у зажиточно-кулацких слоев. Имея в виду наличие во многих земельных обществах Сибири большого количества неписаных (в 1927 г. их еще оставалось около 350 тыс. душ)⁵⁵), партийные и советские органы дали указания на места об обязательном устройстве их на учтенном земельном фонде в первую очередь. Так, за 1924 г. в порядке землеустройства и земельной регистрации было устроено 120 тыс. едоков неписаного населения⁵⁶). Устройство неписаных производилось путем причисления их в старожильческие селения по месту их проживания, если это позволяло сделать состояние землеобеспечения этих селений, путем устройства неписаных на казенных оброчных статьях по месту фактического их освоения, путем зачисления на свободные переселенческие участки, на земли госземимуществ, путем наделения за счет выморочных наделов.

⁵⁴) ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 950, лл. 58, 63.

⁵⁵) ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3092/3, л. 42.

⁵⁶) ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 16, д. 1037, л. 97.

Переселенцы, самовольно приехавшие в Сибирь до открытия в 1925 г. планового переселения, правом наделения землей по землеустройству не пользовались, но так как многие из них не имели средств для возвращения, то им предоставлялась земля преимущественно в тех районах Сибири, где в это время еще были свободные земли (Иркутская и часть Енисейской губернии за исключением Минусинского и Ачинского уездов) и гораздо меньше — в остальных губерниях, кроме Алтайской, где свободных земель совершенно не осталось. Так, только при Советской власти значительная часть неприписных крестьян дореволюционного времени, как и неплановые переселенцы-самовольцы, получили в Сибири землю, были землеустроены, получили возможность вести свое хозяйство и для этого были использованы как бывшие казенные, кабинетские и церковные земли, так и земли тех, кто имел ее в большом излишке.

Не менее важная задача, ставшая перед партийными и советскими органами — сделать землеустройство доступным бедняцким и середняцким слоям деревни.

Для облегчения проведения землеустроительных работ в бедняцких и середняцких хозяйствах им предоставлялся ряд льгот. В целом был реализован, не встретив особых затруднений, принцип первоочередности работ по землеустройству этих хозяйств. Для проведения землеустройства, в первую очередь колхозов, затем бедняцких и маломощных середняцких хозяйств, отпускались средства из государственного бюджета. Начиная с 1925 г., только по госбюджету было отпущено на эти цели: в 1925 г. — 129900 руб., в 1926 г. — 278350 и в 1927 г. — 357641 руб. В общем довольно успешно осуществлялась в Сибири льготная кредитная помощь бедняцким и части середняцким хозяйствам для оплаты землеустроительных работ. Размеры этого кредита с каждым годом росли и составляли в целом по Сибири на 1925 г. 340 тыс. руб., а на 1926 г. — более 400 тыс. руб., причем большая часть этих сумм шла на землеустройство бедноты⁵⁷). Кроме того, большие средства отпускались на бесплатное землеустройство бедняцких хозяйств. В 1925 г. на это было отпущено 3 млн. руб., на которые были землеустроены тысячи бедняцких хозяйств⁵⁸). В общей сложности с 1924 по 1928 г. было выдано ссуд на сумму 1866287 руб., что составляло от общей стоимости работ 12,7%⁵⁹).

Во всех остальных случаях работы по землеустройству выполнялись за счет самого населения, но по особым таксам с десятины землеустроенной площади. Плата за землеустройство, установленная Сибревкомом, была более низкой, чем та, которая устанавливалась декретом от 14 июня 1923 г. Сибревком ежегодно пересматривал таксу и снижал оплату работ, стремясь сделать их доступными для бедняцкой части населения. Для разных видов работ размер такс устанавливался Сибревкомом различный в зависимости от трудоемкости данного вида работ, а с началом новой экономической политики — и от рентабельности проводимого землеустройства и принадлежности его к поощряемым видам, которыми считались: выдел земли коллективам (30 коп. с землеустраиваемой десятины), выдел выселков (32 коп.),

⁵⁷) ЦГАНХ, ф. 478, оп. 55, д. 109, лл. 214, 216; ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 1210, л. 5; оп. 2, д. 150, л. 113; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 1690, л. 148; ПААК, ф. 12, оп. 3, д. 167, лл. 24—27; Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 101, оп. 1, д. 17, л. 40; Партийный архив Красноярского крайкома КПСС (ПАКК), ф. 59, оп. 1, д. 499, л. 16. «Сельская правда», 1 мая, 27 июня 1926 г.

⁵⁸) «Известия Сибкрайкома РКП(б)», 1925, № 4—5, стр. 4.

⁵⁹) ССЭ, т. II, стр. 145.

разверстание на поля севооборота (40 коп.). Разбивка на отруба и выдел отдельных хуторов оценивались значительно дороже — 80 и 160 коп⁶⁰).

Кроме того, таксы, начиная с 1927 г., были дифференцированы и по группам крестьянства, причем для кулацких хозяйств были установлены особо повышенные таксы, для хозяйств красноармейцев — со скидкой на половину, а хозяйства бывших партизан и красногвардейцев освобождались от платы полностью.

Сложнее было с реализацией льгот бедноте при разделе и предоставлении им лучших и по качеству и по расположению земель. В практике землеустройства вплоть до 1927 г. этот принцип в широких масштабах в Сибири фактически не осуществлялся. Более эффективное проведение его упиралось и в недостаточную последовательность в этом вопросе местных органов власти, и в отсутствие достаточно обоснованных критериев для определения мощности того или иного хозяйства и обоснования классовой группировки крестьянства. Проведение этого принципа встречало активное сопротивление сибирского кулачества, которое не хотело разделов и переделов земли и самыми различными способами препятствовало их проведению, так как в руках кулаков как раз сосредоточивались в сибирской деревне не только лучшие по качеству и близлежащие и удобно расположенные, но и большие по размерам земельные участки.

Землеустроительные работы в сибирской деревне в рассматриваемый период проходили в обстановке острой классовой борьбы. «Вопрос о землеустройстве,— подчеркивается во всех случаях, когда речь шла об условиях его проведения в той или иной губернии Сибири, — является одним из острых вопросов», в котором «чувствуется вполне определенное разделение бедноты и кулаков».

Кулачество всеми силами и способами пыталось затормозить внутриселенные переделы земли, отказывалось заключать договора на внутридеревенские землеустроительные работы, настаивая на том, чтобы ограничиться только оформлением границ землепользования. «А кому надо землю, — нагло заявляли они, — тот пушай и платит, а нам без передела хорошо». Сибирская областная крестьянская газета «Сельская правда» писала в одном из номеров, что редакция «получает целые кучи писем-жалоб. Жалуются главным образом на то, что кулаки, захватившие в разное время при разных обстоятельствах много и удобной земли, теперь всячески уклоняются от передела и оставляют бедняков или совсем без земли, или с клочком неудобной, далеко расположенной»⁶¹).

Кулаки проваливали вопросы о переделах земли на общих собраниях крестьян, чинили всякие препятствия землеустроителям, и если и вынуждены были под давлением бедняков и середняков идти на передел, то настаивали на том, чтобы земля делилась по жребию, покосы — по скоту, лес — пропорционально между хозяйствами, что во всех отношениях было выгодно только кулаку⁶²).

Особенно резко кулак расходился в вопросах землеустройства с беднотой. Были случаи, например, когда под влиянием кулаков сельский сход выносил решения о лишении бедняков наделов за то,

⁶⁰) Сибирь и Дальний Восток..., стр. 75. Краткий отчет Сибревкома..., стр. 10.

⁶¹) «Сельская правда», 7 мая 1924 г.

⁶²) ПАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 1643, лл. 13, 14; ф. 288, оп. 1, д. 181, л. 59; Партийный архив Томского обкома КПСС (ПАТО), ф. 1, оп. 1, д. 678, л. 52; Партийный архив Иркутского обкома КПСС (ПАИО), ф. 1, оп. 1, д. 1919, л. 49; ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 791, л. 101; ГААК, ф. 100, оп. 2, д. 157, лл. 4, 18; «Землеустроитель», 1927, № 3, стр. 27.

что они не смогли внести плату за землеустройство⁶³). Кулаки активно выступали против наделения землей неприписных переселенцев. «Не давать им, — заявляли они, — у них нет ничего, они только спекулировать ею будут, они не члены общества и им нет земли». А выступавшим в их защиту коммунистам и комсомольцам батракам говорили: «Вы не суйтесь, у вас нет и лошади-то, чтобы землю обрабатывать, нечего вам хлопотать» (с. Калманка Алтайской губернии)⁶⁴).

Однако до 1925 г. обострение классовых отношений на почве землеустройства не было еще резким и значительным и лишь примерно с 1925 г., когда в округах Сибири центр тяжести в проведении землеустроительных работ был перенесен с межселенного на внутриселенное землеустройство, когда стали отходить от принципа «аптекарской уравнительности» и «судьбы-жеребьевки» при распределении земель, то классовый антагонизм между кулачеством и бедняцко-середняцкими массами стал проявляться гораздо более рельефно. «Классовая борьба особенно заметна в области землеустройства», «землеустройство сплошь и рядом сопровождается сопротивлением кулаков», «ожесточенное сопротивление землеустройству кулачества и борьба его с середняками и особенно с беднотой», «кулаки встают против внутреннего землеустройства», — эти выдержки взяты из официальных документов местных и центральных сибирских органов за 1925, 1926 и 1927 гг.⁶⁵).

Наиболее яркое проявление этой борьбы отмечалось в Томском, Барнаульском, Бийском, Минусинском округах. Кулаки вели активную агитацию против внутринадельного землеустройства, запугивали бедноту всякими нелепостями о землеустройстве, призывали ее к насильственному захвату земель заводов, организовывали срыв собраний, на которых решались вопросы землеустройства, выдвигали своих уполномоченных по землеустройству, пытались подкупить землеустроителей, наставляли, чтобы земля делилась по жребью, шли на прямой обман при подсчете голосов на собраниях, сваливали все сборы на бедноту.

В своем сопротивлении советскому землеустройству сибирское кулачество не останавливалось перед физическим насилием над работниками низового советского аппарата, активно проводившими землеустроительные работы, над коммунистами, комсомольцами и деревенскими активистами. Угрозы, нападения, избиения, ранения, убийства активистов землеустройства, другие виды террористических актов были частым явлением в Сибири, которая вообще по числу террористических актов стояла в тот период на первом месте, причем особенно много их совершалось именно на почве землеустройства, на почве недовольства кулаков землеустроительными работами⁶⁶).

Таким образом, землеустройство в сибирской деревне носило вполне определенно выраженный классовый характер, являясь средством классовой борьбы за землю трудовых масс крестьянства против кулачества. И во многих селах и деревнях Сибири бедноте под руководством партийных организаций удавалось отстаивать свои интересы, особенно тогда, когда ее поддерживали середняки. Землеустройство тогда выступало как одно из сильных средств ограничения кулачест-

⁶³) ПААК, ф. 4, оп. 1, д. 65, л. 27.

⁶⁴) ПААК, ф. 4, оп. 1, д. 56, л. 23.

⁶⁵) ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 32, д. 99, лл. 12, 32, 33; ПААК, ф. 4, оп. 1, д. 65, л. 27; ф. 12, оп. 3, д. 167, л. 22; ГААК, ф. 100, оп. 2, д. 157, лл. 4, 18; III Сибкрайпартконференция..., стр. 211.

⁶⁶) ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 32, д. 4, л. 138, 140—142, 146; д. 99, лл. 3, 4, 12, 16, 23, 24, 32, 33, 38.

ва в землепользовании, подавления его эксплуататорских тенденций.

Наряду с общим успешным развитием землеустроительных работ в 1920—1927 гг. имели место и серьезные недостатки, теневые стороны. Недостаток средств у государства вынудил его проводить с самого начала платное землеустройство. Землеустроительные работы стоили довольно дорого, особенно для маломощных хозяйств, несмотря на то, что многие из них получали льготы при оплате работ. Крестьяне часто жаловались на слишком высокие ставки на землеустроительные работы, которые беднота не в силах была оплачивать. В результате некоторые бедняцкие селения пытались сами производить землеустроительные операции, особенно по разделу земли, и делали это с большими нарушениями существовавших положений. Дороговизна землеустроительных работ часто приводила к тому, что землеустройством воспользовались зажиточно-кулацкие слои деревни.

Ходатайства крестьян о производстве землеустроительных работ, особенно в первые годы, не всегда могли быть выполненными, так как Сибирь испытывала острую нужду в кадрах землеустроителей, особенно землемеров⁶⁷). К тому же основная масса землеустроителей в Сибири, как об этом говорилось в докладе «Состояние землеустройства» на бюро Сибкрайкома партии (1927 г.) состояла «из старых землемеров столыпинского времени с чиновничьими замашками», среди землеустроителей была совершенно незначительной партийная прослойка — менее 3%, а среди участковых — не было ни одного⁶⁸). Отсюда — различные бюрократические извращения в практике землеустройства, консерватизм и т. п.

В практике землеустройства в Сибири имели место и грубые искривления политики партии и правительства в области землеустройства. Они выражались прежде всего в том, что в Сибири в ходе землеустройства была особенно широко использована «лояльность» Земельного кодекса 1922 г., дававшего право крестьянам свободно выбирать формы землепользования. С течением времени обнаружилось, что она приводила к насаждению в деревне таких форм крестьянского землепользования, которые не всегда и не везде совпадали ни с объективным ходом развития советской деревни, ни с основными задачами партии и правительства в земельном вопросе. В ходе землеустройства в Сибири получили значительные размеры разверстание землепользований на отруба и хутора, что еще более усиливало зажиточно-кулацкие слои деревни. Насаждение в больших масштабах отрубов и хуторов, когда хуторское расселение проходило в ущерб групповому землепользованию, проводилось здесь при прямом попустительстве некоторых работников местных земельных управлений, прикрывавшихся фразами о «необходимости развития крестьянских хозяйств вообще», о «здоровой инициативе крепких мужиков», о «необходимости подходить к этим формам землеустройства с точки зрения агронома, а не политики» и т. п.⁶⁹).

К этому же извращению классовой политики можно отнести и организацию выселков и разверстание наделов земельных обществ на

⁶⁷) Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (ЦГАОР), ф. 3316, оп. 4, д. 20, л. 24; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3092/3, л. 40; ГААК, ф. 100, ф. 100, оп. 1, д. 30, л. 36; М. Исаков. Из истории землеустройства в Омской области. «Сельское хозяйство Сибири», 1957, № 6, стр. 103.

⁶⁸) ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3092/3, л. 40.

⁶⁹) Своеобразным отражением оценки в Сибири хуторского и отрубного землепользования явилась дискуссия на тему: «Хутор, выселок или большое село?» на страницах сибирской крестьянской газеты «Сельская правда» в марте — апреле 1924 г.

отдельные участки, которые на практике оказывались лишь промежуточной формой, приводившей в итоге к образованию хутора или отруба.

Говоря об извращении классовой политики в области землеустройства, нельзя обойти вопрос о влиянии на него так называемых сибирских кондратьевцев, проповедывавших в эти годы мелкобуржуазную аграрную теорию.

В первые годы нэпа заметно активизировались буржуазные и мелкобуржуазные аграрники (Кондратьев, Чаянов, Бруцкис и др.), выступившие в защиту кулачества, против государственной линии, направленной на оказание помощи беднякам и середнякам⁷⁰). С «научным» обоснованием этой кулацкой платформы выступили и сибирские кондратьевцы — Осипов, Месяцев, Марковский, Максимов и др. В условиях конкретной обстановки Сибири они пытались обосновать такие мероприятия, которые действительно способствовали развитию капитализма в деревне, всемерно бы укрепляли мощь так называемых «прогрессивных» слоев крестьянства, то есть кулаков⁷¹).

Как и в других вопросах, сибирские кондратьевцы в земельном вопросе точно повторяли и конкретизировали принципы «самого» Кондратьева. В связи с пропагандой паротравополюя как «генеральной» линии развития сельского хозяйства в Сибири, сибирские кондратьевцы выдвинули, в частности, требование установления «устойчивых, прочных форм землепользования», которые «давали бы возможность не только спокойно вести хозяйство, но и улучшать систему этого хозяйства». В связи с этим они всячески пропагандировали идею расселения многодворных селений на выселки. Формы землепользования внутри них рекомендовались вначале весьма туманные, однако на первый план все более явно выдвигались отрубные и хуторские формы⁷²). Этот же курс на мелкие выселки проводился и в перспективном плане развития сельского хозяйства, составленном в 1926 г. Сибирским земельным управлением⁷³). Классовая установка мелкобуржуазных аграрников в Сибири по вопросам землеустройства нашла развернутое отражение в ответе редакции журнала «Земельный работник Сибири» по поводу статьи, присланной из Щегловска, «Классовый подход к выселяющимся в процессе землеустройства». Здесь в этом ответе в откровенной незамаскированной форме защищались интересы кулацко-зажиточных слоев деревни, подчеркивалась необходимость учитывать при землеустройстве желания всех групп деревни в одинаковой мере⁷⁴).

Нарушением политики землеустройства было преобладание в ряде мест межселенного землеустройства в ущерб внутриселенному, как наиболее важному для развития крестьянского хозяйства, распределение земель путем простой жеребьевки, а не по классовому принципу, случаи кредитования зажиточно-кулацких хозяйств. Оставляли желать лучшего итоги землеустроительных работ в качественном отношении, так как они не всегда давали полный экономический эффект из-за отставания агротехнической и мелиоративной помощи крестьянским

⁷⁰) См. об этом Ю. А. Поляков. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967, стр. 346—354.

⁷¹) См.: Ф. Хоробрых. Кондратьевщина и ее представители в Сибири. Новосибирск, 1931.

⁷²) См., например, Перспективный план восстановления и развития сельского хозяйства Алтайской губернии, Барнаул, 1924, стр. 203.

⁷³) См.: Советское хозяйство Сибирского края. Вып. 2. Перспективный план, Новосибирск, 1926.

⁷⁴) «Земельный работник Сибири», 1925, № 2—3, стр. 109. Сама же статья так и не была напечатана.

хозяйствам, которые должны обязательно сопровождать землеустройство.

Однако все эти недостатки, ошибки и искривления не могут умалять в целом того положительного значения, которое имели землеустроительные работы в крестьянских хозяйствах Сибири.

Каков же результат землеустроительных работ, проведенных в сибирской деревне за годы, предшествующие коллективизации? Что они дали крестьянству Сибири? Ответить на этот чрезвычайно важный вопрос очень трудно, так как подсчитать, хотя бы приблизительно, хозяйственно-экономический эффект землеустройства в Сибири, как впрочем и по другим районам страны⁷⁵⁾, не представляется возможным, поскольку этот вопрос в те годы не был разработан ни в землеустроительной науке, ни в практике землеустройства. Не были еще в те годы установлены сколько-нибудь удовлетворительно и самые методы количественного учета эффекта землеустроительных работ.

Однако те сведения, которыми мы располагаем, дают все же некоторое представление о достигнутых хозяйственных результатах по отдельным видам внутриселенного землеустройства. Во-первых, в определенной степени устранилось дальнораземелье, которое, как уже говорилось, «буквально давило всех» и особенно бедноту, не имевшую достаточных транспортных средств. 70,5% землеустроившихся обществ до образования поселков имели расстояние до полей (по данным 15 округов на 1926 г.) свыше 6 верст. После землеустройства 71,5% вновь организованных поселков имели расстояние до полей не более 2 верст и лишь 28,5% поселков приблизили свои поля на расстояние от 2 до 6 верст, а расстояния свыше 6 верст не осталось ни в одном поселке⁷⁶⁾.

При организации поселков, выселков расстояние до полей сокращалось для всех групп крестьянства. Однако для бедняцких хозяйств расстояние до полей приблизилось и при других видах землеустроительных работ, даже не связанных с расселением, и это — более важно. При подворных внутриселенных разверстаниях расстояние до полей в бедняцких хозяйствах приблизилось благодаря отводу им близлежащих участков земли. Степень приближения земель к усадьбам при внутриселенном землеустройстве видна из следующих данных, полученных во время обследования в 1927 г. результатов землеустройства по четырем округам Сибирского края: Рубцовскому, Бийскому, Новосибирскому и Ачинскому. Процент бедняцких хозяйств с расстоянием до полей не свыше 2 верст до землеустройства был лишь 14,8% хозяйств, после землеустройства — 49%, расстояние до полей свыше 6 верст имели 29,7% бедняцких хозяйств, после землеустройства такое расстояние осталось лишь у 2,4% этих хозяйств⁷⁷⁾. В целом по Сибири по состоянию на сентябрь 1927 г. после землеустройства землепользование бедноты приблизилось до 1,5 верст к землепользователю⁷⁸⁾. Сокращение расстояния от усадьбы до поля у бедняцких хозяйств произошло за счет удаления земельных участков для наиболее мощных кулацко-зачиточных хозяйств и передачи бедноте близлежащих земель. Самыми ближайшими к усадьбе наделами становились земли бедноты.

⁷⁵⁾ См. об этом Отчет Наркомзема РСФСР за 1924/25 год..., стр. 134.

⁷⁶⁾ «Известия Сибкрайкома ВКП(б)», 1927, № 2, стр. 23. «Земельный работник Сибири», 1927, № 11, стр. 17.

⁷⁷⁾ Там же.

⁷⁸⁾ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3092/3, л. 43 (из стенограммы бюро Сибкрайкома ВКП(б)).

Одним из существенных моментов землеустройства в Сибири являлось изжитие захватного землепользования, столь широко распространенного в сибирской деревне, особенно в дореволюционное время. Теперь распределение земель производилось в соответствии с земельными правами каждого из участников землеустройства. Это имело особенно важное значение для бедняцких хозяйств, которые часто нуждались в земле. Результаты землеустроительных работ в крестьянских хозяйствах Сибири с этой точки зрения можно увидеть из данных, полученных при обследовании 1927 г., о котором только что говорилось. До землеустройства 6,3% бедняцких хозяйств совершенно не имели земли, а 45,2% этих хозяйств имели земли не более 11 десятин на хозяйство. После землеустройства все бедняцкие хозяйства получили землю, причем большинство этих хозяйств (51,4%) получили свыше 19 десятин на одно хозяйство и только 8,4% получили не свыше 11 десятин на хозяйство.

Весьма заметный положительный результат в перераспределении земель в ходе землеустройства получился и для середняцких хозяйств: до землеустройства 1,9% середняков не имели земли, а 25,7% имели не свыше 11 десятин на хозяйство. После землеустройства 60,7% середняков получили земли более 19 десятин и лишь 10,1% их получили не свыше 11 десятин на хозяйство⁷⁹⁾.

В результате землеустроительных работ увеличились не только земельные наделы, но и площадь засеваемых земель. Если привести посевную площадь во всех крестьянских хозяйствах до землеустройства к 100%, получим, что у бедняков после землеустройства посевная площадь увеличилась до 160%, у середняков — до 127%, а у кулаков осталась без изменений⁸⁰⁾. Таким образом, землеустройство создало благоприятные условия к увеличению посевных площадей в бедняцких и середняцких хозяйствах.

Землеустройство благоприятно влияло вообще на состояние и развитие крестьянских хозяйств, о чем может свидетельствовать увеличение в результате проведенного землеустройства основных капиталов. Так, например, по Бийскому округу с 1923 по 1927 г. в землеустроенных селениях основной капитал увеличился следующим образом: у бедняков — на 87,6%, у середняков на 60,8% у зажиточных — только на 24,1%⁸¹⁾. Следовательно, темпы роста основных капиталов в землеустроенных хозяйствах у бедняков и середняков было в 2,5—3,5 раза больше, чем у зажиточных хозяйств.

Землеустроительные работы в крестьянских хозяйствах Сибири, получившие здесь наибольшее по сравнению с многими районами страны развитие⁸²⁾, охватили с 1920 по 1927 г. площадь более чем в 30 млн. дес. и заметно улучшили землепользование крестьян. И самое главное — землеустройство укрепляло бедняцко-середняцкие хозяйства, объединяло их в борьбе за землю против кулачества, ограничивая и вытесняя его, оно устранивало землю для более рационального ведения хозяйства, стимулировало на кооперирование и коллективизацию на новом этапе.

⁷⁹⁾ «Земельный работник Сибири», 1927, № 11, стр. 18.

⁸⁰⁾ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3092/3, л. 43.

⁸¹⁾ И. М. Жуйков. Указ. раб., стр. 6.

⁸²⁾ «Землеустроитель», 1927, № 11, стр. 23, 30—33 (порайонные таблицы).

**СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИБИРИ КОМИССИИ
ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ (1921—1922 гг.)****Е. М. ХЕНКИН**

Борьба с голодом в 1921—1922 гг. — одна из ярких героических страниц в истории молодого Советского государства. Размеры голода были неимоверно велики. Голод охватил 177 уездов в 32 губерниях с общим количеством населения в 45 миллионов человек¹). В районе Поволжья число голодающих составляло к лету 1922 г. 77,6% населения²). «Вы знаете, чего стоило такое бедствие как голод,—говорил В. И. Ленин на IX Всероссийском съезде Советов 23 декабря 1921 г.,—какие неслыханные мучения он продолжает причинять всему сельскому хозяйству, промышленности и всей нашей жизни»³).

Вопросы героической борьбы советского народа с голодом нашли отражение в ряде исследований советских историков⁴).

В последнее время опубликованы несколько статей, посвященных участию трудящихся отдельных губерний Сибири в борьбе с голодом 1921—1922 гг.⁵).

В данной статье ставится задача рассмотреть более частный и менее исследованный вопрос об истории создания и деятельности комиссий помощи голодающим на территории Сибири⁶).

Голод 1921 г. охватил важнейшие хлеботорговые районы страны: Поволжье, Предуралье, юг Украины. В этих условиях Сибирь, несмотря на пестроту урожайности и истощение хлебных ресурсов во время прод-

¹) Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР СССР), ф. 1064, оп. 3, д. 39, л. 5.

²) Итоги борьбы с голодом в 1921—1922 гг. М., 1923, стр. 2.

³) В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 304.

⁴) А. Н. Коган. Система мероприятий партии и правительства по борьбе с голодом в Поволжье в 1921—1922 гг. Исторические записки, т. 48, 1954; М. Д. Машин. Борьба Советской власти с голодом в 1921—1922 гг. Канд. дисс. М., 1955; А. П. Агриков, А. С. Башкиров, И. А. Лычев. Война с голодом в Поволжье в 1921—1922 гг. «История СССР», 1963, № 1 и др.

⁵) И. П. Панов. Коммунистическая партия — организатор всенародной борьбы с голодом в Поволжье (на примере Енисейской партийной организации). Ученые записки Красноярского пединститута. Т. XIV. Каф. истории КПСС. Красноярск, 1959; И. П. Чижев. Участие трудящихся Омской губернии в борьбе с голодом в 1921—1922 гг. Деятельность партийных организаций Западной Сибири в период восстановления народного хозяйства (1920—1925 гг.). Новосибирск, 1965; В. Т. Петрова. Помощь трудящихся Томской губернии голодающему Поволжью в 1921 г. Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Вып. IV. Томск, 1965; Е. М. Хенкин. Кооперация Сибири в борьбе с голодом 1921—1922 гг. Вопросы истории Сибири. Вып. 2. Томск, 1965.

⁶) Территориальные рамки данной статьи ограничены губерниями Сибири, находившимися в ведении Сибревкома, в границах, сложившихся к весне 1921 г.

разверстки 1920—1921 гг. превратилась в важнейшую продовольственную базу страны. Это возлагало особую ответственность на партийные организации и органы Советской власти Сибири. От четкости и слаженности их работы, от их умения поднять массы трудящихся на борьбу с голодом в значительной мере зависел успех победы над голодом по республике в целом.

С конца лета 1921 г. вопрос о борьбе с голодом стал в центре внимания партии и Советского государства. Помощь голодающим становится одной из важных задач в хозяйственной и политической жизни страны. В телеграмме XII съезду Советов Симбирского уезда в июле 1921 г. В. И. Ленин писал, что «Советской властью принимаются самые спешные и решительные меры по оказанию помощи голодающим»⁷⁾.

18 июля 1921 г. была образована Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК во главе с М. И. Калининым. Комиссия превратилась в боевой штаб по руководству борьбой советского народа с голодом. Одновременно происходил процесс создания таких комиссий на местах — в губерниях, уездах, волостях, во многих городах и селах. Комиссии помощи голодающим, работавшие под руководством местных Советов и партийных организаций, стали органами мобилизации всех сил народа на преодоление постигшего страну голодного бедствия.

Голод и связанные с ним экономические трудности вызвали новое обострение классовой борьбы. Одним из ее проявлений явилась попытка создания комитетов помощи голодающим с участием так называемых «общественных деятелей».

21 июля 1921 г. ВЦИК принял постановление о создании Всероссийского комитета помощи голодающим, в состав которого вошли представители Советского правительства, сочувствующей Советской власти интеллигенции, а также бывшие видные деятели кадетской партии — Прокопович, Кускова, Кишкин. Последние пытались противопоставить Комитет органам Советской власти и использовать его для антисоветской деятельности. 27 августа 1921 г. Всероссийский Комитет помощи голодающим, проявивший полную бездеятельность в борьбе с голодом и ставший знаменем контрреволюции, был распущен⁸⁾. Однако в начальный период борьбы с голодом делались попытки создания подобных комитетов на местах. Эта тенденция привлечения так называемых «общественных деятелей» к борьбе с голодом имела место и в Сибири.

16 июля 1921 г. был образован сибирский комитет помощи голодающим при Сибревкоме в составе руководителей важнейших сибирских ведомств (сибпродкома, сибземотдела, совнархоза, отдела труда) и представителей голодающих губерний. В конце июля и начале августа 1921 г. во всех губерниях Сибири были созданы губернские и уездные комитеты помощи голодающим. Комитеты помощи голодающим при исполнительных комитетах Советов включали в свой состав представителей важнейших отделов, устанавливали связи с общественными организациями трудящихся. Однако в первый период их деятельности наблюдается тенденция привлечь к их работе представителей буржуазных кругов, 11 августа 1921 г. президиум Алтайского губкома РКП принял постановление об организации комитета помощи голодающим из 17 человек. Количество коммунистов в нем должно превышать количество беспартийных. Для подбора кандидатур беспартийных создана комис-

⁷⁾ Ленинский сборник, т. 35, стр. 267.

⁸⁾ Более подробно по этому вопросу см. статью И. А. Чермерского «Из истории классовой борьбы в 1921 г. (Всероссийский комитет помощи голодающим)». Исторические записки, т. 77, М., 1965.

сия из 3-х человек⁹). 2 августа Омский губисполком признал возможным привлечение «общественных деятелей» к работе губернского комитета помощи голодающим с разрешения губисполкома¹⁰). Привлечение буржуазных кругов к работе создаваемой организации по борьбе с голодом было особенно опасно в Сибири, где шла ожесточенная классовая борьба и в ряде районов не прекращались открытые антисоветские выступления. Поэтому Сиббюро ЦК РКП(б) в письме Алтайскому губкому от 13 августа 1921 г. указало на опасность привлечения так называемых «общественных деятелей» к делу помощи голодающим в организованной форме¹¹). Однако на местах эта тенденция продолжалась. 19 августа этот вопрос обсуждался на совещании Сиббюро ЦК РКП(б) с секретарями губкомов. Совещание приняло постановление не создавать общественных комитетов помощи голодающим, а ограничиться созданием комиссий при губисполкомах¹²). 24 августа 1921 г. Сибревком принимает постановление о преобразовании комитетов помощи голодающим в комиссии. В их состав вводятся представители ВЦСПС, центросоюза и других общественных организаций¹³). Этим постановлением был завершён процесс формирования комиссий помощи голодающим в Сибири, определилось их организационное строение и характер деятельности. Попытки привлечения буржуазных кругов к делу помощи были связаны с неправильным пониманием некоторыми партийными и советскими работниками Сибири самого характера борьбы с голодом, стремлением направить эту борьбу по линии буржуазной филантропии. Создание стройной, широко разветвленной и централизованной организации по борьбе с голодом под руководством комиссий при исполкомах придавало этой борьбе характер всенародного движения трудящихся, пролетарской взаимопомощи и классовой солидарности.

Осенью 1921 г. комиссии помощи голодающим охватывали своей деятельностью широкие массы трудящихся Сибири. В ноябре 1921 г. в Алтайской губернии работало 4 уездных, 2 районных, 150 волостных и 918 сельских комиссий помощи голодающим. Комиссии помощи голодающим были созданы во всех уездах, волостях и крупных селениях Иркутской губернии, в $\frac{2}{3}$ из 120 волостей Енисейской губернии, при всех волисполкомах и сельсоветах Омской и Томской губерний¹⁴). В Новониколаевской губернии работало 150 комиссий помощи голодающим при профсоюзных организациях¹⁵). Комиссии помощи голодающим были созданы при частях и соединениях Красной Армии, расположенных на территории Сибири.

Один из первых сложных вопросов, с которым пришлось столкнуться партийным организациям, органам Советской власти и комиссиям помощи голодающим в Сибири — помощь беженцам и детям из голодающих губерний. Голод сдвинул с насиженных мест сотни тысяч людей. Основной их поток двинулся в Сибирь. Только за 1921 г. сюда прибыло организованным путем по данным сабэвака 313 709 человек¹⁶). Движение беженцев продолжалось и в 1922 г., хотя и в меньших размерах. Кроме организованной эвакуации в Сибирь прибывала масса голодающего населения, двигавшаяся стихийно. Количество их трудно поддавалось учету. По данным центрозвака, из голодающих губер-

⁹) Партийный архив Алтайского крайкома КПСС (ПААК), ф. 2, оп. 2, д. 19, л. 2.

¹⁰) ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 513, л. 59.

¹¹) ПААК, ф. 2, оп. 2, д. 14, л. 12.

¹²) Там же, д. 13, л. 32.

¹³) ГАНО, ф. 4, оп. 1, д. 61, л. 297.

¹⁴) ГАНО, ф. 656, д. 10, л. 47; д. 11, л. 14; д. 31, л. 87.

¹⁵) «Известия Новониколаевского губкома РКП(б)», 1921, № 1.

¹⁶) Сибревком. Сборник документов. Новосибирск, 1959, стр. 340.

ний выехало неорганизованным путем 590 000 человек, из них 350 000 человек в Сибирь¹⁷⁾. Прибывшие массы людей нуждались в питании, жилищах, в срочной медицинской помощи.

17 июля 1921 г. на заседании Сибревкома впервые обсуждался вопрос об урегулировании стихийного потока беженцев и об оказании им срочной помощи. К оказанию помощи беженцам из голодающих губерний были привлечены все сибирские организации. Для их приема и размещения образована специальная комиссия в составе Сибземотдела, Сибтруда, Сиблескома и других ведомств, которой приходилось в спешном порядке создать условия для приема двигавшегося потока людей. Уже 12 августа Алтайский губземотдел разработал и стал осуществлять ряд конкретных мер по приему и расселению голодающих беженцев в количестве 25 тыс. человек. Были указаны волости, куда они должны быть направлены, создавались питательные пункты через каждые 100 верст. Особая важность этого мероприятия подчеркивалась введением в состав уездных комитетов помощи голодающим представителей земотделов (агентов по расселению и водворению беженцев). С 3 августа по 10 октября по губернии было по неполным данным расселено 10 898 человек¹⁸⁾.

Не менее важное и срочное значение имели вопросы питания, медицинского обслуживания, организации приемных пунктов для прибывающих беженцев. 5 августа 1921 г. Сибирская комиссия помощи голодающим приняла постановление об использовании для приема голодающих лагерей военнопленных, военных городков, переселенческих пунктов и других пригодных для этой цели помещений. В местах скопления беженцев было сформировано 9 санпоездов, отремонтированы и подготовлены 23 бани с пропускной способностью 15—20 тыс. человек в сутки, прачечные пункты на 1500 комплектов белья, предложено военному ведомству передать комиссиям помощи голодающим больничные помещения на 12 700 коек, часть походных кухонь¹⁹⁾. В начале августа на станции Тулун Иркутской губернии были оборудованы помещения для приема 1100 человек и вагон-кухня для питания 500 человек, на станции Зима оборудованы помещения на 2700 человек, подвезено на места топливо и подготовлен 2-недельный запас продовольствия. Для оказания медицинской помощи переданы в распоряжение комиссии помощи голодающим ряд больниц и приемных пунктов в Иркутске, Тулуне, Зиме, на ст. Иннокентьевская и других местах скопления и движения беженцев²⁰⁾.

Организационная и целенаправленная деятельность советских органов и их беспримерная забота о людях дали возможность свести до минимума всевозможные эксцессы и неимоверные страдания, которые могли стать неизбежными при стихийном движении огромных масс населения в Сибири в условиях хозяйственной разрухи и отсутствия необходимых условий для их приема и размещения. Об этом ярко свидетельствует организация питания беженцев на пути их следования и на приемо-распределительных пунктах. На питательных пунктах Сибири выдано в 1921 г. 7 515 033 пайка²¹⁾. Все это делалось в условиях разрухи, самого острого продовольственного кризиса, отсутствия возможности предварительной подготовки и необходимого аппарата. Достаточно хотя бы сравнить приведенные выше цифры с организацией питания

¹⁷⁾ Итоги борьбы с голодом в 1921—1922 гг. М., 1923, стр. 115.

¹⁸⁾ Государственный архив Алтайского края, ф. 24, оп. 2, д. 1513, л. 18.

¹⁹⁾ «Советская Сибирь», 16 августа 1921 г.

²⁰⁾ «Красный пахарь» (Иркутск), 14 августа 1921 г. и 20 января 1922 г.

²¹⁾ Сибревком, стр. 340.

переселенцев, едущих в Сибирь, во времена царизма. В период наиболее массового переселения с 1906 по 1910 г. в Азиатскую Россию (включая Среднюю Азию и Дальний Восток) выехало 2 607 780 человек. Их обслуживало на протяжении всего пути 23 врачебно-питательных пункта, а продовольственная помощь оказывалась только на 12 из них. За весь этот период отпущено всего 4 462 200 порций пищи²²). При этом необходимо иметь в виду, что переселение 1906—1910 гг. происходило в нормальной обстановке, когда была возможность его подготовить и планомерно проводить. В стране имелось достаточное количество продовольственных ресурсов, чтобы организовать нормальное питание переселяющегося населения. Интенсивность движения на Восток, даже в период наибольшего его подъема, была значительно меньше, чем во время голода 1921—1922 гг. Особенно тяжело отразился голод на положении детей. Только в одной Самарской губернии насчитывалось более миллиона голодающих детей. Основное внимание обращалось на оказание им помощи, организацию питания и медицинского обслуживания на месте. Одновременно проводилась эвакуация детей в урожайные губернии. Всего было вывезено организованным путем 140 тыс. детей и выехало самотеком около 100 тыс.²³).

В Сибирь прибыло по неполным данным организованным путем 7 345 детей и 10 060 — самотеком²⁴). Массовый поток беженцев, голод и болезни среди них с каждым днем увеличивали количество оставленных, беспризорных и осиротевших детей. Только за 2 месяца (декабрь 1921 г. и январь 1922 г.) на станции Рубцовка было подобрано и размещено в детские дома 60 детей²⁵).

28 июля 1921 г. Сибревком признал работу по оказанию помощи детям голодающих губерний ударным, боевым заданием. Вновь организованные Сибирская и губернные чрезвычайные комиссии помощи детям (чекадеты) получили широкие полномочия и права по организации детских домов, врачебно-питательных пунктов, детских приютов, карантинных и распределителей на станциях железной дороги. Все требования чекадетов, связанные с этой ударной и ответственной работой, должны были выполняться всеми советскими учреждениями вне очереди. Для приема и распределения прибывающих детей был создан в Омске Сибирский головной приютный пункт на 800 человек, питательные и врачебно-изоляционные пункты в Новониколаевске, Барабинске, Иркутске, Тулуне, Красноярске и других местах²⁶). На станции Куломзино организована столовая на 600 мест и больница-карантин. Менее чем за месяц (с 15 сентября по 11 октября 1921 г.) сюда прибыло 8 эшелонов с детьми²⁷).

Борьба с голодом проходила в условиях крайнего напряжения всех сил Советской республики. Скудность продовольственных ресурсов и увеличивающиеся размеры голода вынудили органы Советской власти в начале 1922 г. сократить количество пайков на содержание детских домов. На 1 января 1922 г. в детских домах Сибири находилось 40 681 человек. На их содержание отпускалось 34 000 пайка. В феврале количество пайков было уменьшено до 17 000, в апреле — до 15 400, в мае — до 11 200.

²²) Обзор переселения и землеустройства за Уралом в 1906—1911 гг. СПб., 1912, стр. 7, 25—26.

²³) ЦГАОР, ф. 1064, оп. 2, д. 105, л. 28.

²⁴) «Жизнь Сибири», 1922, № 4, стр. 78.

²⁵) «Красный Алтай», 10 февраля 1922 г.

²⁶) ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 536, л. 171.

²⁷) Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. р. 27, оп. 1, д. 78, л. 26 и 65.

Положение стало крайне тяжелым, но не безвыходным. Здесь, как и во всех других мероприятиях по борьбе с голодом, проявлялся общенародный характер кампании помощи голодающим. Коллективы промышленных предприятий и государственных учреждений, профсоюзы, кооперативы, части Красной Армии, коммуны и колхозы брали на свое иждивение целые детские дома и группы детей. По всей Сибири проводился массовый сбор пожертвований для содержания детей, устраивались воскресники по пошивке белья и ремонту детских учреждений. Сибирская комиссия помощи голодающим приняла постановление об отчислении 10% всех собранных пожертвований для оказания помощи детским домам Сибири.

К лету 1922 г. в детских домах Сибири находилось 25 577 детей. Из них 17 779 содержалось за счет государства и 7 798 находилось на иждивении различных государственных и общественных организаций. По неполным данным в пяти губерниях Сибири, кроме Енисейской, 3 440 детей содержалось трудящимися в порядке частного патроната²⁸⁾. Государственные организации Омской губернии содержали в феврале 1922 г. 500 детей. Большую заботу о голодающих детях проявили крестьяне Алтайской губернии. На собраниях в селах Шатуново, Калиновка, Заплывино, Воронки Барнаульского уезда крестьяне решили принять на иждивение 93 детей. Собрание Среднекрасиловской волостной партийки постановило принять на содержание коммунистов 25 детей. В Верхкамышинской волости было решено открыть детдом в приходской церкви²⁹⁾.

Одной из важнейших функций комиссий помощи голодающим являлась в Сибири и в других урожайных районах организация добровольной помощи трудящихся и создание таким путем дополнительных продовольственных и денежных фондов для борьбы с голодом. При этом следует иметь в виду, что в условиях Советской власти добровольные пожертвования не стали основным источником помощи голодающим. Впервые в истории главную тяжесть борьбы с голодом взяло на себя Советское государство. Но в условиях, когда количество голодающих увеличивалось с каждым месяцем, а в стране царил разруха и острый продовольственный кризис, участие населения благополучных районов в создании дополнительных фондов для оказания помощи голодающим имело неоценимое значение. В этом особенно ярко проявлялась пролетарская солидарность трудящихся и их сплоченность вокруг партии и Советского правительства.

Всенародная помощь голодающим не носила формы обычной благотворительной кампании. В ходе борьбы с голодом возникали новые формы и методы организации масс и привлечения их к решению этой важной хозяйственно-политической задачи.

Одной из них являлись субботники, воскресники и другие виды помощи посредством дополнительного и бесплатного труда. В октябре 1921 г. по решению ЦК РКП(б) по всей стране проходил двухнедельник помощи голодающим. В Алтайской губернии двухнедельник проводился в ноябре 1921 г. Рабочие и служащие предприятий и учреждений губерний брали обязательства отработать дополнительно в пользу голодающих по 20 часов. Проводились работы, непосредственно связанные с оказанием помощи голодающим: ремонт и пошивка одежды для детей из голодающих губерний, оборудование и ремонт детских домов, ускорение переброски продовольствия в голодающие районы.

²⁸⁾ «Жизнь Сибири», 1922, № 4, стр. 78.

²⁹⁾ Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 10, оп. 1, д. 796, лл. 10, 13, 23, 25. «Красный Алтай», 15 ноября 1921 г.

Члены союза работников советских учреждений в г. Барнауле сшили 4112 комплектов белья для голодающих детей и оказали помощь транспорту³⁰). Барнаульский женотдел собрал группу работниц и домашних хозяек, которые за день сшили 300 вещей. Работа проходила с пением «Интернационала» и «Смело товарищи в ногу»³¹). По неполным данным работало 8768 чел., которые отработали 69 102 часов. Машинисты барнаульской электростанции Фаллинов, Ванин, Фомичкин, кочегары Махов, Иванов, Рашектаев отработали в фонд помощи голодающим по 24 часа и заработали по 25—38 тыс. руб. в знаках 1921 г. каждый³²). В г. Камне и уезде во время недели помощи голодающим проведено 42 субботника, в которых участвовало 4027 коммунистов и 985 беспартийных. В городе погружено на баржи 218 565 пудов хлеба. В деревне проводился обмолот хлеба, постройка детдомов, заготовка пашни для детдомов. На Ленинских золотых приисках в районе Бодайбо во время воскресника добыто 19 фунтов 92 золотника золота, которое передано в фонд помощи голодающим³³). Рабочие угольных копей Кольчугинского района Томской губернии добыли в фонд помощи голодающим 130 000 пудов угля³⁴).

Второй важной формой помощи голодающим являлись массовые отчисления рабочих и служащих от денежного жалованья и продовольственного пайка. Эта форма помощи характеризуется рядом особенностей, которые коренным образом отличают ее от буржуазной филантропии. Она носит трудовой характер и является одним из ярких проявлений взаимопомощи трудящихся. Здесь выступают не отдельные жертвователи, а коллективы предприятий и учреждений. Решения, принимаемые на общих собраниях, носят обязательный характер и выражают мнение большинства трудящихся. Добровольные отчисления стали важным фактором пополнения продовольственных и денежных ресурсов комиссий помощи голодающим. Только по Алтайской губернии поступило в течение двухнедельника помощи 20 072 пуда продовольствия и более 500 млн. руб. денег³⁵). По Иркутской губернии собрано по неполным данным 9 419 пудов продовольствия³⁶).

Особенно большое значение имела активизация деятельности комиссий помощи голодающим в сибирской деревне, вовлечение в борьбу с голодом масс сибирского крестьянства. Характерно, что и здесь, среди неорганизованного крестьянского населения, преобладали не случайные пожертвования, а формы помощи, приближающиеся к постоянным и выражающие классовую солидарность трудящихся. Вопрос о помощи голодающим широко обсуждался на беспартийных крестьянских конференциях, на волостных съездах Советов, сельских сходах.

Крестьяне Кимильтйской волости, несмотря на постигшее их бедствие (от града и неурожая погибло 450 десятин посевов), успешно выполнили продналог и отчислили дополнительно в фонд помощи голодающим 5% от суммы продналога, что составило 1100 пудов. От постановки спектаклей силами местного культпросвета и женотдела выручено 689 пудов хлеба³⁷). В Горноалтайском уезде, в условиях бандитского движения и неурожая, было собрано во время двухнедельника 3089

³⁰) ГААК, ф. 10, оп. 1, д. 72, л. 21; ф. 169, оп. 1, д. 2, л. 36.

³¹) «Красный Алтай», 18 ноября 1921 г.

³²) ГААК, ф. 10, оп. 1, д. 72, лл. 257, 261, 290.

³³) ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 296, л. 142.

³⁴) Там же, д. 241, л. 95.

³⁵) ГААК, ф. 10, оп. 1, д. 153, л. 123.

³⁶) ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 296, л. 142.

³⁷) «Красный пахарь» (Иркутск), 30 марта 1922 г.

пудов хлеба и 700 пудов мяса³⁸). Крестьяне Фунтиковской волости Алтайской губернии организовали детский дом на 35 детей, оборудовали его своими силами, собрали на его содержание 200 пудов хлеба, 4 коровы, 2 лошади, 200 копен сена, 20 пудов мяса³⁹).

В условиях усиливающегося голода и ограниченности продовольственных ресурсов важное значение приобретал переход к постоянным формам помощи путем регулярных отчислений рабочих, служащих, крестьян, хозяйственных и кооперативных организаций.

19 ноября 1921 г. Сибирская комиссия помощи голодающим разработала план организации постоянной помощи, который лег в основу проведения этой работы на территории Сибири. Предусматривалось участие в этом важнейшем деле всего организованного и неорганизованного населения по принципу, установленному ЦК помгол: «10 сытых кормят одного голодного»⁴⁰). Постоянная помощь голодающим возникла и проводилась как широкое движение трудящихся масс. Характер этой помощи требовал закрепления принятых обязательств и возникшей инициативы масс в решениях собраний и конференций трудящихся, общественных организаций, постановлениях и приказах местных органов власти. Добровольно принятые решения приобретали обязательный характер и должны были беспрекословно выполняться. Само понятие постоянной помощи требовало твердых обязательств и регулярных отчислений. Это усиливало роль организованного населения и в первую очередь рабочего класса в борьбе с голодом. В проведении постоянной помощи наиболее ярко проявилась авангардная роль рабочего класса в ходе всенародной борьбы с голодом. В Томской губернии на первом месте по организации и размерам постоянной помощи голодающим стояли Анжеро-Судженские каменноугольные копи. Постоянные отчисления от продовольственного пайка рабочих достигали здесь 1000 пудов в месяц. На 15 июня 1922 г. Анжеро-Судженские шахтеры внесли в фонд постоянной помощи 8552 пуда муки, 856 пудов зерна, 537 пудов крупы, 1368 пудов овощей. За активное участие в борьбе с голодом им была вынесена в мае 1922 г. благодарность пленуму Томского губисполкома⁴¹). Постоянные отчисления в помощь голодающим проводили рабочие-железнодорожники Боготола, Тайги, Кольчугинских копей. В январе 1922 г. коллективы 31 предприятия и учреждений г. Омска приняли постановление о переходе к постоянной помощи. Профсоюзные собрания железнодорожников станции Татарская, Куломзино, Исылкуль и Называльская решили отчислять по 3 фунта муки с января по август 1922 г.⁴²).

В организацию постоянной помощи голодающим втягивались и крестьянские массы Сибири. Наиболее удачно переход к постоянной помощи в деревне осуществлялся в Алтайской губернии. Крестьянство этой губернии первым выполнило продналог и занимало первое место в Сибири по количеству сданного хлеба. Партийные организации, органы Советской власти и комиссии помощи голодающим приложили много усилий, чтобы добиться активного участия крестьян Алтая в борьбе с голодом посредством добровольных и регулярных отчислений. В январе 1922 г. Алтайский губисполком принял постановление об отчислении до нового урожая по 4 фунта муки ежемесячно с каждого крестья-

³⁸) ГААК, ф. 10, оп. 1, д. 64, л. 39.

³⁹) «Красный Алтай», 14 января 1922 г.

⁴⁰) ГАОО, ф. 656, оп. 1, д. 2, л. 171.

⁴¹) Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 173, оп. 1, д. 100, л. 179. «Коммуна» (Анжеро-Судженск), 4 апреля 1922 г.; 7 апреля 1922 г. и 16 июня 1922 г.

⁴²) «Рабочий путь», 16 февраля 1922 г. ГАОО, ф. 27, оп. 1, д. 163, л. 7.

янского хозяйства. Партийные организации и комиссии помощи голодающим провели большую агитационную и организаторскую работу среди крестьянства губернии по реализации этого постановления. В апреле 1922 г. в волостях и селениях Барнаульского уезда вопрос о 4-фунтовых отчислениях обсуждался на беспартийных конференциях и деревенских сходах. Многие собрания принимали решение: досрочно собрать 4-фунтовые отчисления за все 6 месяцев, чтобы во-время доставить продовольствие голодающим. В наиболее хлебные волости направлялись специальные работники для организаторской и агитационной работы среди крестьянских масс. За месяц собрано по уезду 2 666 пудов хлебопродуктов в фонд постоянной помощи⁴³).

К весне 1922 г. положение голодающего населения значительно ухудшилось. Количество голодающих быстро росло. Поступающая помощь была недостаточна. В конце весны 1922 г. по решению ЦК РКП(б) проводился двухнедельник проверки помощи голодающим. Целью этой кампании явилось оживление работы комиссий помощи голодающим и усиление помощи. В Сибири проведение двухнедельника совпало с решением Сибирской комиссии о проведении ударной кампании по борьбе с голодом. Новая массовая кампания привела к значительному оживлению работы помголов и усилению притока средств в фонд помощи. Так, по Новониколаевской губернии с августа 1921 г. по 1 апреля 1922 г. собрано 1 млрд. 230 млн. руб., а за первые 19 дней апреля — 1 млрд. 52 млн. руб. В Минусинском уезде Енисейской губернии за полтора месяца (март и первая половина апреля) собрано 35 000 пудов хлебопродуктов, почти в три раза больше, чем за весь предыдущий период борьбы с голодом⁴⁴).

В активную борьбу с голодом включились комсомольские организации Сибири. В сентябре 1921 г. была образована комиссия помощи голодающим при Сиббюро ЦК РКСМ и губкомах комсомола. Была установлена связь с Самарской и Уфимской губерниями, Татарской республикой. По решению местных комсомольских организаций в Сибирь принимались 650 членов РКСМ голодающих губерний. Для их приема были образованы специальные комиссии, созданы питательные пункты на станциях Омск, Новониколаевск, Иркутск и других. Сиббюро ЦК РКСМ дало задание губернским организациям собрать к 15 апреля 3 тыс. пудов хлеба и 2 млрд. руб. денег. Это задание успешно выполнялось. В начале апреля собрано по неполным данным 2 292 пуда⁴⁵).

Подводя итоги борьбы с голодом, президиум ВЦИК выразил благодарность Красной Армии, которая собрала полмиллиона пудов продовольствия. Это полностью относится и к красноармейским частям, расположенным на территории Сибири. С начала кампании по январь 1922 г. включительно в частях Сибирского военного округа собрано 59 541 пуд хлеба, 10 298 пудов других продуктов и около миллиарда рублей денег⁴⁶).

Победа над голодом являлась величайшим подвигом советского народа, совершенным под руководством Коммунистической партии. Ликвидация голода создала условия для восстановления разрушенного хозяйства, расстроила коварные планы международного империализма,

⁴³) ЦГАОР, ф. 1064, оп. 1, д. 116, лл. 35—37; ПААК, ф. 10, оп. 1, д. 510, л. 27; д. 501, л. 77.

⁴⁴) «Советская Сибирь», 22 апреля 1922 г. и 25 апреля 1922 г.

⁴⁵) ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 1362, л. 76.

⁴⁶) ЦГАОР, ф. 1064, оп. 5, д. 28, л. 44.

укрепила авторитет и влияние органов Советской власти и партии среди трудящихся масс.

В общенародную борьбу с голодом немалый вклад внесли трудящиеся Сибири. По данным Сибирской комиссии помощи голодающим, на 10 апреля 1922 г. собрано на территории Сибири 476 268 пудов продовольствия и около 9 млрд. руб. денег в знаках 1921 г.⁴⁷⁾. Из Сибири отправлено в голодающие губернии более 5 миллионов пудов семян для проведения весеннего сева.

16 марта 1922 г. Президиум ВЦИК объявил благодарность трудящимся Сибири за успешное выполнение продналога и оказание помощи голодающим. Это была высокая оценка огромной работы, проделанной органами Советской власти, партийными и общественными организациями трудящихся, комиссиями помощи голодающим по организации всенародной борьбы с голодом в 1921—1922 гг.

⁴⁷⁾ «Советская Сибирь», 25 апреля 1922 г.

**ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В СИБИРЬ В ГОДЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ
И НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД РЕКОНСТРУКЦИИ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР****Н. И. ПЛАТУНОВ**

Переселение в Сибирь из Европейских губерний представляло собою острую социально-экономическую проблему русского самодержавия на протяжении всей его истории. Началось оно вместе с колонизацией сибирского края царизмом и особенно интенсивно проходило в конце XIX — начале XX вв.

На основе глубокого анализа социально-экономических процессов дореволюционной деревни В. И. Ленин сделал вывод о том, что «колониционный вопрос в России есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны»¹⁾). Именно аграрный кризис в центре страны, порожденный главным образом помещичьим землевладением и полукрепостническими формами эксплуатации крестьян, определял переселенческую политику царского самодержавия.

Хотя колонизация Сибири русским царизмом в определенной степени имела исторически-прогрессивный характер, так как способствовала экономическому развитию и освоению территории края, но методы ее проведения носили ярко выраженный реакционный характер.

Великая Октябрьская социалистическая революция, проведя коренные аграрные и социальные преобразования, радикально изменила и характер переселенческого движения. Из орудия защиты буржуазно-помещичьих интересов при царизме в годы Советской власти оно целиком и полностью было поставлено на службу интересам широких народных масс.

Коммунистическая партия и Советское правительство придавали переселенческому делу очень большое значение.

В. И. Ленин называл Сибирь «чудесным краем с большим будущим»²⁾). Большое будущее сибирского края он теснейшим образом увязывал с его заселением и «хозяйственной утилизацией массы окраинных земель»³⁾). В условиях Советской власти В. И. Ленин считал переселение в Сибирь важнейшей народнохозяйственной задачей в общегосударственном масштабе. Еще в июне 1920 г. по вопросу организации переселения он лично дал Сибревкому следующее задание: «В целях организованного переселения крестьян в Сибирь и производящие губернии Совнарком постановил теперь же допустить поездки ходоков для выяснения условий переселения на месте. Срочно выясните размер

¹⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 70.

²⁾ Цит. по: Н. С. Каржанский. В. И. Ленин на V съезде РСДРП. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1956, стр. 356.

³⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 87.

свободного пригодного земельного фонда. Телеграфируйте в Наркомзем к 10 июля эти данные с указанием: 1) количества десятин; 2) их местонахождение; 3) численность могущих быть немедленно принятым партий земледельцев в составе душ обогого пола в каждом уезде и волости; 4) места высадки. Особо покажите возможность размещения в совхозах, а также общую потребность в рабочих руках. Немедленно организуйте подготовку приема ходоков и переселенцев, испрашивая в нужных случаях указания Наркомзема. Предупреждаю о чрезвычайной важности и ответственности этой работы»⁴).

Когда В. И. Ленин узнал, что в Сибири нет подготовленного земельного фонда для размещения на нем переселенцев и что в крае не землеустроено еще много ранее прибывших переселенцев, так называемых «неприписных» и часть местного населения, то предложил воздержаться от переселения до тех пор, пока не будут созданы нормальные условия для хозяйственного устройства переселенцев. По этому вопросу В. И. Ленин писал следующее: «Советская власть делу переселения придает большое значение, но для переселения значительных размеров необходимо произвести большую подготовительную работу как по подготовке свободных земель для переселения, так и по организации переселенцев в пути»⁵).

Постановлением Сибревкома от 18 августа 1920 г., подтвержденному затем циркуляром НКЗ РСФСР от 21 марта 1921 г., Сибирь была закрыта для переселения, так как необходимо было землеустроить около 500 тыс. неприписанных переселенцев, проживающих главным образом в старожильческих селениях⁶).

Однако провести в жизнь решение Сибревкома не представилось возможным ввиду начавшегося массового движения голодобеженцев в Сибирь из районов Среднего Поволжья. Постановлением ВЦИК от 28 июня 1921 г. Сибревкому было поручено принять необходимые меры к хозяйственному устройству переселенцев, прибывших в Сибирь из районов, пораженных голодом. После приема беженцев Сибирь вновь была закрыта для переселения. В 1923—1924 гг. основное внимание было уделено хозяйственному устройству ранее прибывших переселенцев. Однако и в эти годы продолжалось массовое переселение в Сибирь из Европейских губерний СССР, но носило оно стихийный характер и статистически не учитывалось.

В первые годы нэпа в связи с развитием товарно-денежных отношений и оживлением капиталистических элементов города и деревни возник кризис мелкотоварного крестьянского хозяйства, сопровождающийся расслоением крестьянства. Из общей крестьянской массы приходило выделение крайних групп — кулачества и бедноты. Значительная часть маломощного крестьянства не в состоянии была рентабельно вести свое единоличное хозяйство и выталкивалась таким образом из сферы сельскохозяйственного производства. В густонаселенных районах Европейской части СССР возникло так называемое «аграрное перенаселение», породившее стихийное переселение крестьян на восточные окраины нашей страны, главным образом в Сибирь. Степень обострения аграрного кризиса определяла и масштабы переселенческого движения⁷).

Начиная с 1923 г. на органы НКЗ РСФСР оказывают давление

⁴) Телеграмма В. И. Ленина Сибревкому. Ленинский сборник, XXXIV, стр. 332.

⁵) «Известия ВЦИК», 30 июня 1920 г.

⁶) «Жизнь Сибири», 1926, № 7—8, стр. 34; Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 612, оп. 1, д. 9, л. 15.

⁷) См. об этом нашу статью в «Вопросах истории Сибири», вып. 3, Томск, 1966.

местные земельные отделы Европейской части СССР, требуя разрешения на переселение крестьян в Сибирь. Так, с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г. поступило заявок на переселение от 30170 хозяйств, насчитывавших 154 483 человека⁸⁾. Фактическое же число крестьян, желавших переселиться, было значительно больше числа поданных заявок. Заведующий переселенческим отделом НКЗ РСФСР М. А. Большаков писал: «Под влиянием нажима со стороны крестьянского населения ряд земельных органов самым решительным образом настаивает на открытии переселения в 1924 г., указывая, что в противном случае население будет сниматься с места самовольным порядком»⁹⁾.

В такой обстановке органам НКЗ приходилось в порядке исключения выдавать плановые наряды на переселение, но ввиду того, что в числовом отношении заявки крестьян на плановое переселение удовлетворялись не полностью органами НКЗ, получило развитие самовольное переселение крестьян. С целью изучения проблем переселения в апреле 1922 г. был основан Государственный научно-исследовательский колонизационный институт, переименованный позднее в Институт землеустройства и переселения. В течение 1923—1924 гг. тщательно изучался вопрос о возможности открытия планового переселения и формах его проведения. На основании проведенной большой подготовительной работы 17 октября 1924 г. Совет Труда и Оборона (СТО) принял постановление «О ближайших задачах колонизации и переселения», в котором впервые за годы Советской власти были сформулированы основные положения и намечены главные задачи переселения. Так, в ст. I говорилось: «Задачей колонизации должно быть вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции страны путем рационального, как с точки зрения общегосударственных, так и местных интересов, расселения и эксплуатации естественных богатств колонизируемых районов». Далее в этом же постановлении указывалось, что переселенческие мероприятия будут проводиться на основе общесоюзного плана и в первую очередь должны заселяться те районы, которые возможно было освоить в кратчайший срок и с наименьшей затратой государственных средств. Масштабы переселения должны были строго согласовываться с «реальной возможностью размещения в колонизируемых районах добавочного населения, его прочного хозяйственного устройства и своевременной подготовкой фонда для его заселения»¹⁰⁾.

Сибирскими краевыми партийными и государственными органами была проделана большая работа по регулированию и правильному сочетанию переселения с вопросами экономического и культурного развития края. «Следует изменить метод заселения Сибири, — говорилось в решении СибЗУ от 23 февраля 1924 г., — от простого перебрасывания людских масс из Европейской России, практиковавшегося при царском правительстве, перейти к колонизации в полном смысле этого слова, т. е. хозяйственному освоению пустынных ныне районов и их заселению. Заселяемые районы должны быть подготовлены таким образом, чтобы гарантировать прочное устройство переселенцев на новом месте»¹¹⁾.

⁸⁾ Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР), ф. 2077, оп. 8, д. 20, л. 179.

⁹⁾ М. А. Большаков. К плану колонизационно-переселенческих мероприятий Наркомзема на 1923/24 г. Труды государственного колонизационного научно-исследовательского института, т. 1, М., 1924, стр. 188.

¹⁰⁾ НКЗ РСФСР. Переселенческое дело. Сборник документов и распоряжений по переселению. М., 1927, стр. 18—20.

¹¹⁾ ЦГАНХ, ф. 2077, оп. 8, д. 66, л. 2.

Постановление СТО об открытии планового переселения в Сибирь было подтверждено затем Декретом ВЦИК и СНК СССР от 6 июля 1925 г.¹²⁾.

Общее руководство переселенческими мероприятиями в общесоюзном масштабе осуществляли Всесоюзный переселенческий комитет (ВПК) при ВЦИК СССР и Отдел землеустройства и переселения НКЗ РСФСР. Организацией дела в Сибирском крае ведало районное переселенческое управление (РПУ) Сибири, главное управление которого находилось в Новосибирске. В системе Сибирского РПУ были сформированы 4 переселенческие партии: Омская, Томская, Красноярская и Иркутская¹³⁾. Им была предоставлена широкая автономия в организации переселенческого дела на местах. Переселенческие партии в закрепленных за ними округах проводили все работы, связанные с заготовкой земельного фонда, водворением, хозяйственным устройством и обслуживанием переселенцев.

В отношении заселения Сибири первоначально был составлен пятилетний план (1924—1928 гг.), которым намечалось переселение из Европейской части СССР 21 675 семей¹⁴⁾. Переселение должно было проводиться в те районы Сибири, которые могли быть освоены при минимальных затратах средств. Заниженные планы переселения в Сибирь принимались с той целью, чтобы дать возможность землеустроить осевших здесь ранее неприписных переселенцев. Кроме того, рост масштабов переселения требовал подготовки значительного числа переселенческих участков, что было связано с большими финансовыми затратами. Напряженное состояние государственного бюджета ограничивало размеры переселенческих мероприятий.

Однако рост переселенческого потока в Сибирь потребовал изменения масштабов переселенческого плана в сторону его увеличения. По новому перспективному плану переселения (1926—1931 гг.) намечалось переселить в Сибирь в течение десятилетия 2 085 000 человек, в том числе в первое пятилетие 615 тыс. человек¹⁵⁾. Наибольшее число переселенцев планировалось разместить в районе деятельности Томской переселенческой партии.

НКЗ РСФСР ежегодно давал густонаселенным губерниям Европейской части СССР наряды на переселение в Сибирь, которые были значительно меньше числа поданных заявок на переселение. По этому вопросу НКЗ РСФСР давал следующее разъяснение: «Переселение на окраины будет открываться Наркомземом лишь в той мере, в какой там имеется запас подготовленного и сравнительно легкого для освоения колонизационного фонда, вовлечение коего в хозяйственный оборот представляются к тому же выгодным или необходимым для государства. При этом Наркомзем будет брать переселенческие контингенты в тех районах, где в силу тех или иных причин сильнее ощущается потребность в выселении»¹⁶⁾.

Регулируя плановое переселение в Сибирь, Советское правительство ставило своей целью в максимальной степени облегчить положение широких крестьянских масс и в первую очередь его беднейших слоев, в местах выхода переселенцев, и в то же время разрешить проблемы

¹²⁾ Собрание узаконений, 1925 г., № 49, стр. 371.

¹³⁾ Приказ по НКЗ РСФСР № 310 от 23 ноября 1925 г. Переселенческое дело, стр. 70.

¹⁴⁾ Г. В. Чешихин. К перспективному плану колонизации Сибирского края. «Жизнь Сибири», 1926, № 7—8, стр. 17.

¹⁵⁾ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), ф. 209, оп. 1, д. 27, л. 10.

¹⁶⁾ Переселенческое дело, стр. 133.

экономического развития окраин. Советское правительство понимало, что переселение в Сибирь для крестьянина дело трудное и связано с большими расходами, ибо переезд и организация хозяйства на новом месте требовали значительных денежных средств. Беднейшие слои крестьянства такими средствами не располагали, а тяжелое финансовое положение страны не позволяло оказать им в первые годы Советской власти более или менее значительную материальную помощь. Поэтому в законодательном порядке и путем разъяснительной работы Советское государство сдерживало до 1927 г. стремление беднейшего крестьянства к переселению.

Интересы экономического развития Сибирского края также требовали притока материально обеспеченных переселенцев. В разъяснении ЦКЗ относительно переселения из густонаселенных районов говорилось следующее: «2. К переселению допускаются хозяйства, имеющие не меньше 2½ работников и материальное обеспечение в деньгах, инвентаре и постройках не меньше: для Сибири — 800 руб., для Дальнего Востока — 900 руб... Для коллективов материальное обеспечение понижается на 200 руб.»¹⁷⁾).

Так как не все заявки на плановое переселение удовлетворялись земельными органами, то значительная часть крестьян ехала в Сибирь по собственной инициативе, внеплановым порядком, то есть самовольно. По мере роста планового переселения численность самовольного переселения сокращалась с 65 до 30% от общей массы переселенческого потока.

Переселение в Сибирь началось в стихийном порядке еще задолго до открытия планового. Но характерным было то, что Советское правительство своевременно осознало интересы широких крестьянских масс и направило переселение в плановое русло с целью использования его для освоения пустовавших земель на восточных окраинах страны и увеличения производства сельскохозяйственной и промышленной продукции.

Советское правительство с большим вниманием и заботой относилось к нуждам переселенцев. В целях лучшей организации переселения ближайшие губернии мест выхода переселенцев соединялись в отдельные группы. Для переселенцев каждой группы губерний указывался определенный маршрут следования по железной дороге до ст. Пенза, где происходило формирование переселенческих эшелонов на Сибирь. Переселенцам был обеспечен льготный проезд по железной дороге (1/4 стоимости проезда в пассажирском вагоне), дети до 10 лет и старики свыше 60 лет ехали бесплатно. В пути следования до самого места водворения было организовано горячее питание по пониженной стоимости, а дети и старики получали его бесплатно, в том числе детям младшего возраста регулярно выдавалось молоко и белый хлеб. Большое внимание уделялось санитарно-медицинскому обслуживанию и культурно-просветительной работе среди переселенцев как в пути следования, так и в местах водворения¹⁸⁾.

С целью обслуживания нужд переселенцев в пути следования на железнодорожных магистралях Европейской части СССР и Сибири была создана сеть переселенческих пунктов. В Сибири они являлись не только питательными пунктами, центрами санитарно-медицинского и культурного обслуживания переселенцев, но, кроме того, они были и агентствами по водворению для тех переселенцев, которые высаживались на данной или близлежащих станциях. Размещались они в Сибири

¹⁷⁾ Там же, стр. 142—143.

¹⁸⁾ Там же, стр. 139—141.

на железнодорожных станциях: Тюмень, Петропавловск, Татарская, Барабинск, Новосибирск, Юрга, Кемерзаво, Кольчугино (Ленинск-Кузнецкий), Кузнецк, Томск, Канск, Тулун, Зима и Иркутск.

Статистический учет прибывающих в Сибирь переселенцев до октября 1924 г. отсутствовал, а с открытием планового переселения хотя и проводился, но был неполным.

Имеющиеся архивные и опубликованные в печати статистические материалы выражают масштабы переселенческого движения в Сибирь с момента его планового открытия следующими цифрами: за период планового переселения до сплошной коллективизации (октябрь 1924—март 1930) в Сибирь прибыло около 960 тыс. переселенцев из Европейской части СССР¹⁹⁾. Местами их выхода являлись главным образом центрально-черноземные и западные губернии СССР. Так, из 109 502 переселенцев, водворившихся в Сибирском крае в 1925—1926 гг., 33 159 человек прибыли из центрально-черноземных губерний, 24 798 — из средне-волжских, 9 928 — из центрально-промышленных, 7 099 — из западных губерний РСФСР, 2 038 — из Ленинградской, 1 661 — из Вятской и 6 890 — из других губерний и областей. Всего из данного числа переселенцев выходцами из губерний РСФСР были 85 573 человек, БССР — 16 650 и УССР — 7 279 человек.

По имущественному положению переселяющиеся в Сибирь крестьяне в основной своей массе составляли в местах выселения маломощную середняцкую прослойку. Так, распределение переселившихся семей по степени их земельного обеспечения на прежнем месте жительства выглядело следующим образом (в процентах)²⁰⁾ (табл. 1).

Таблица 1

Категории крестьян по землеобеспечению	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Безземельные	5,9	15,5	7,2	6,1
С наделом на душу до 0,54 га	44,9	35,3	35,4	22,4
—, — от 0,55 до 1,09 га	39,4	35,5	36,1	45,8
—, — от 1,10 до 1,64 га	6,3	8,8	12,8	12,9
—, — более 1,64 га	3,5	4,9	8,5	12,4

Подобную же картину дает переселенческая статистика и по материалам обследования 32 179 переселенцев по 4-м основным районам выселения Европейской части СССР (данные за 1925 и 1926 гг.²¹⁾.

Основная масса переселяющихся — крестьяне с наделом до 1,09 га на члена семьи, что составляло 3—5 га на хозяйство. С ростом земельного надела количество переселяющихся резко сокращается. Безземельные крестьяне составляли по РСФСР — 6—7%, а по УССР и БССР — 15—16% от общего числа переселяющихся, главным образом ремесленники, а также занятые отхожими промыслами или ликвидировавшие свое хозяйство еще до переселения. Таким образом, при наделе в 3—5 га у средней по составу семьи создавалась хозяйственная неустойчивость, толкавшая ее на переселение с целью экономического

¹⁹⁾ См.: ГАНО, ф. 209, оп. 1, д. 616, лл. 66, 111; РПУ Сибири. Вопросы переселения и колонизации Сибири. Новосибирск, 1928, стр. 14; Вестник землеустройства и переселения, кн. 5, М., 1929, стр. 107.

²⁰⁾ «Статистическое обозрение», 1930, № 5, стр. 88.

²¹⁾ «Статистическое обозрение», 1928, № 12, стр. 110.

укрепления своего хозяйства путем увеличения надельного землевладения.

Хозяйственным устройством прибывающих в Сибирь переселенцев ведали заведующие водворением и устройством переселенцев. Вся Сибирь делилась на 37 подрайонов водворения.

Прибывшие в Сибирь переселенцы частично оседали и хозяйственно устраивались на зачисленных ранее за собой земельных участках, составлявших, переселенческий земельный фонд, но основная их масса расселялась по сибирским просторам, пользуясь так называемым «правом первой заимки» или доприселялась к старожильческим селениям. Переселенческие семьи, не имевшие достаточно средств для организации хозяйства на новом месте, уходили на промыслы, работали по найму или уходили в города. Таким образом, наблюдалось существенное различие в числовом выражении прибывающих в Сибирь переселенцев и их водворением на переселенческом земельном фонде.

Даже значительная часть переселенцев, которые зачислили за собой земли, не водворялись на избранных ранее участках, а находили другие места для поселения. Зарегистрированные за 1925/26—1927/28 операционные годы 131 826 переселенцев были водворены по округам Сибири следующим образом²²⁾ (табл. 2).

Таблица 2

Округа	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	Итого за 3 года
Омский	3334	9794	4842	18010
Славгородский	120	26	1326	1572
Барнаульский	1853	4903	3294	10050
Барнаульский и Рубцовский	—	386	672	1058
Томский	1535	4996	7219	13750
Кузнецкий	2683	6677	8399	17559
Ачинский	3906	5513	5856	15275
Красноярский	3235	4686	4779	12700
Капский	4666	5274	3423	13369
Тулунский	6334	5466	6269	21680
Иркутский		1462	2249	
Тарский	480	1559	2005	4041
Новосибирский и Каменский	1235	474	—	1709
Минусинский	286	570	—	856
	29567	51886	50373	131826

Наиболее правильную и полную картину оседания переселенцев в целом по Сибири и в отдельности по округам в 1921—1926 гг. включительно дает Всесоюзная перепись населения 1926 г. Согласно данным переписи, водворение переселенцев по округам за эти годы выглядело следующим образом²³⁾. (табл. 3).

²²⁾ ГАНО, ф. 209, оп. 1, д. 452, л. 420.

²³⁾ Данные взяты из материалов Всесоюзной переписи населения 1926 г., т. 40, отд. 3. Сибирский край и Бурят-Монголия, М., 1930, стр. 60—146.

Из числа неместных уроженцев не более 10—15% падает на внутрисибирское расселение. До открытия планового переселения наибольший приток населения наблюдался в Алтайском крае, Кузбассе, Новосибирском, Омском и Тюменском округах. Ввиду закрытия планового переселения в Алтайский край, Ойротию, Новосибирский и Каменский округа приток переселенцев с 1925 г. хотя сюда и продолжается, но самовольным порядком и в меньших масштабах.

Таблица 3

Район	Население обоих полов	Неместные уроженцы				Итого не- местных уроженцев (1921— 1926 гг.)
		постоянно проживающие по продолжительности (с указанного года)				
		до 1 года	до 1 года	2 года	3—5 лет	
		1926 г.	1925 г.	1924 г.	1921—1923 г.	
Сибир- ский край	8687039	253982	230858	206885	497435	1189160

Приток переселенцев в Сибирь с 1927 г. более полно по сравнению с предыдущим периодом отражает переселенческая статистика. Однако статистические данные движения городского и сельского населения дополняют характеристику переселенческого движения и за эти годы, что представлено в следующей табл. 4²⁴).

Таблица 4

Районы	Всего населения по переписи 1926 г. исчислено на 1/1 1927 г.	Всего исчислено на 1/1 1930 г.	Всего механического прироста городского населения за 3 года	Всего механического прироста сельского населения за 3 года	Всего механического прироста за 1927—1929 гг.
Юго-Западная Сибирь	5281717	5888177	77476	31399	108875
Северо-Восточная Сибирь	3122863	4031634	174989	124412	299401
Сибирский край	8604580	9922821	252446	156111	408276

Приток прибывших в Сибирь переселенцев с 1927 г. не только восполнял всю утечку населения из края, но и дал его механический прирост.

Данная таблица убедительно показывает усиленный приток населения в города Сибирского края и замедленный рост сельского населения. Неполное водворение переселенцев в значительной степени и объясняется именно тем, что прибывающие в Сибирь переселенцы, осо-

²⁴) Таблица составлена автором. Расчеты механического прироста городского населения сделаны путем вычитания естественного прироста от общего прироста населения. См.: Сибирский край. Статистический справочник, Новосибирск, 1930, стр. 2—15.

бенно бедняцкая прослойка, порывали с сельским хозяйством и уходили в города.

По мере развертывания реконструкции промышленности и сельского хозяйства изменялся и характер переселенческого движения. Если до 1927 г. над переселением еще довлело «аграрное перенаселение», и оно выполняло главным образом задачу его смягчения путем переселения «избыточного» населения Европейской части СССР, то уже со второй половины 1927 года переселенческая стихия вводится в плановое русло. Целью переселенческой политики с этого времени становится не «разрежение» густонаселенных районов, а освоение природных богатств окраин, подготовка сырьевой базы для индустриализации Сибирского края²⁵).

После XV съезда ВКП(б) был взят курс на переселение в Сибирь крестьян, объединившихся в местах своего выхода в коллективные хозяйства. Переселенческим колхозам государство предоставляло преимущества перед индивидуальными переселенцами в финансировании, обеспечении сельскохозяйственной техникой и в подготовке земельных участков. Переселение с этого времени оказывало большое влияние на подготовку условий и проведение социалистической реконструкции сельского хозяйства Сибирского края.

Объединившиеся в товарищества еще по пути следования в Сибирь переселенцы, экономически ослабленные вследствие ликвидации своего хозяйства и далекого переезда, не в состоянии были в одиночку бороться с суровой сибирской природой и восстановить свое единоличное хозяйство. Они на практике убеждались в преимуществе кооперированных форм труда в период строительства, расчистки и обработки земельного участка и т. д. Переселенческие поселки, как правило, являлись очагами коллективизации сельского хозяйства всего Сибирского края. Так, еще до начала сплошной коллективизации летом 1929 г. было кооперировано более 32% всех переселенческих хозяйств. За 1928/29 хозяйственный год было организовано 455 производственных кооперативов с 10 936 хозяйствами переселенцев. «Следует отметить, — говорилось в протоколе совещания сектора организации территории и переселения Наркомзема РСФСР, — что переселенческие колхозы крепче спаяны, чем старожильческие и уход из колхоза наблюдается только в редких случаях»²⁶).

Первоочередным правом зачисления на переселение пользовались красноармейцы и их семьи. Письмо 23 красноармейцев Белорусского военного округа в НКЗ РСФСР обсуждалось во многих воинских соединениях. «Мы решили, — говорилось в этом письме, — по уходу из армии организовать коллективное хозяйство, нас теперь записалось 23 товарища. Большая часть из нас бедняки и батраки. В деревне у наших отцов есть хаты и некоторый инвентарь, однако наши руки там приложатся нигде. Небольшая собственность тяготеет над нами, как мертвое над живым. Мы просим помочь нам организовать коллективное хозяйство»²⁷). Всюду, где красноармейские колхозы уже устроились на новых местах, они являются образцовыми колхозами. В Сибири было создано 34 переселенческих красноармейских колхоза²⁸). Изменяются и формы организации переселенцев в местах выхода. Если в 1925—1926 гг. набор переселенцев производился главным образом из

²⁵ См.: Стенографический отчет I Всесоюзного совещания работников по переселенческому делу, т. 2, 1927, ЦГАНХ, ф. 5675, оп. 1, д. 2, л. 138.

²⁶ ГАНО, ф. 209, оп. 1, д. 616, л. 112; д. 696, л. 38.

²⁷ Цит. по книге Д. Барова «Куда и как переселяться». М., 1929, стр. 19.

²⁸ ГАНО, ф. 209, оп. 1, д. 696, л. 46.

зажиточных и среднеобеспеченных слоев крестьянства, а бедноте был ограничен доступ на переселение, то с 1927 г. всякие ограничения в отношении переселения в Сибирь маломощного крестьянства были сняты. Более того, они получили право на первоочередное переселение, а зажиточные слои крестьянства и кулачество оттеснялись на задний план. Материальная помощь со стороны государства стимулировала переселение беднейших слоев крестьянства. В целях лучшей организации колхозов в местах выхода переселенцев, набор их стал производиться в «гнездовом» порядке. Изменились также и формы подготовки земельного фонда. Работа стала концентрироваться в небольшом числе округов и проводилась на больших земельных массивах. Так, в 1927—1928 гг. в Сибири для переселенческих колхозов был заготовлен специальный земельный фонд на площади 121 493 га, на котором разместилось 90 переселенческих колхозов²⁹⁾.

В связи с переселенческим движением, начиная с 1928 г., в Сибири развертывается совхозное строительство. На переселенческих фондах организуются совхозы, кадры которых формируются в основном из переселенцев, не имевших средств для организации единоличного хозяйства. Уже весной 1928 г. переселенческий совхозный фонд Сибири располагал 77 тыс. га земельной площади³⁰⁾.

Советское правительство оказывало переселенцам всестороннюю помощь, которая с 1925 по 1930 г. составила 29 385 руб. Все работы по подготовке земельного фонда для переселенцев (отвод земли, корчевальные, мелиоративные, гидротехнические работы, строительство дорог и т. д.) проводились за счет государственных средств. Переселенцам для строительства домов и хозяйственных построек бесплатно отпускался лес, денежные ссуды на льготных условиях в размере до 300 руб. на хозяйство. В первый год водворения они обеспечивались семенами из государственного фонда. Нужды переселенческих хозяйств обслуживали 392 специалиста СибРПУ. Переселенцы в течение 3—5 лет после водворения освобождались от уплаты сельскохозяйного, получали на 3 года отсрочку от воинской службы и т. д.³¹⁾.

Переселение в Сибирь теснейшим образом увязывалось с культурным и хозяйственным строительством, а также с изучением и хозяйственным освоением обширных пространств Сибирского края.

За пятилетие планового перераспределения силами 4-х переселенческих партий было построено и отремонтировано 6 689 км дорог, сооружено 1 239 шахтных, 315 фильтровальных, трубчатых колодцев, 52 водохранилища, осушено 17 363 га болотных почв и проведена раскорчевка на площади 14 422 га. Только за 1927—1929 гг. переселенческими организациями для обслуживания нужд переселенческого населения было сооружено на территории Сибирского края 6 агрометеостанций, 9 культурно-экономических центров, 11 врачебных пунктов, 15 школ³²⁾. СибРПУ были организованы 10 обследований и экспедиций с целью научной организации работ по изысканию, изучению пригодности и подготовки земельных участков для водворения переселенцев³³⁾.

«В руках Советской власти, — говорилось в приветственном послании Советскому правительству I Всесоюзного совещания работников

²⁹⁾ Там же, л. 49.

³⁰⁾ Вестник землеустройства и переселения, кн. 10, 1928, стр. 103.

³¹⁾ См.: Переселенческое дело, стр. 245—262; Добрый. Переселенческое дело в Сибири. Вестник землеустройства и переселения. Т. 9—10, 1928, стр. 84.

³²⁾ ЦГАНХ, ф. 5675, оп. 1, д. 22, лл. 131—280.

³³⁾ См. РПУ Сибири. Серия Б, вып. 3. Исследование колонизационных фондов. Новосибирск, 1928, стр. 10—25; Вестник землеустройства и переселения, кн. 5, 1928, стр. 106—123 и кн. 6, стр. 127—131; ЦГАНХ, ф. 5675, оп. 1, д. 22, лл. 32—74.

переселенческого дела, — переселение является могучим средством к развитию производительных сил, укреплению и дальнейшему развитию народного хозяйства, подъему материального и культурного уровня заселяемых районов»³⁴).

Таковы основные отличительные особенности советского переселения до начала коллективизации, которое в руках Советской власти стало могучим средством экономического и культурного преобразования Сибирского края.

³⁴) Стенографический отчет I Всероссийского совещания работников по переселенческому делу, т. 2, ЦГАНХ, ф. 5675, оп. 1, д. 2, л. 179.

**ИЗ ИСТОРИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ (1925—1927 гг.)****Л. И. БОЖЕНКО**

Как свидетельствуют многочисленные источники и литература, по обеспеченности отдельных крестьянских хозяйств землей, основными средствами сельскохозяйственного производства, по стоимости капиталов, величине валовой и товарной продукции, общего и чистого дохода в Сибири в годы, предшествующие коллективизации, резко обнаруживались противоположные тенденции по различным группам крестьянства и особенно между противоположными социальными группами деревни — беднотой и кулачеством. Вся совокупность социально-экономических отношений в сибирской деревне в годы нэпа говорила о наличии всех тех противоречий, которые, как и отмечал В. И. Ленин, свойственны всякому товарному хозяйству. Не было ни одного экономического явления в крестьянстве, которое не имело бы противоречивой формы, которое не выражало бы борьбы и розни интересов, «не означало плюс для одних и минус для других»¹⁾. Таково и распределение земель, посевов, средств производства, капиталов и доходов, таковы и отношения, складывавшиеся на почве неравномерности в этом распределении, — найма-сдачи средств производства и рабочей силы, таковы и товарооборот в крестьянских хозяйствах, и промыслы и т. д. Концентрация средств производства в одних хозяйствах и острый недостаток или полное «освобождение» от них других хозяйств создавали в сибирской деревне периода нэпа капиталистические отношения зависимости и эксплуатации.

Несомненно, что и рост арендных отношений, и рост применения наемного труда в крестьянских хозяйствах Сибири находились в самой непосредственной связи с процессом социальной дифференциации крестьянства, хотя этот бесспорный факт и пытались отрицать представители оппозиции. Продажа и покупка наемной рабочей силы, сдача в аренду средств производства — сельхозинвентаря, машин, рабочего скота (сплошь и рядом со своими рабочими руками), ростовщичество, торговля и пр., — все эти признаки являлись важнейшими для выявления социального облика крестьянского хозяйства, непосредственно и бесспорно показывавшими отношения эксплуатации, зависимости и подчинения одних хозяйств другим.

В Сибири, как и в других земледельческих районах страны, получили особенно широкое развитие отношения найма-сдачи средств сельскохозяйственного производства, рабочей силы и аренда земли. Если взять данные на 1927 г. об аренде земли и найме-сдаче средств произ-

¹⁾ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 164.

водства и рабочей силы в целом по Сибири безотносительно к группам крестьянских хозяйств, то окажется, что аренда средств производства охватывала здесь от 68 до 72% хозяйств, а сдача — от 26 до 32% хозяйств; нанимало рабочую силу 33—34% хозяйств, а отпускало ее в наем почти 40% хозяйств; арендовало землю почти 30% хозяйств, а сдавало от 15 до 16% хозяйств²).

Наем-сдача рабочей силы и средств производства часто применялись одновременно. Аренда земли была самым тесным образом связана в сибирской деревне с использованием наемного труда. В 1926—1927 гг. из числа всех хозяйств, снимавших землю в аренду, одновременно пользовались наемным трудом поденных, сдельных, срочковых и годовых рабочих примерно от 36 до 43% хозяйств. Причем, знакомясь с материалами обследованных хозяйств, нельзя не обратить внимания на то, что арендаторы земли и одновременно пользовавшиеся наемным трудом пользовались почти исключительно первыми тремя из перечисленных форм наемного труда. Годовой же и более продолжительный срок найма труда распространялся среди незначительной части арендаторов. Аренда земли была связана с арендой средств производства: такие хозяйства составляли в 1927 г. 32,5% хозяйств³).

В 1927 г., который являлся не только для Сибири, но и для всей страны годом наибольшего применения наемного труда⁴), наемные срочковые рабочие составляли в сибирской деревне внушительную армию — 174,5 тыс. человек, из которых в единоличных крестьянских хозяйствах работало 123,7 тыс. человек. Кроме того, в Сибири насчитывали 177,2 тыс. поденных рабочих⁵).

Отношения найма-сдачи рабочей силы и средств производства носили ярко выраженный социально-классовый характер. Многочисленные факты говорят о том, что наем баграков, аренда земли или наем средств производства в кулацких хозяйствах носил, как правило, предпринимательский, эксплуататорский характер, в середняцких он являлся в большинстве случаев вынужденным и только отчасти предпринимательским, а в бедняцких хозяйствах только вынужденный или чисто случайный характер (наем рабочего со средствами производства). Различный характер носила и сдача средств производства, причем у кулака и сдача носила совершенно определенный эксплуататорский кабальный характер.

Антагонистические отношения, складывавшиеся на почве найма-сдачи рабочей силы, были неизбежным следствием развития мелкого индивидуального крестьянского хозяйства в условиях нэпа. В своем докладе на X съезде партии В. И. Ленин говорил: «Свобода оборота — это есть свобода торговли, а свобода торговли, значит назад к капитализму. Свобода оборота и свобода торговли, это значит товарный обмен между отдельными мелкими хозяевами. Мы все, кто учился хотя

²) Исчислено по следующим источникам: «Сельское хозяйство СССР. 1925—1928. Сборник статистических сведений к XVI Всесоюзной партконференции». М., 1929, стр. 84, 85; 100—101; 116—117; «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. Статистические сведения по сельскому хозяйству за 1927—1930 гг.». М.—Л., 1931, стр. 83, 85.

³) См.: «Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Сельское хозяйство». Вып. 1. Новосибирск, 1927, стр. 230; «Сельское хозяйство СССР. 1925—1928», стр. 100—101; ПАНЮ, ф. 2, оп. 1, д. 1347, лл. 7, 86, 422.

⁴) См.: «XV съезд ВКП(б)». Стенографический отчет. Т. 2. М., 1962, стр. 1183; А. Казаков. Экономическое положение сельскохозяйственного пролетариата до и после Октября. М.—Л., 1930, стр. 37.

⁵) «Сибирский край». Статистический справочник. Новосибирск, 1930, стр. 416—417; «Сельское хозяйство СССР. 1925—1928», стр. 48—49, 66—67; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3092/3, л. 4.

бы азбуке марксизма, знаем, что из этого оборота и свободы торговли неизбежно вытекает деление товаропроизводителя на владельца капитала и на владельца рабочих рук, разделение на капиталиста и на наемного рабочего, т. е. воссоздание снова капиталистического наемного рабства, которое не с неба сваливается, а вырастает во всем мире именно из товарного земледельческого хозяйства. Это мы прекрасно знаем теоретически, и в России всякий, кто присматривался к жизни и условиям хозяйства мелкого земледельца, не может не наблюдать этого»⁶⁾).

Отношениями купли-продажи рабочей силы были охвачены все слои сибирского крестьянства, хотя социальное значение найма и отпуска рабочих в разных группах было различно. Если говорить о капиталистическом найме, то его сфера была уже: в 1927 г. хозяйств, нанимавших срочных рабочих, было 9,4%, то есть менее одной десятой всех хозяйств, но это число росло. Рост применения наемного труда был важнейшим, непеременимым признаком кулацкого зажиточного хозяйства. «Зажиточное крестьянство (несмотря на свою большесемейность), — писал в главе о разложении крестьянства В. И. Ленин, — не может существовать без «дополняющего» его класса сельскохозяйственных рабочих»⁷⁾. Интенсивность развития батрачества в Сибири, несомненно, служила одним из наиболее характерных показателей расслоения сибирской деревни. Динамика этого явления представляет глубокий интерес для исследования эволюции классового состава сибирской деревни.

Таким образом, сохранявшаяся в деревне частная собственность на средства производства при развитом товарном хозяйстве «ежечасно» рождала и расширяла капиталистические и мелкобуржуазные производственные отношения в области найма-сдачи основных средств сельскохозяйственного производства. Вполне естественно поэтому, что в системе мер Коммунистической партии и Советского государства по решению аграрно-крестьянского вопроса важнейшее место занимало регулирование производственных отношений в деревне и прежде всего и преимущественно аренды-сдачи земли и найма-сдачи рабочей силы, чему и посвящен первый раздел статьи⁸⁾).

Земельная аренда, как свидетельствуют многочисленные документы и материалы, безусловно, способствовала в годы восстановления народного хозяйства Сибири более полному использованию производительных сил в сельском хозяйстве.

Допущение аренды земли прежде всего способствовало расширению посевных площадей в Сибири. Для того, чтобы определить, какая часть расширения посевной площади происходила за счет аренды земли, обратимся к данным опросов и обследований крестьянских хозяйств Сибири, проведенных в 1925 и 1926 гг.

По данным 1925 г. средний посев на одно хозяйство составлял 2,28 десятин, а в 1926 г. — 3,02 десятин. Общее увеличение посевной площади на одно хозяйство составляло, таким образом, 0,74 десятины. Затем берем данные о том, сколько на каждое из всех хозяйств приходится

⁶⁾ В. И. Ленин. ПСС, т. 43, стр. 61—62.

⁷⁾ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 131.

⁸⁾ В нашей исторической литературе о сибирской деревне накануне коллективизации эта тема, по сути дела, не была еще предметом специального изучения. Период, о котором говорится в данном разделе, ограничен в основном 1925—1927 гг., со времени законодательного оформления более широкого применения аренды земли, наемного труда — принятия «Временных правил об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянском хозяйстве» от 18 апреля 1925 г. и постановления III Всесоюзного съезда Советов в мае 1925 г. об устранении препятствий к применению аренды земли и использовании на этой земле наемной рабочей силы (См.: «КПСС в резолюциях», ч. II, стр. 121, 146; «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам», т. 1, М., 1967, стр. 474).

посева на арендованной земле: этого посева было в 1925 г. 0,1 десятина, а в 1926 г. — 0,23 десятины. Следовательно, прирост составлял 0,13 десятины.

Таким образом, мы имеем по каждому отдельно взятому крестьянскому хозяйству в сибирской деревне два необходимых показателя — общий прирост посева за 1925—1926 гг. и прирост посева за этот же период на арендованной земле, из которых можно вычислить интересующий нас итог: из всего количества расширения посевной площади в Сибири 18% произошло за счет аренды. Такова в процентном отношении та заметная роль, которую играла земельная аренда в восстановлении сельского хозяйства в Сибири. Доказательством увеличения за счет аренды земли посевной площади в Сибири могут служить данные обследований деревень восьми округов Сибирского края, по которым только в 30 деревнях было арендовано более 5 тыс. десятин, причем 34,4% было арендовано под пашню и 16,6% под сенокос⁹⁾. 5 тыс. десятин арендованной а следовательно, обработанной и засеянной земли даже при среднем урожае давали 200 тыс. пудов хлеба на сумму 140 тыс. рублей в денежном исчислении тех лет. Всего же по Сибири площадь пашни, сданной в аренду крестьянскими хозяйствами в 1926 г., исчислялась более чем в 265 тыс. десятин¹⁰⁾, что при среднем урожае давало приблизительно 10,5 млн. пудов хлеба.

Кроме того, в результате аренды земли с применением наемного труда арендовавшими хозяйствами частично использовалась избыточная рабочая сила деревни, что имело немаловажное значение в тот период.

Однако у аренды земли была и своя оборотная сторона. Земельная аренда, хотя и способствовала росту посевной площади и увеличению сельскохозяйственной продукции, однако в то же время она приводила к ухудшению качества земли, обрабатываемой на условиях аренды, к ее последующему истощению и оскудению.

Существование и развитие арендных отношений в сибирской деревне способствовало ее расслоению, что совершенно естественно вытекало из характера арендных отношений, когда интересы арендатора и сдатчика выступали неизбежно как диаметрально противоположные. Подавляющую массу сдатчиков земли в сибирской деревне составляли крестьяне-бедняки: из числа всех хозяйств, сдавших землю в аренду, они составляли в 1926 г. 82,3% и ими было сдано 87,8% всей сданной в аренду земли¹¹⁾. Но даже сдавая (и тем более арендуя) землю, крестьяне-бедняки не могли извлечь из этого большой выгоды, не могли выступать в качестве лица, ставившего свои условия. От сдачи и аренды выигрывал больше кулак и под влиянием арендных отношений беднота начинала все более отчетливо сознавать единство интересов всей бедноты и противоположность их интересам кулачества. Недаром во всех материалах опросов и обследований приводятся факты, говорящие о диаметрально противоположных взглядах арендаторов и сдатчиков на выгоду или невыгодность тех или иных условий аренды и сдачи земли.

Таким образом, вопрос о содействии земельной аренды развитию политического размежевания сибирской деревни, оформлению самосознания бедноты не требует специальных доказательств, хотя это очень

⁹⁾ ГАНО, ф. 288, оп. 1, д. 374, лл. 7, 15; ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 1347, лл. 86, 87, 101, 122 (из таблиц).

¹⁰⁾ ГАНО, ф. 288, оп. 1, д. 374, л. 34.

¹¹⁾ См.: «Сельское хозяйство СССР. 1925—1928», стр. 100—101; «Сдвиги в сельском хозяйстве», стр. 83—85; ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 1129, л. 74; д. 1347, лл. 7, 86, 89, 122—123 (из таблиц); ГАНО, ф. 288, оп. 1, д. 374, лл. 8, 22, 27 (из таблиц).

важное обстоятельство не учитывалось теми, кто изучал деревню тех лет. Сложнее обстоит дело с вопросом о том, способствовала ли, каким образом, и в какой степени, земельная аренда усилению экономического расслоения сибирской деревни.

Если этот важный вопрос рассматривать только с точки зрения того, увеличивался или уменьшался при аренде земли слой сибирского кулачества и его экономическая мощь, исключая процессы, происходившие при аренде в бедняцкой и середняцкой группах, то следует сказать, что допущение аренды земли открыло новые возможности для роста и усиления кулацких хозяйств, способствуя тем самым в значительной степени экономическому расслоению сибирской деревни. Кулаки, составляя в 1925—1927 гг. примерно 5—8% всех хозяйств, арендовали 25—28% всех земель, находившихся в арендном обороте¹²⁾. Через аренду земли они укрепляли свои хозяйства, добываясь преимущества в производстве более дешевых сельскохозяйственных продуктов на арендованной земле. И только боязнь дополнительного налогового обложения в какой-то мере удерживала кулачество от дальнейшего увеличения земли за счет аренды.

Что такое решение вопроса будет неполным. Необходимо также учитывать и те изменения, к которым приводила аренда земли в хозяйствах бедняков и середняков. Допущение аренды земли имело для бедняков и временно ослабленных середняков несомненное положительное значение. Разрешение сдавать и арендовать землю улучшило их положение, о чем свидетельствовало сокращение в Сибири числа беспосевных и увеличение в то же время средне-посевных групп за счет улучшения благосостояния бедняцкой группы, взятой в целом.

Советское правительство, разрешая аренду земли, видело в этом один из методов оказания помощи бедняцким хозяйствам. Сдавая землю в аренду, бедняцкие и ослабленные середняцкие хозяйства получали известный доход, известное количество средств, дававших им возможность крепнуть и восстанавливать свои хозяйства. Так, согласно выборочному обследованию в хозяйствах Сибири, бедняцкие хозяйства получили за сданную часть земли: деньгами 5413 руб., натурой — 2556 пудов пшеницы (или 1789 руб. 20 коп., считая по средней цене 70 коп. за пуд), отработками и из доли — 306 десятин вспаханной и засеянной земли (или 1377 руб. 50 коп., считая в среднем, что вспахать и засеять 1 десятину стоило в те годы примерно 4 руб. 50 коп.)¹³⁾. Итого в переводе на деньги бедняцкие хозяйства обследованных деревень получили в 1926 г. только за сданную землю 8579 руб. 70 коп. Полученные за сданную землю средства были использованы ими для восстановления своего хозяйства и его улучшения, хотя при этом следует учитывать, что часть полученной за сданную землю суммы уходила у бедняков на восстановление самой земли, так как арендатор его земли не только не улучшал ее, но в силу малого срока аренды только истощал ее, беря от арендованной земли все и не вкладывая в нее ничего.

Следует иметь также в виду, что не во всех районах картина в этом отношении совершенно одинакова. Здесь многое зависело от того, проводилось или не проводилось в данном районе новое социалистическое землеустройство. Там, где оно было проведено, испытывали нужду

¹²⁾ См.: «Сборник статистико-экономических сведений», стр. 230; «Итоги 10-летия Советской власти в цифрах». М., 1927, стр. 154—155; «Итоги 10% выборочной с.-х. переписи 1926 года по Сибирскому краю. Новосибирск, 1926, стр. 171—172; «Сельское хозяйство СССР. 1925—1928», стр. 100—101; «Статистика Сибири». Вып. 1. Новосибирск, 1930, стр. 25—27; «Сибирская советская энциклопедия», т. 1, стлб. 132; ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 374, лл. 21, 26, 31, 91.

¹³⁾ ГАНО, ф. 288, оп. 1, д. 374, л. 5; ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 1347, лл. 101, 102.

в земле кулаки, а бедняки получали более ощутимые выгоды от сдачи земли, там же, где оно не проводилось, было наоборот, — бедняки испытывали особенную нужду в земле и арендовали ее на любых условиях¹⁴).

Говоря об определенном положительном влиянии аренды земли на бедняцкие и середняцкие хозяйства в целом, надо учитывать, что сдача бедняцким хозяйством земли в аренду без одновременно получаемой кредитной ссуды и других видов помощи со стороны государства не могла еще сама по себе восстановить и укрепить хозяйства бедняков. Сдачу земли бедняцкими хозяйствами можно рассматривать как одну из форм отрыва бедняка от земледельческого хозяйства. Это была еще не пролетаризация бедняцких групп деревни, но уже заметный шаг по пути лишения самостоятельности их хозяйств. Кроме того, в области земельной аренды было множество нарушений. Условия сдачи земли в аренду, указанные в Земельном кодексе, часто не соблюдались, в результате чего земля собиралась у отдельных немногих кулацких хозяйств. В деревне шла довольно часто самая беззастенчивая эксплуатация земли. Трудовой признак обработки земли нарушался очень отчетливо.

В связи с этим большое значение после допущения аренды приобретал вопрос о деятельности соответствующих органов в области учета и особенно регулирования арендных отношений в сибирской деревне. К сожалению, сохранилось очень немного документов и материалов, в которых можно было бы найти ответ на этот очень важный вопрос. Однако можно сказать, что вопросами распространения аренды земли и арендными отношениями в крестьянских хозяйствах Сибири в первые годы после официального допущения аренды почти никто не занимался. Вопросы об аренде земли и арендных отношениях в качестве самостоятельных вопросов не ставились ни на заседаниях губисполкомов и Сибревкома, ни окрисполкомов и Сибкрайисполкома. Обязательных постановлений по этим вопросам ими тоже не издавалось, за исключением указаний о порядке оформления типовых арендных договоров и недопущении субаренды.

Все это приводило к тому, что работа в области учета и регулирования арендных отношений началась в Сибири с большим запозданием и привела здесь ко многим «крайностям» и «вредным преувеличениям в указанных отношениях», о необходимости ограничения которых при допущении аренды напоминал В. И. Ленин¹⁵). Причинами этого были также несвоевременность отпуска средств на эту работу губисполкомами и неподготовленность соответствующего аппарата на местах.

Для того, чтобы успешно осуществить регулирование арендных отношений, прежде всего нужно было поставить учет степени и форм развития арендных отношений, а эта работа в Сибири была поставлена плохо. Регистрация арендных договоров была начата в некоторых губерниях Сибири только летом 1924 г., а в других — только в мае 1926 г., и в 1926 г. по Сибири было зарегистрировано местными органами в среднем только 47,7% всех арендных договоров¹⁶), то есть более половины всех арендных сделок никоим образом не учитывалось и не контролировалось. Постановка регистрации арендных договоров в сельсоветах и райисполкомах контролировалась путем ревизий, проводимых

¹⁴) Об этом говорят, например, материалы обследования крестьянских хозяйств Марининского и Вороновского районов Томского округа за 1926 г. (ГАНУ, ф. 288, оп. 1, д. 372).

¹⁵) См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 45, стр. 133.

¹⁶) ГАНУ, ф. 288, оп. 1, д. 374, лл. 12, 15, 34; ПАНУ, ф. 2, оп. 1, д. 374, лл. 99, 100, 103, 104, 129 (таблицы).

отделениями земельных управлений и отделами. Однако и эта работа в целом ряде районов Сибири была поставлена в предшествующий период неудовлетворительно. Регулирование аренды и сдачи крестьянами земли исполкомы, по сути дела, не вели, так же как не вели специального наблюдения за правильностью условий аренды¹⁷⁾. В сибирской деревне сравнительно широко практиковалась поэтому скрытая аренда у земли у своих односельчан, совершенно ускользавшая от учета. Кулаки-арендаторы не включали арендованные участки в фактические размеры засева и имели привычку заключать устный договор, предлагая верить им на слово. В результате этого подавляющая масса арендованной земли оставалась скрытой и от учета и от обложения налогом, тем более, что аренда земли далеко не сразу после ее разрешения была включена в качестве одного из налоговых признаков крестьянского хозяйства¹⁸⁾.

Если аренда земли не имела хорошей регистрации и более подробное и точное выяснение ее размеров распространения, характера оплаты и т. д. требовало приближенного исчисления, ряда сопоставлений и сравнений, то со сдачей земли дело обстояло еще хуже.

Однако и в области аренды земли в конце восстановительного периода намечались перемены. Кулачество уже не могло не учитывать того, что ему не на кого прочно опереться в новой советской деревне, что общественный контроль может вскрыть случаи аренды земли, невыгодные, кабальные для бедняка или середняка, и от этого может пострадать тот, кто ставил условия, то есть кулак. Арендатор-кулак учитывал и то, что он мог быть изобличен или самим бедняком, или чаще всего селькором, или сельской партийной или комсомольской ячейкой.

После принятия III Всероссийским съездом Советов в мае 1925 г. постановления об аренде земли, расширении сроков аренды и использовании на арендуемой земле наемной рабочей силы сибирские центральные органы принимают решения о строгом преследовании всякой спекуляции арендованной землей и всяких кабальных сделок в этой области¹⁹⁾. Большинство местных партийных, советских и хозяйственных органов правильно проводили в жизнь решения по регулированию аренды земли, что давало возможность улучшить условия сдачи земли в аренду для бедняцких хозяйств. Так, в 1926 г. по сравнению с предыдущим годом средние арендные цены повысились почти на половину, в большинстве случаев стала проводиться без торгов сдача в аренду земель госземимущества (ГЗИ), что было сделано в интересах бедноты, не имевшей в наличии средств для участия в торгах, а потребности в аренде ГЗИ ощущала именно беднота, особенно многосемейная²⁰⁾.

В 1926—1927 гг. в селах Сибири были проведены выборочные обследования деятельности исполкомов в области учета и регулирования аренды земли в крестьянских хозяйствах. В результате обследования 1926 г. восьми округов Сибири (1125 хозяйств), выяснилось, что здесь в этой работе были еще серьезные пробелы: райисполкомы никаких директив и разъяснений в развигитие постановлений окружных и краевого исполкомов не давали, контроль исполкомов в отношении пра-

¹⁷⁾ ГАНО, ф. 288, оп. 1, д. 374, лл. 15, 34; ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 1129, л. 59; д. 1347, лл. 103, 105, 106, 108 и др.

¹⁸⁾ ГАНО, ф. 288, оп. 1, д. 323, л. 2; ПАОО, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 13.

¹⁹⁾ «Известия Сибкрайкома РКП(б)», 1925, № 4—5, стр. 4.

²⁰⁾ И. Н. Чихичин. К вопросу о решениях XIV партконференции относительно аренды земли и применения наемного труда в сельском хозяйстве. «Научный ежегодник Саратовского университета за 1955 год», отдел 1, Саратов, 1958, стр. 11—12; ГАТО, ф. 179, оп. 1, д. 133, л. 98.

вильности регистрации сельсоветами арендных земельных сделок почти отсутствовал, отсутствовал учет в отношении социально-экономического положения сторон, были случаи превышения прав сельсоветов, кабальные сделки, как правило, не регистрировались. В своих выводах и предложениях по результатам обследования окружные исполкомы подчеркнули необходимость установить обязательность регистрации всех случаев аренды с полным выявлением социально-экономического положения и арендаторов, и сдатчиков земли, установить периодическую отчетность о движении аренды, вести систематическое наблюдение за выполнением договоров об аренде и своевременной их регистрации, провести среди бедноты разъяснение Земельного кодекса и усилить меры по оказанию им помощи при сдаче земли из-за отсутствия средств производства²¹).

В рассматриваемые годы в Сибири была проделана определенная работа по регулированию и наемного труда в деревне, по улучшению материального положения батрачества. Этому способствовало то, что органы Всерабземлеса провели среди батрачества большую ответственную кампанию по заключению между батраками и нанимателями трудовых договоров, которые в отличие от бывавших ранее устных соглашений четко фиксировали в письменной форме все условия, на которых происходил наем батрака в хозяйстве. Трудовые договоры и являлись основной формой регулирования наемного труда в деревне и защиты батрачества.

В начале 1925 г., руководствуясь изданными СНК «Временными правилами», которые имели очень большое значение в улучшении положения батрачества, партийные органы и Сиббюро ЦК союза Всерабземлеса поставили перед местными ячейками союза задачу — добиться, чтобы все батраки работали на основе трудовых договоров: «Ни одного батрака без трудового договора». И эта кампания началась в Сибири довольно успешно: если в начале 1924 г. было заключено всего лишь 106 трудовых договоров, то на 1 октября 1924 г. число их поднялось до 10814, на 1 января 1925 г. — до 16067, на 1 июля — до 25000, в конце 1925 г. — 42673, в 1926 г. — 82766. На 1 октября 1927 г. трудовыми договорами было охвачено 93203 батрака, что в среднем по Сибири составляло более 36% всех учтенных батраков, и в этом отношении Сибирь отставала от других районов Республики, занимая 11 место по степени охвата батрачества трудовыми договорами²²). Главной причиной этого было отсутствие в большинстве сельсоветов профсоюзных органов, через которые проводилось заключение трудовых договоров и их регистрация, и степень внимания союзов к этой работе в районе или волости, так как процент охвата батрачества трудовыми договорами в ряде районов поднимался до 57% всех батраков²³).

Но каковы бы ни были масштабы трудов договорной кампании, уже сама практика заключения договоров имела очень важное значение в улучшении жизненного уровня батрачества, в улучшении бытовых и правовых условий жизни батраков и пресечении кулацкой эксплуатации. Сам факт перехода от патриархальных форм доверия крестьянина-

²¹) ГААК, ф. 100, оп. 1, д. 165, лл. 75—77; ф. 103, оп. 1, д. 58, лл. 3—16; ПАОО, ф. 7, оп. 2, д. 67, лл. 133—169 (из докладов, выводов и заключений по учету и регулированию земельной аренды).

²²) Подсчитано по материалам ГАНО, ф. 518, оп. 1, д. 14, лл. 73, 74; д. 27, л. 108; ЦГАОР, ф. 5466, оп. 1, д. 1428, л. 4; оп. 2, д. 7, л. 72; ПААК, ф. 23, оп. 2, д. 21, л. 437; ГААК, ф. 85, оп. 1, д. 96, л. 269; «Батрацкая сила в организованности». Сборник материалов. Новосибирск, 1929, стр. 69; «Статистический бюллетень Сибкрайстатуправления», 1927, № 7, стр. 3.

²³) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 1347, лл. 11, 40 и др.

батрака богатому соседу-кулаку на слово, доверия, оканчивавшегося обычно обманом со стороны нанимателя, к письменному трудовому договору при непосредственном участии профсоюза — громадный шаг вперед по регулированию наемного труда, так как договор, закрепляя в письменной форме условия, защищавшие батрака, облегчал и борьбу с их нарушением.

Партийные, советские и профсоюзные организации вели организационную и агитационно-разъяснительную работу по вовлечению в трудовую кампанию самих батраков путем проведения собраний, совещаний, слетов батраков. Трудовой кампания проходила в обстановке довольно острой классовой борьбы. Кулаки-наниматели всячески сопротивлялись заключению договоров, не желая брать на себя какие бы то ни было обязательства и платить процентные отчисления на союзную работу. Они вели злостную агитацию против договоров, заявляя при этом, что «батраки пусть вот как раньше работали, так пусть и работают», в противном случае угрожали — «вот выгоним батраков» или «вот не будем нанимать батраков, кормите их сами»²⁴).

Всячески избегая заключения договоров, кулаки стали увольнять батраков, отказывали в найме в случае желания батрака заключить договор, а также стали часто практиковать такую трудно уловимую и учитываемую форму найма, как поденный и сдельный наем батраков, который еще более увеличивал батрацкую безработицу. Но и тут кулаки просчитались. Обиженные несправедливостью кулака, батраки обращались к защите советским законом и подавали на кулака в суд. Но даже и тогда, когда кулаки вынуждены были признать обязательность заключения договора, они стремились при этом определить как можно меньшую зарплату батраку (особенно в тех случаях, когда батрак выговаривал себе право на выходные и праздничные дни), оценить как можно дороже свои «харчи» и записать как можно больший рабочий день для использования рабочей силы батрака.

Батраки, вначале неохотно шедшие на оформление своего найма договором, главным образом из-за нежелания портить отношения с нанимателем-хозяином, очень скоро после соответствующей разъяснительной работы поняли выгоду и пользу для себя договора и охотно шли для оформления договора в селькомы союза. «Большинство батраков, — как говорится в одном из отчетов, — стал волновать вопрос, как побудить нанимателя заключить договор», батраки поняли, что трудовой договор — это «главный регулятор труда батрака и защиты его материальных интересов», что «трудовой договор ничего, кроме пользы, не приносит» и при поступлении на работу сами стали настаивать на заключении трудовых договоров.

При заключении договоров батраков с нанимателями союзные организации стремились выдержать строго классовый принцип. Бедняцкие хозяйства и семьи красноармейцев, вынужденные прибегать к найму рабочей силы на время страды (на 1—3 недели), ввиду недостатка или полного отсутствия своих рабочих рук или совсем освобождались от процентных отчислений или платили их с большой скидкой. Для середняка отчисления брались в размере 1%, если он нанимал на один сезон, и от 1 до 2% — если он нанимал на срок более сезона. Кулаки же, вне зависимости от сроков найма, платили 3%, а в ряде районов и 5% отчислений²⁵).

²⁴) ГААК, ф. 100, оп. 1, д. 159, лл. 61, 66, 141.

²⁵) ГАНО, ф. 518, оп. 1, д. 14, лл. 75, 76; д. 130, л. 162; д. 133, л. 23; ГААК, ф. 85, оп. 1, д. 96, л. 32 и др.

Для суждения о реальных результатах кампании по заключению трудовых договоров необходимо прежде всего иметь в виду основные, определяющие условия договора — рабочее время и заработную плату — и, конечно, как они соблюдались в действительности. И здесь следует сказать, что особенно плохо соблюдался рабочий день, хотя в большом количестве договоров есть оговорка о 8-часовом рабочем дне батрака. Однако более чем в половине договоров продолжительность рабочего дня совершенно не оговаривалась²⁶⁾.

Действительная продолжительность рабочего дня зависела от сезона. Во время посева, сенокоса, в страдную пору рабочий день, особенно в хорошую погоду, продолжался почти круглые сутки. Например, в Славгородском округе из опроса батраков выяснилось, что они работают с восхода до захода солнца, то есть 12—18 часов в сутки, хотя в договоре указано 8—10 часов²⁷⁾. Все это говорит о том, что у местных ячеек союза не было еще достаточно выдержанной политики по вопросу о рабочем дне батраков. Не ограниченные никакими нормами батраки были предоставлены в таких случаях произволу со стороны нанимателей.

В дальнейшем союзные органы дали своим низовым ячейкам директивные указания о необходимости более строгого соблюдения условий договора в отношении рабочего времени. Данные на октябрь 1926 г. говорят о том, что батраки, занятые в кулацких хозяйствах и заключившие письменный договор, имели, хотя и незначительное еще, снижение продолжительности рабочего дня. Но средняя продолжительность рабочего дня батрака оставалась все же высокой: по данным на 1927 г. — 13 часов в сутки за вычетом перерывов и почти 16 часов, включая перерывы. Только примерно десятая часть батраков работала менее 10 часов в сутки. Обычная же продолжительность рабочего дня, согласно материалам специального обследования, проводившегося в момент напряжения сельскохозяйственных работ, была равна 10—12 часам в сутки²⁸⁾. Составители договора, имея это в виду и учитывая интересы батрака, стали чаще специально оговаривать в договоре соответствующую удлинению рабочему дню заработную плату, выходные и праздничные дни. Таким образом, если в дореволюционной сибирской деревне продолжительность рабочего дня занятых в крестьянских хозяйствах наемных батраков совершенно не определялась существовавшим тогда законодательством, то в советской деревне благодаря деятельности батрацких комитетов наметился сдвиг в направлении сокращения рабочего дня батраков, ограничения его в кулацких хозяйствах.

Что касается заработной платы батраков, то картина здесь еще более пестрая. Различия в экономических условиях районов применения наемного труда батраков, различия в экономической мощности нанимавших хозяйств, различия в составе самих батраков, их имущественном положении, различия для пришлых и местных батраков — все это определило и различия в формах оплаты труда батраков, в величине их заработной платы.

Высота средней заработной платы в сибирской деревне 1925—1927 гг. была: максимальная для взрослого мужчины-батрака — 18 руб., взрослой батрачки — 10 руб. и батрака-подростка — 7 руб.

²⁶⁾ «Статистический бюллетень Сибкрайстатуправления», 1926, № 7—8, стр. 17. Из таблицы, составленной на основании 30 тыс. типовых договоров, заключенных в 1925 г.

²⁷⁾ ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 1347, л. 8; ГАНО, ф. 518, оп. 1, д. 36, л. 68.

²⁸⁾ «На ленинском пути». Новосибирск, 1927, № 2, стр. 42.

Минимальная зарплата — соответственно 8 руб. — 3 руб. — 1 руб. 50 коп. В эту зарплату батрака составной частью входили получаемые от хозяина-нанимателя продовольствие («харчевание»), одежда и квартира. Стоимость месячного «харчевания» батрака в крестьянском хозяйстве, исчисленная по трем разным источникам, дает в конечном счете близкие между собою цифры: 11 руб. 6 коп. — по данным трудов договоров, 10 руб. 50 коп. — по данным текущей сельскохозяйственной статистики и 10 руб. 80 коп. — по данным статистики потребления. Следовательно, для всех категорий батрачества средняя заработная плата составляла в сибирских крестьянских хозяйствах примерно 14—15 руб. в месяц для взрослого батрака и 10—11 руб. для батрачки²⁹⁾, что было меньше зарплат рабочих совхозов (19 руб. 90 коп.) и особенно рабочих, занятых в промышленности (38 руб. 15 коп.), что указывает в общем на довольно высокую степень эксплуатации батраков в рассматриваемое время.

Разница в оплате труда была не только между губерниями, округами или районами, но и в одном и том же селе. Например, в с. Ганцереуске Славгородского округа взрослые батраки нанимались за 9 руб. и за 12 руб. в месяц³⁰⁾.

Заслугой местных союзов было то, что заработная плата батраков хотя и медленно, но неуклонно повышалась, что видно из следующей таблицы³¹⁾.

Таблица 1

Заработная плата		1925 г.	1926 г.	1927 г.
Взрослых батраков:	мужчин	9 р. 39 к.	9 р. 60 к.	10 р. 97 к.
	женщин	4 р. 25 к.	5 р. 65 к.	7 р. 02 к.
Подростков батраков:	мужчин	—	5 р. 93 к.	7 р. 02 к.
	женщин	—	4 р. 64 к.	5 р. 82 к.

Из таблицы видно, что зарплата батраков за последние три года повысилась в Сибири для батраков мужчин взрослых и подростков в два раза, для женщин — более чем в 1,5 раза, тогда как зарплата батраков в целом по стране за это время повысилась по всем категориям только на 10—15%³²⁾.

Заработная плата по трудовому договору устанавливалась различная в зависимости от мощности хозяйства. Например, оплата в день при 10-часовом рабочем дне поденного взрослого батрака составляла в бедняцких хозяйствах 75 коп., в середняцких — 1 руб., а в кулацких —

²⁹⁾ ГАНО, ф. 518; оп. 1, д. 36, л. 68, д. 37, л. 101; д. 38, л. 86; д. 45, л. 28; д. 71, л. 23; д. 92, л. 101; д. 128, л. 132; д. 130, л. 23; ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 1347, л. 7; ЦГАОР, ф. 5466, оп. 2, д. 7, л. 71; ГААК, ф. 85, оп. 1, д. 96, л. 267; ПААК, ф. 23, оп. 2, д. 21, лл. 438—439; «На ленинском пути», 1927, № 2, стр. 42; «Статбюллетень Сибкрайстатуправления», 1926, № 7—8, стр. 14. В целом по всей стране согласно данным ЦСУ средний месячный заработок батраков в 1926 г. был: взрослых мужчин — 12 руб. 40 коп., батрачек — 17 руб., подростков — 12 руб. 80 коп. См.: «Батрачество и пастушество в СССР». Статиздат ЦСУ, М., 1929, стр. 80 (таблица).

³⁰⁾ Сведения о величинах заработной платы по отдельным губерниям и округам Сибири содержатся в следующих источниках: ЦГАОР, ф. 5466, оп. 2, д. 290, лл. 20—21; ГААК, ф. 85, оп. 1, д. 16, л. 28; д. 17, лл. 2, 8, 13; д. 64, л. 12; д. 96, лл. 32, 84 и др.

³¹⁾ «Батрацкая сила в организованности», стр. 82.

³²⁾ ЦГАОР, ф. 5466, оп. 2, д. 596, л. 17.

1 руб. 50 коп. Точно так же дифференцировалась по хозяйствам зарплата подростков и женщин³³⁾.

На величину среднего месячного заработка батрака оказывал весьма заметное влияние и срок найма: чем короче срок найма, тем обычно выше была месячная заработная плата и, наоборот, причем наиболее низкую зарплату получали, как показывают материалы обследований, нанимавшиеся на год и из желания гарантировать себя от безработицы, соглашавшиеся на любые условия оплаты. Для того, чтобы пресечь эту тенденцию к понижению зарплаты годового батрака в Сибири, в 1926 г. местные организации союза продселаи опыт заключения договоров, в которых заработная плата дифференцировалась по отдельным месяцам, причем для периода сельскохозяйственного сезона ставилась более высокая заработная плата. Этот метод заключения трудовых договоров и определения зарплаты батраков оказался удачным и оправдал себя. Благодаря ему местным органам союза удавалось добиваться повышения зарплаты годовых рабочих до 25—26 руб. в месяц. Так союзы даже при избытке рабочей силы в сибирской деревне влияли на размеры заработной платы батраков.

Выплата заработной платы батракам по договорам производилась в большинстве случаев (примерно 70—75 случаев из 100) в два срока. Если же сроки найма не превышали 2—3 месяцев, то выплата производилась в некоторых случаях один раз по окончании срока найма, что было наиболее невыгодно для нанимавшего.

Не менее важным вопросом в деятельности местных органов союза по регулированию заработной платы батраков наряду с ее размерами был вопрос и о формах зарплаты. Как можно заключить, анализируя различные материалы отделов и ячеек союза, зарплата батракам выдавалась вначале преимущественно (60—75%) натурой (посев с уборкой, пшеницей, вещами или тем и другим вместе) или в виде исполыщины и отработок и только 25% деньгами³⁴⁾. Затем натуральные формы оплаты стали уступать денежной форме: «Зарплата батракам выговаривается в большинстве случаев деньгами», — читаем мы в отчетах союза за 1926 г. В 1927 г. зарплата выдавалась преимущественно деньгами (60,7%), посевом выдавалось значительно меньше — 20,9%, вещами — 13,2%; продовольствием — 5,2%³⁵⁾. Эта денатурализация заработной платы батраков, повышение в ней денежной части платы, наряду с ростом размеров, зарплаты, являлись дальнейшим шагом вперед по пути улучшения материального положения батрачества в Сибири. Раньше же, в дореволюционной деревне труд батрака оплачивался главным образом натурой, посевом, который не оценивался деньгами и в случае недорода или неурожая батрак вообще ничего не получал.

Постоятельное влияние трудового договора выражалось также и в распространении на батраков, охваченных договорами, социального страхования, которое совершенно не знала сибирская деревня до Советской власти. Социальное страхование (когда застрахованным батракам выдавалось нанимателем пособие при временной потере трудоспособности) проводилось главным образом в добровольном порядке при заключении договора. В деревнях в первые годы нэпа не было еще достаточно разветвленной сети страховых касс, страховых пунктов, социальное страхование часто принимало уродливые формы (в некоторых губер-

³³⁾ ГААК, ф. 85, оп. 1, д. 96, л. 121.

³⁴⁾ ГАНО, ф. 518, оп. 1, д. 11, лл. 49, 83; «Советская Сибирь», 10 января 1926 г.

³⁵⁾ ГАНО, ф. 518, оп. 1, д. 71, л. 66.

ниях, например, в Иркутской, взимали до 16%, что вызывало отказы от найма), были отказы нанимателя лечить батрака в случае заболевания и т. д. Социальным страхованием было охвачено за недостатком средств всего около 10—11% батраков, проводилось оно за счет нанимателя, что серьезно отражалось на работе по заключению трудовых договоров. Выполнение этой работы «упиралось в пункт о соцстраховании батрака и его часто приходилось обходить молчанием, учитывая, что батрак в нужном случае добьется через суд»³⁶).

После издания «Временных правил» на местах для разбора всех конфликтов, возникавших между батраками и их нанимателями, стали организовываться при районных, волостных и сельских исполкомах так называемые примирительные комиссии. Организационно они были связаны с местными инспекциями труда. Конфликты же возникали главным образом на почве выплаты зарплаты, неправильного увольнения, несправедливого и преждевременного расчета (такая форма сопротивления трудовым договорам кулачества особенно часто применялась в сибирской деревне), невыполнения условий договора. Конфликты возникали чаще всего в тех случаях, когда батрак нанимался в хозяйство без оформления договора. Как показывают многочисленные отчеты губернских, окружных, уездных и районных отделов и отделений союза и другие документы, подавляющее большинство конфликтов разрешалось местными организациями в пользу батраков³⁷).

«Большое сочувствие среди батрачества» встретило начало организации с 1923 г. местными союзами специальных касс взаимопомощи в районных и волостных центрах и отдельных селах и деревнях. Они имели своей целью оказание поддержки батраку не только в случае нужды или какого-либо бедствия, но также и для оказания материальной помощи во время безработицы батрака. Правда, в первые годы своего существования кассы взаимопомощи на селе были еще очень слабы, имели совершенно недостаточно средств, а в районных центрах — маложизненны из-за дальности расстояний, что затрудняло обращение батраков за ссудами: «За рублем 60 верст идти», — говорили о таких кассах батраки³⁸).

Борясь за улучшение положения батрачества, низовые организации профсоюза батрачества предпринимали меры к ликвидации среди батраков безработицы, которая особенно тяжело отражалась именно на них и особенно в зимнее время³⁹).

Чтобы избежать заключения договора с батраком, наниматели предпочитали брать его не на продолжительные сроки, а на поденные работы. Поэтому среди батраков была полная безработица, захватывавшая в отдельные сезоны до 70% всех членов союза батраков.

Для помощи безработным батракам организовывались специальные фонды безработных (в районных и волостных масштабах), оказывалась добровольная помощь семьям безработных. Эффективными мерами борьбы с сезонной безработицей были различные формы трудовой помощи, организация трудовых артелей, посылка на различные общественные работы, на лесозаготовки, засыпку хлеба и т. п.

³⁶ ГААК, ф. 150, оп. 1, д. 42, лл. 211, 212; «На ленинском пути», 1927, № 2, стр. 42, 43.

³⁷ ГАНО, ф. 518, оп. 1, д. 23, л. 100; д. 40, л. 17; д. 92, л. 7 и др.

³⁸ ГАНО, ф. 518, оп. 1, д. 14, л. 122.

³⁹ На 1 января 1927 г. общее число безработных среди членов союза составляло 16246, или 25,5% всех членов союза; на 1 июля — 12016 или 15,6%, а на 1 октября — 12504 человека или 15,8% (См.: ГААК, ф. 85, оп. 1, д. 96, л. 277), причем за последние годы число безработных выросло — в 1925 г., например, безработных было только 13% от всех членов союза (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3092/3, л. 6).

Однако в работе по улучшению положения батрачества в сибирской деревне был один очень существенный недостаток — в законодательном регулировании наемного труда. «Временные правила» регулировали условия подсобного наемного труда в бедняцко-середняцких трудовых хозяйствах. Закона же об условиях труда в кулацких эксплуататорских хозяйствах издано не было. Мало того, местные исполкомы Сибири вплоть до конца 1927 г. не разработали и не издали официальных постановлений, устанавливавших признаки, по которым можно было бы отличить хозяйства, где наемный труд носит только подсобный характер, от хозяйств эксплуататорских, кулацких. И кулаки очень умело использовали это обстоятельство, широко применяя «Временные правила» в своих интересах.

Достигнутые в регулировании найма рабочей силы успехи, несмотря на все недостатки этой работы, создавали условия для перехода союза сельхозрабочих к более активной защите интересов батрачества Сибири.

Мероприятия партийных и советских органов по оказанию экономической помощи бедноте всегда находили живой отклик среди трудящегося крестьянства, которое видело в этом заботу Коммунистической партии и Советской власти о бедноте, стремление следовать единственно правильной ленинской политике опоры на бедняка в обязательном союзе с середняком и ограничения и вытеснения кулачества на всех участках хозяйственной жизни в деревне.

Но даже как бы последовательно и всесторонне ни проводились меры по ограничению и вытеснению капиталистических элементов в деревне, сама по себе эта политика была, судя по всем данным, средством, временно облегчавшим, но не исправлявшим положение, мерами, которые не обеспечивали полного и коренного решения поставленных задач. Эта политика была в рассматриваемое время неизбежной, поскольку не было еще достаточно сил и условий, чтобы перейти к коренным социалистическим мероприятиям в области сельского хозяйства. От этой политики полумер, политики паллиативов необходимо было переходить к более решительному наступлению на капиталистические элементы, идти по пути полного преодоления и ликвидации капиталистических элементов в деревне. Но эту задачу надо было решать не только в сфере производства, но и в сфере обращения.

С началом восстановления хозяйства, когда производство и сбыт стали подчинять плановым началам, во всей своей широте и глубине вставал вопрос о необходимости государственного регулирования всех сбыто-снабженческих операций, регулирования торговли как в отношении промышленных, так и сельскохозяйственных товаров. В отношении сельскохозяйственного производства, находившегося в руках распыленных единоличных хозяйств, этот вопрос мог разрешаться несравненно труднее, чем в области промышленности, где и производство и оптовый сбыт сконцентрированы были в руках государства.

В Сибири, как и в целом по стране, в сельском хозяйстве большую роль играли с переходом к нэпу элементы мелкого и мельчайшего местного крестьянского хозяйства, которые в известных условиях пытались освободиться от регулирующего воздействия государства. Капиталистические элементы деревни — кулачество, смыкаясь с городским нэпманом, лавочником-спекулянтom, используя встречавшиеся затруднения, стремились сорвать всякую попытку со стороны Советского государства регулировать торговые отношения, пытались направить товарооборот по стихийному пути развития.

В первые годы нэпа быстрый рост частного торговца в деревне не вызывал особенной тревоги, так как государство ставило своей задачей подъем всего крестьянского хозяйства прежде всего путем восстановления в нем товарного обмена. Частные торговцы, спекулянты, «мешочники» проникали во все самые глухие уголки, привозили, продавали товары и предъявляли спрос на продукты крестьянского хозяйства, тем самым объективно содействуя росту и крестьянского сельскохозяйственного и промышленного производства.

По мере налаживания государственного контроля за частно-предпринимательской деятельностью и расширением государственно-кооперативной торговли в городе частный торговец начинал постепенно и все больше уходить в сельскую торговлю, в сферу обслуживания экономических связей крестьянского хозяйства, взяв на себя снабжение и сбыт производства мелких товаропроизводителей.

Это уже начинало угрожать экономической смычке города и деревни и заставило партию поставить задачу усиления роли кооперации и государства в деревенской торговле. XIII партконференция, проходившая в январе 1924 г., отметила, что «росту частного капитала должен быть поставлен предел путем усиления хозяйственной роли кооперации и государственной торговли и приспособления их к потребностям и условиям торгового оборота деревни»⁴⁰). Наряду с этим Пленум ЦК РКП(б) в апреле 1925 г. признал основной задачей «овладение рынком со стороны госторговли и кооперации за счет частного, в первую очередь оптового, торгового капитала и осуществление активного контроля за деятельностью частного капитала»⁴¹).

Такую же линию наметил и XIII съезд партии. Он отметил, что «распыленное состояние мелкого крестьянского хозяйства делает в данный момент неизбежным обслуживание его в весьма значительной степени частным торговым аппаратом». И так же, как и конференция, съезд считал, что «основной задачей торговой политики в данный момент должна явиться организация правильного снабжения широких масс потребителей, в частности, крестьянства путем развития и укрепления позиций государственной торговли и кооперации на рынке»⁴²). И в дальнейшем отношение партии и государства к частному капиталу в деревне складывалось все более и более под углом зрения выдержанного проведения этой линии торговой политики, которая уже в 1924 г. привела к относительному вытеснению частной торговли государственной и кооперативной.

Эта политика привела к тому, что удельный вес в торговой системе группы частных заведений непрерывно сокращался: во втором полугодии 1922/23 г. они занимали 91,3%; в первом полугодии 1923/24 г. — 88,1%, в первом полугодии 1924/25 гг. — 83,6% и т. д. Такая же эволюция была свойственна на протяжении всего изучаемого периода и динамике частных оборотов. Удельный вес частных предприятий в деревне упал с 85,1% во втором полугодии 1923/24 гг. до 78,9% во втором полугодии 1924/25 гг.⁴³).

Состояние частной торговли в сибирской деревне накануне коллективизации в некоторой степени помогает характеризовать материалы обследования частного торгового капитала и его деятельности на деревенском рынке в 1926/27 гг. Согласно этим материалам число частных

⁴⁰) «КПСС в резолюциях», ч. I, стр. 794.

⁴¹) Там же, стр. 814.

⁴²) Там же, ч. II, стр. 34.

⁴³) См.: М. М. Жирмунский. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. М., 1927, стр. 104, 106—109.

торговых заведений в Сибири на каждые 10 тыс. сельских жителей составляло 13,02, еще меньше по сравнению с предыдущими годами.

Если в среднем по РСФСР или в целом по стране в 1926/27 гг. число частных заведений в деревне составляло 19,5 и 21,6, то в Сибири только 13,02 на каждые 10 тыс. сельских жителей.

Следовательно, Сибирь накануне коллективизации оставалась районом, где позиции частного капитала в сельской торговле были подорваны сильнее и торговый аппарат деревенского частника был разветвлен слабее (на Северном Кавказе, например, 35,3 частных заведения на 10 тыс.).

Число сельских частных заведений в процентах к общему числу заведений всех категорий составляло в Сибири 55,1%, по РСФСР — 67,1%, а в среднем по СССР еще больше — 70,6%, что говорит также о наименьшем значении в сельской торговле в Сибири сети частного аппарата⁴⁴). Торгово-посреднический оборот сельских частных торговых предприятий в Сибири составлял в этот год 31,1 тыс. руб., или 4,1 руб. на душу населения, в то время как по РСФСР — 9,8 руб., а в среднем по СССР — 10,6 руб. В Сибири деревенский частник был не только более малочисленным, но и сделал наименьшие торговые обороты. Обороты сельских частных торговых предприятий в процентах в сумме всего деревенского оборота по Сибири составили в 1926/27 гг. 8,8%; по РСФСР — 20,5%, а по СССР — 22,9%⁴⁵).

Таким образом, роль частного капитала на деревенском рынке в Сибири была к началу коллективизации сельского хозяйства сравнительно незначительной (так же как это было, например, в северных районах страны или в Бурятии), о чем говорит эта динамическая таблица об удельном весе секторов торговли по сельским местностям в % к общему итогу⁴⁶):

Таблица 2

	Юго-Зап. Сибирь		Сев.-Вост. Сибирь	
	1926/27 г.	1927/28 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Государственные	5,0	3,8	9,1	8,0
Кооперативные	86,7	92,6	81,5	87,6
Частные	8,3	3,6	9,4	4,4

Окрепшая государственная и кооперативная торговля в Сибири основательно потеснила частный капитал и на его долю приходилось лишь 8,8% розничного оборота в деревне, а в 1927/28 гг. еще меньше — всего 3,9%⁴⁶), тогда как розничный товарооборот частной сельской торговли в целом по стране составлял 26,7% всего оборота 1926/27 гг.⁴⁷).

Сельская торговля в Сибири, таким образом, почти целиком находилась в руках обобщественного сектора.

Сфера капиталистических отношений в деревенской торговле накануне коллективизации сократилась в целом и по стране. На деревенском

⁴⁴) См.: «Материалы по истории СССР», вып. VII, М., 1959, стр. 122—124.

⁴⁵) «Материалы по истории СССР», вып. VII, стр. 152—154; «Статистика Сибири», вып. 2, стр. 32—33.

⁴⁶) «Статистика Сибири», вып. 2, стр. 33.

⁴⁷) В. П. Данилов. О характере социально-экономических отношений, стр. 63—64.

рынке крестьянин только на четвертую часть своего оборота вступал в отношения с частником, подвергался эксплуатации со стороны частного торгового капитала⁴⁸).

Проводя на основе решений XI съезда партии наступление на капиталистические элементы, партия не ставила в годы восстановления народного хозяйства задачи немедленной их ликвидации. Даже в 1927 г. партия выступала против демагогического предложения троцкистской оппозиции о таком «сверхобложении частного торгового оборота», которое «должно привести к немедленной его ликвидации», при недостаточном еще охвате рынка государственной и кооперативной торговлей⁴⁹).

XV съезд партии записал в директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства, что «дальнейшее вытеснение частника с рынка кооперацией и государственной торговлей должно происходить в меру их действительных организационных и материальных возможностей»⁵⁰).

⁴⁸) Там же, стр. 64.

⁴⁹) «КПСС в резолюциях», ч. II, стр. 381.

⁵⁰) Там же, стр. 462.

О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ КРЕСТЬЯН СИБИРИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА (вторая половина XIX — начало XX вв.)

Л. Г. СУХОТИНА

В изучении социально-экономического развития Сибири большое значение имеет исследование правового статуса крестьянства, ибо в юридических правах крестьян находили формальное воплощение и закрепление существовавшие в сибирской деревне производственные отношения.

Вопрос этот к сожалению не привлек еще должного внимания наших историков, занимающихся исследованием социально-экономического развития сибирского крестьянства. Но он очень важен. Это станет понятным, если учесть, что в последних исследованиях при анализе характера земельных отношений в сибирской деревне рассматриваемого периода авторы обращают внимание на необходимость отличать юридическую сторону земельной собственности от ее экономического содержания¹⁾, утверждая, что «юридическая форма» земельной собственности еще не раскрывает ее действительного классового смысла. «Для пояснения» этого положения В. Г. Тюкавкин ссылается, в частности, на земельную собственность государства в России в первой половине XIX в. и в США в конце XIX в., замечая, что при «совершенно различном» их экономическом содержании «юридическая форма» собственности здесь отличается «очень мало».

Приведенный пример едва ли подтверждает мысль автора. Известно, что земельные отношения в США регулировались Гомстедактом 1862 г., передававшим каждому желающему за десять долларов 160 акров (65 га) земли. Участок этот по истечении пяти лет переходил в полную собственность обрабатывавшего его крестьянина, то есть, именно закон гарантировал в данном случае полную свободу распоряжения фермером ставшей его собственностью землею. И надо ли говорить, что никакими юридическими гарантиями постоянного пользования, не говоря уже о распоряжении землею, не обладал русский крестьянин первой половины XIX в., сидевший на государственной земле. В любой момент он мог не только лишиться своей земли, но и утратить личную свободу. Мы убеждаемся на этом примере как раз в том, что «юридическая форма» определяла действительный социальный смысл земельных отношений. И это не могло быть иначе, ибо в ней (в форме законов) находило выражение действительное классовое содержание самого государства.

¹⁾ См.: П. И. Малахинов. О двух типах аграрной эволюции в России. Улан-Удэ, 1962, стр. 271; В. Г. Тюкавкин. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966, стр. 78—85.

Не убеждает в данном случае и ссылка на Энгельса о том, что «все правительства... в конечном счете только исполнители экономической необходимости»²⁾. Слова «в конечном счете» очень хорошо поясняют другую не менее важную мысль Энгельса о том, что «насилие (т. е. государственная власть) — это есть тоже экономическая сила!»³⁾.

Все сказанное делает важным, на наш взгляд, рассмотрение правового статуса сибирских крестьян в его конкретном проявлении. Это тем более необходимо, что вопрос этот так или иначе ставится в работах зарубежных исследователей. Причем нередко их выводы звучат малоубедительно или вообще лишены оснований. Так, в работе американского историка Джона Лавренсе «История России» делается попытка доказать, что сибирское крестьянство в пореформенное время в правовом отношении было более свободным, чем крестьянство Европейской части страны⁴⁾. Другой исследователь Э. Лесснер утверждает, что недостаточно быстрое при благоприятных природных условиях экономическое развитие Сибири объясняется расовыми чертами, присущими русскому крестьянству — врожденной леностью, склонностью к бродяжничеству и авантюрам⁵⁾. Есть стремление превознести «демократию» крестьян дореволюционной Сибири в плане противопоставления их положения положению современного советского крестьянства⁶⁾.

**

В сфере экономических отношений крестьянство пореформенной России становилось все менее определенным понятием, ибо в среде его постоянно формировались зачатки новых классов — буржуазии и пролетариата. Однако, взятое в целом, оно, как неоднократно отмечал В. И. Ленин, еще представляло собой единый класс — сословие, поскольку оставались и были еще сильные старые полукрепостнические отношения.

Самодержавно-помещичье русское правительство в целях удержания своей власти и привилегий помещиков стремилось сохранить прежнюю сословную разобщенность России и особенно сословную изолированность крестьянства, поскольку она консервировала косность и политическую инертность этого многочисленного в стране класса. Мысль эту открыто выразил один из столпов правительства — Витте: «Наш крестьянин занят на сходках раскладкой податей... распределением поземельных участков и т. п. Кроме того, он неграмотен или полуграмотен — какая же тут может быть политика?»⁷⁾.

Сословный характер политики правительства в отношении крестьянства не объяснялся, однако, исключительно политическими мотивами, а находил себе обоснование и в экономических целях правительства. Крестьянство, как самый многочисленный класс в России, являлось основным источником податных поступлений. Сословная замкнутость крестьянства, политическое бесправие и бытовая придавленность позволяли властям без особых осложнений увеличивать бремя податей по мере все возрастающих потребностей государственной казны.

Сословная ограниченность русского крестьянства проявлялась во всех сферах его экономической и политической жизни. «...Их оставили, — писал в 1907 г. В. И. Ленин о крестьянах пореформенной России, —

²⁾ В. Г. Тютчевкин. Указ. соч. стр. 80—81.

³⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. 1948, стр. 430.

⁴⁾ См.: John Lawrence. A history of Russia, New-York, 1960, p. 218.

⁵⁾ См.: Erwin Lessner. Cradle of conquerors. Siberia. New-York, 1955, p. 540.

⁶⁾ См., например, W. Donald Treadhold, Siberian colonisation and the future of Asiatic Russia. «Pacific historical review», v. XXV, 1956, № 1, p. 52—54.

⁷⁾ Цит. по: В. И. Ленин. ПСС, т. 5, стр. 51—52.

и они по сию пору остаются низшим сословием, подлежащим розге, платящим особые подати, не смеющим свободно выйти из полукрепостной общины, свободно распорядиться своей землей, свободно поселиться в любой местности государства»⁸).

Сибирские крестьяне не представляли собой исключения из общей массы российского крестьянства. Известный американский писатель и общественный деятель Г. Кеннан, посетивший Сибирь в 70-х годах с целью изучения системы политической ссылки, был поражен бесправием русского крестьянства. «Русское правительство, — писал Г. Кеннан, — считает своих подданных неспособными не только заведовать общегосударственными или местными делами, но и вести собственное хозяйство, почему правительство признает своим священной долгом.... вести его (каждого русского. — Л. С.), направлять, держать в ежовых рукавицах, угнетать, охранять, наблюдать, так что русскому человеку приходится всю жизнь делать то, что другим вздумается ему приказывать»⁹). Кеннан приходит к выводу, что естественным следствием такой системы «отеческого управления» было сосредоточение всей административной власти в руках чиновников и необычайное расширение сферы действия полиции. «Нет ни одного государства в мире, — замечает он, — где бы полиция обладала такой неограниченной властью, где бы она играла такую важную роль, где бы она позволяла себе так бесцеремонно обращаться с личностью гражданина, как в России»¹⁰).

К этим печальным, но глубоко верным выводам Кеннан пришел, наблюдая жизнь сибирской деревни.

Как убедительно показано в вышедших за последние годы трудах советских историков¹¹), сибирская деревня была более зажиточной, нежели деревня Европейской России. Малая населенность обширного края и почти полное отсутствие помещичьего землевладения обусловили здесь лучшую обеспеченность крестьянства землей, что уже само по себе должно было в большей степени обеспечить благосостояние крестьянства, его хозяйственную самостоятельность. Однако относительный земельный простор не являлся еще достаточным условием для полной хозяйственной свободы крестьянства. Она в сильной мере была стеснена многочисленными правовыми ограничениями. Эти ограничения прежде всего касались прав владения крестьян землею.

Сибирские крестьяне не становились собственниками наделной земли. Земельные наделы отводились им лишь в пользование на условиях платежа оброчной подати. Местная администрация, как власть непосредственно заинтересованная в быстром освоении Сибири и обеспечении необходимой платежеспособности населения, начиная с 60-х годов настоятельно и неоднократно предлагала рассмотреть вопрос о введении в Сибири поземельной собственности. Лучше осведомленная о действительном положении крестьянства и его потребностях сибирская администрация понимала, что владение крестьянами землею на правах собственности увеличит заинтересованность крестьянина в своем труде, поднимет его инициативу.

⁸) В. И. Ленин. ПСС, т. 4, стр. 430.

⁹) Г. Кеннан. Сибирь. СПб., 1906, стр. 229.

¹⁰) Там же.

¹¹) См.: Л. Ф. Скляров. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962; В. Н. Степанын. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962; Л. М. Горюшкин. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. Новосибирск, 1962; В. Г. Тюкавкин. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.

В обоснование своего предложения о введении в Сибири частной собственности на крестьянскую землю генерал-губернатор Восточной Сибири, писал, что «наиболее производительный земледельческий труд—это труд на собственной земле»¹²⁾. Однако правительство не отважилось пойти на столь, по его мнению, радикальный шаг. Министерство государственных имуществ отклонило проект генерал-губернатора о передаче крестьянам земель в собственность и соответственной замене оброчной подати выкупными платежами. Свое решение оно мотивировало, тем, что перевод крестьян на выкуп «не мог быть совместим» с «объемом» их прав на владение надельной землею, и что выкуп лишил бы государство возможности «повышать земельные платежи» по мере роста государственных потребностей¹³⁾. Отсюда видно, что государство ни в какой мере не собиралось изменять права владения крестьян землею, стремясь сохранить за собой в целостности полную собственность на все земли.

Продажа земельных участков была предпринята в 60-х годах лишь как временная, испытательная мера, и осуществлялась только на специально отведенной для того, локально ограниченной территории.

Так, согласно утвержденным в 1860 г. царем правилам, в 1865 и 1868 гг. на территории ряда уездов Тобольской и Томской губерний была организована продажа земельных участков¹⁴⁾. В 1868 г. решением Сената этот опыт продажи земли был распространен на Восточную Сибирь¹⁵⁾. Но мера эта, как и следовало ожидать, не имела и не могла иметь сколько-нибудь значительных результатов для крестьянства. Поскольку земля продавалась с торгов, большая часть ее за неимением нужных наличных денежных сумм у крестьян попала в руки купцов, мещан и чиновников.

Отсутствие у крестьян права собственности на землю в сильной мере ограничивало инициативу крестьян, мешало развитию их хозяйств. Факты противоречат утверждениям некоторых историков о том, что собственность государства и Кабинета в Сибири была чисто номинальной и что фактическое землепользование будто бы ником образом не стеснялось вследствие наличия здесь свободных, еще не освоенных земель. Действительно, как уже было сказано, крестьянство Сибири, в силу лучшей обеспеченности землею, имело большие возможности хозяйственного развития в сравнении с крестьянством Европейской России, но отсутствие права распоряжения своими наделами и ограничение эксплуатации ненадельной, государственной земли задерживало процесс капиталистической мобилизации земли, тормозило становление капиталистического земледелия. Ограниченность прав пользования землею снижала хозяйственную эффективность лучшей земельной обеспеченности, превращая эту объективную возможность более благоприятного экономического развития лишь в потенциальную.

Не имея прав собственности на надельную землю, крестьяне не могли распоряжаться ею по своему усмотрению. Отчуждение земли допускалось лишь как продажа хозяйственных строений на ней или передача «права пользования» угодьями¹⁶⁾. Но и продажа собственных построек разрешалась не всегда. Переселенцы, например, зачастую лишались этого права, если их хозяйственные постройки возводились

¹²⁾ Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 24, оп. 9, д. 101, лл. 4—5.

¹³⁾ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 391, оп. 1, д. 156, л. 127.

¹⁴⁾ «Томские губернские ведомости», 27 августа 1865 г.

¹⁵⁾ ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 205, л. 13.

¹⁶⁾ ГАИО, ф. 295, оп. 1, д. 130, л. 17; ф. 25, IV делопроизводство, д. 215, лл. 3—4.

из бесплатно отпущенного им (в качестве льготной ссуды) леса. В отчете командированного в Сибирь в 90-х годах чиновника Половцева сообщалось, что местные лесничие «накладывали арест» на продаваемые переселенцами дома, построенные из данного казенного леса¹⁷⁾. Конечно, эта мера была всего только проявлением необузданного произвола местной администрации, толковавшей закон в угоду собственным корыстным интересам. Но совершенно очевидно, что такая вольная интерпретация постановлений государственных властей оказывалась возможной лишь потому, что сами эти постановления создавали для нее почву установлением бесчисленных правовых регламентаций и ограничений. Например, в связи с указанным отчетом чиновника Половцева лесной департамент Министерства государственных имуществ пояснял, что согласно Лесного устава 1893 г. чиновники и уездная полиция были обязаны наблюдать, чтобы отпущенный казенно бесплатный лес не был продан или употреблен не по назначению. Нарушившие это постановление обязаны были уплатить штраф в размере цены отпущенного им леса¹⁸⁾.

Крестьяне не могли сдавать в аренду свои наделные земли. В целом ряде постановлений Кабинета и Сената разъяснялось, что если крестьяне, проживающие на кабинетских землях, сдавали в аренду участок из своих земельных дач, то он считался уже кабинетской оброчной статьей и арендатор этого участка обязан был платить арендную плату ведомству Кабинета¹⁹⁾. Такой же порядок был установлен и на государственных землях. Центральные власти неоднократно указывали, что сдача в аренду ряда угодий допускалась лишь в том случае, когда эти угодья зачислялись в казенные оброчные статьи²⁰⁾. Правда, следует сказать, что это постановление часто нарушалось в действительной практике. Особенно на государственных землях. Здесь участки сдавались в аренду не только своим односельчанам, то есть в границах земельного отвода, но и крестьянам соседних сельских обществ. Но это отступление от законодательных норм в жизненной практике было лишь следствием, с одной стороны, неспособности властей строго блюсти закон на огромной территории, с другой — намеренным попустительством их. Обеспокоенные необходимостью своевременного взимания податей, местные власти иногда смотрели сквозь пальцы на нарушение правил государственных постановлений, если эти нарушения могли хоть в какой-то степени пополнить денежные доходы крестьян и обеспечить им возможность уплаты податей. Со временем, однако, местная администрация была поставлена перед необходимостью строже блюсти законы, ибо все чаще стали поступать правительственные циркуляры, предписывающие увеличить денежные поступления за счет создания и сдачи в оброчное содержание земельных участков на вненаделных землях.

Вначале предлагалось создавать оброчные статьи на промысловых угодьях. В отношении Главного управления Западной Сибири от 29 мая 1857 г. губернаторам говорилось, что Министерство государственных имуществ строжайше обязывало ввести в оклад оброчных статей все промысловые рыбные угодья, приносящие хоть незначительный доход²¹⁾. Сообщая об этом предписании министерства, Совет главного управления Западной Сибири вменял в обязанность губернаторам «изыскать» новые озера и речные участки, которые могли бы быть отданы в оброчное содержание. В 1886 и 1887 гг. последовали разъяснения министра государ-

¹⁷⁾ ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 1, д. 247, л. 1.

¹⁸⁾ Там же, лл. 4—5.

¹⁹⁾ Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 4, оп. 6, д. 162, лл. 4—7.

²⁰⁾ Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 3, оп. 44, д. 228, л. 2.

²¹⁾ ГАТО, ф. 3, оп. 19, д. 544, л. 1.

ственных имуществ о том, что все (подчеркнуто нами. — Л. С.) озера и реки в границах земельных наделов должны были быть оставлены в единственном владении казны и зачислены в оклад казенных рыболовных оброчных статей²²). Лишь в отдельных случаях по решению местных властей допускались исключения. В дальнейшем создание оброчных статей все шире начинает практиковаться уже не только на промысловых, но и на сельскохозяйственных угодьях.

Осуществление этих указаний приводило к сильному ущемлению хозяйственных интересов и возможностей крестьян. Прежде всего, это сказалось на размерах находившихся в их владении земельных угодий. Крестьянам запрещалось пользоваться казенными землями, не входившими в границы наделных отводов. Даже если эта земля пустовала. Случаи, когда крестьяне пытались использовать лежащие по соседству с наделной землей казенные земли, только убеждали местную администрацию в хозяйственной заинтересованности крестьян эксплуатировать эти земли. Немедленно следовало распоряжение об образовании на этих участках оброчных статей. Крестьяне должны были отказаться от пользования соответствующим участком, или же взять его в оброчное содержание.

В 50-х гг., например, в Томской губернии в ряде инстанций в течение нескольких лет рассматривалось дело крестьянина Скворцова, который якобы «незаконно» пользовался тремя десятинами казенной земли вблизи деревни Халдеевой Семилужской волости. В 1859 г. дело было передано казенной палатой в окружной суд. Суд признал возможным оставить землю в пользовании Скворцова, так как пока рассматривалось дело, подсудимый взял в 1857 г. упомянутый участок в оборочное содержание. Суд постановил: обязать Скворцова уплатить арендную плату за два года²³). Однако дело на этом не кончилось. Получив решение суда, казенная палата уточнила, что в оброчное содержание передана только земля, но не постройки на ней, которые были возведены Скворцовым раньше незаконно, а потому должны были остаться собственностью казны. В пользовании же Скворцова постройки могут находиться только до окончания срока оброчного содержания земли, а затем «в целости» должны быть отданы в казну²⁴).

В 1897 г. постановлением департамента земельных имуществ была отклонена просьба крестьян с Ново-Каратуза Верхне-Канинской волости Томской губернии о разрешении им убрать урожай и вывезти заготовленные ими дрова с участка, отмежеванного в казну. Постановление департамента мотивировалось тем, что крестьяне отказались взять отмежеванный участок в качестве оброчной статьи²⁵).

Побуждая крестьян, нередко насильственными мерами, брать в аренду земельные участки, власти в то же время оставляли за собой право отобрать их в случае надобности в любое время.

Под угрозой отнятия хозяйственных построек крестьянам запрещалось самовольное освоение незанятых казенных земель. В 1884 г. между управлением государственных имуществ и местными губернскими властями велась интенсивная и длительная переписка по поводу группы крестьянских семей, самовольно поселившихся возле озера «Отреченского» в Казанской волости Томской губернии. Отведенную им прежде землю крестьяне оставили. Управление государственных имуществ отклонило

²²) ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 1, д. 132, л. 28.

²³) ГАТО, ф. 3, оп. 19, д. 472, л. 107.

²⁴) Там же, л. 115.

²⁵) ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 1, д. 365, л. 6.

просьбу крестьян об отводе им вновь занятых земель²⁶). Однако в следующем году, вновь возвращаясь к рассмотрению этого дела, управление решило передать его на рассмотрение Министерства государственных имуществ, поскольку крестьяне уже возвели на новом месте нужные хозяйственные постройки. При этом указывалось, что следует обстоятельно доказать «необходимость» ухода крестьян с мест их первоначального причисления, а также выяснить, «как будет поступлено» с оставленным земельным наделом²⁷).

Крестьян ограничивали даже в правах пользования своим земельным наделом. Пользование промысловыми угодьями, не говоря уже о полезных ископаемых, в пределах земельных дач всякий раз требовало специальной разрешения местной администрации.

С конца XIX в. права крестьян еще более ущемлялись в связи с нававшимся землеустройством, цель которого заключалась в насаждении наделного землепользования в строго установленных нормах. Иногда в ходе землеустройства разрушались хозяйства состоятельных крестьян, если в состав их входили кроме наделных еще и казенные земли. В записке одного из крестьянских начальников Каинского уезда, датированной январем 1903 г., говорилось, что чины землеустроительного отряда «... буквально получили замечание и приказ из казенных земель ничего не давать крестьянам и переделить все наделы, в кои вошла хоть часть земли»²⁸).

В период столыпинских преобразований, когда переселение крестьян в Сибирь не только не ограничивалось, но всячески поощрялось и соответственно резко возросла волна переселенцев, интересы казенного землеустройства защищались особенно рьяно. В секретном циркуляре Томского губернатора крестьянским начальникам, например, вменялось в неприменную обязанность «совершенно и окончательно рассеять в населении всякие надежды на какие-либо послабления или отступления от формальных требований закона о землеустройстве».

Интересы казны и соображения правительства, вызванные другими обстоятельствами, приводили к ряду ограничений и в других сферах крестьянской жизни. Ущемлялось, например, право крестьян на переселение как в границах самой Сибири, так и за ее пределы. Так, Степной генерал-губернатор, сообщая в 1884 г. Тобольскому губернатору о переселении крестьян Томской и Тобольской губернии на территории Акмолинской области, предлагал запретить эти «самовольные» действия. Генерал-губернатор обещал со своей стороны «строго преследовать виновных» и «водворять их в места прежнего причисления»²⁹). Необходимость осуществления столь решительной меры против «своеволия» крестьян мотивировалась тем, что вопрос о колонизации этой территории (Акмолинской обл. — Л. С.) еще только должен был быть поставлен в правительстве и что вообще свободные земли здесь следовало предоставлять «исключительно» только переселенцам из Европейской России³⁰).

В 1867 г. генерал-губернатор Западной Сибири предложил Министерству государственных имуществ рассмотреть вопрос о запрещении крестьянам Сибири переселяться в Крым, в связи с тем, что после выхода в 1860 г. правил о порядке заселения Крымской территории переселенцами из других губерний от крестьян стали поступать просьбы на

²⁶) ГАТО, ф. 3, оп. 19, д. 791, л. 4.

²⁷) Там же, л. 102.

²⁸) ГАТО, ф. 3, оп. 44, д. 3074, л. 182.

²⁹) ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 82, д. 13, л. 69.

³⁰) Там же.

³¹) ЦГИАЛ, ф. 1265, оп. 10, д. 148, л. 2.

разрешение переселиться в Крым³¹⁾. Министр государственных имуществ сообщил, что он разделяет мнение генерал-губернатора и поставит вопрос перед сибирским комитетом³²⁾.

Изложенные факты убеждают в том, что многочисленные правоограничения, как проявление остатков крепостного порядка, опутывали крестьянское хозяйство и там, где в прошлом отсутствовало крепостное право, — это самая отвратительная форма феодальной зависимости. Правительство по-прежнему видело в лице крестьянства не свободный, полноправный общественный слой, а податное сословие, которое само якобы не в состоянии осознать своих личных выгод и хозяйственных интересов и которое поэтому должно наставлять, опекать и направлять. Отношение к крестьянину не как к свободному, правоспособному члену общества со стороны правительственных и местных властей оказывало большое влияние на весь ход общественной жизни внутри крестьянского мира. Оно развращало крестьян не только в том, что подавляло в них инициативу и хозяйственную сметку, но и в том, что давало основание выборным крестьянским органам и самому сельскому обществу рассматривать каждого члена крестьянского мира как лицо неполноправное, целиком зависящее от его решений. Интересно в этом плане рассмотреть жалобу крестьянина с. Покровского Ачинского уезда Станислава Янушкевича. Поляк из переселенцев, привыкший, очевидно, к порядкам хуторского пользования землею, Янушкевич продал свою усадьбу в селе и основал хозяйство на выселке недалеко от железной дороги. Вскоре здесь стали селиться и другие. Тогда «общественники» села Покровского предложили ему купить «право пользования заимкой» или оставить ее. Получив отказ, волостной суд в 1912 г. постановил «выселить» Янушкевича из его заимки. Руководствуясь постановлением суда, староста села сломал присужденные к сносу хозяйственные постройки крестьянина³³⁾. Жалоба пострадавшего енисейскому губернатору была отклонена³⁴⁾, так как в глазах губернских властей он посягнул на казенные земли. Такого рода самостоятельность крестьянских выборных властей импонировала администрации, ибо в ней они усматривали общественную солидарность крестьянского мира, который они стремились всемерно укреплять как объект податных поступлений.

Юридическое бесправие сибирского крестьянства усугублялось всевластием местной администрации. Административный гнет здесь был особенно тяжелым, не только вследствие отдаленности края и в силу этого почти полной бесконтрольности действий здешних властей, но и вследствие существующей системы администрации. Установление в Западной Сибири в 1879 г., а на территории Восточной Сибири в 1882 г. крестьянского самоуправления было осуществлено здесь не только в качестве временной меры, но и со значительными отступлениями от основных принципов Положения 19 февраля 1861 г. Институт мировых посредников в Сибири не был введен (он существовал до 1878 г. лишь на территории земель Кабинета). Органы крестьянского управления находились в непосредственной зависимости от царской бюрократии в лице губернских правлений и местных полицейских властей — земских заседателей, а с 1883 г. (на территории Западной Сибири) — чиновников по крестьянским делам. В 1898 г. был учрежден институт крестьянских начальников. И все нити хозяйственно-правовой жизни крестьянства были сосредоточены в руках вновь установленных

³²⁾ Там же, л. 3.

³³⁾ ГАИО, ф. 25, IV делопроизводство, д. 219, л. 3—4.

³⁴⁾ Там же, л. 6.

должностных лиц, которые фактически объединяли в своем лице административную, судебную и полицейскую власть. Облеченные правами безграничной опеки, крестьянские начальники являлись не только олицетворением личного бесправия сибирского крестьянина, но и отрицанием самой идеи крестьянского самоуправления. Сохранение телесных наказаний как меры административного воздействия, создавало атмосферу полного административного произвола. В доказательство этого можно привести, например, циркуляр Курганского окружного по крестьянским делам присутствия от 13 мая 1892 г. В связи с нашествием саранчи циркуляр предписывал волостным старшинам и сельским старостам округа объявить всеобщую повинность по борьбе с вредителем. Ежедневно в каждом селе половина жителей, начиная с восьмилетнего возраста, должна была отряжаться в поле. «Ослушники и нерадивые, — говорилось в циркуляре, — ...немедленно привлекаются... к ответственности.. а против лиц, явно и упорно не повинующихся или сопротивляющихся распоряжениям по сему делу волостного и сельского начальства, возбуждается уголовное преследование... виновные подвергаются тяжким уголовным наказаниям (каторжным работам до 20 л.)»³⁵).

Бесправие крестьян усугубляла существовавшая в Сибири судебная система. Учрежденный, как составная часть органов крестьянского самоуправления, волостной суд рассматривал дела на основе местного обычая. Но поскольку массовый приток переселения из различных мест страны приводил к тому, что здесь фактически не существовало сложившегося обычного права, волостной суд руководствовался при разборе дел вместо обычая личным усмотрением.

Судебная реформа была проведена в Сибири со значительными отступлениями от судебных уставов 1864 г.³⁶). Судьи учрежденных мировых судов не избирались, а назначались. Они же выполняли обязанности следователей и нотариусов. Исполнение решений суда возлагалось не на судебных приставов (они существовали лишь в крупных городах Сибири), а на чинов общей полиции, которая, по словам Кеннана, состояла «из самых низких преступных элементов народонаселения»³⁷).

Правительство было убеждено, что крестьяне Сибири, как писал в 1876 г. министру внутренних дел генерал-губернатор Западной Сибири Казнаков, «еще недостаточно подготовлены в нравственном и умственном отношении» к принятию нового суда³⁸).

Строгая мелочно регламентированная административная опека вместе с полным беззаконием в судах делали крестьянина неполноправным, даже в рамках, дозволенных сословностью. Он, по словам одного из местных чиновников, «всем юридическим положением своим» напоминал «не свободного, правоспособного, самостоятельного хозяина, а расточителя или больного, отданного под опеку, или ограниченного в правах своих полукрепостного»³⁹).

Тяжелые полукрепостнические путы в области правовых отношений отрицательно сказывались на крестьянском хозяйстве, мешая его свободной экономической жизни. Они проявлялись и в неоформленных правом бытовых отношениях, «варваризуя» весь процесс развития сибирской деревни.

³⁵) ГАИО, ф. 295, оп. 1, д. 126, л. 40.

³⁶) См.: Б. Г. Корягин. Политика царизма в Сибири во второй половине XIX в. Сборник научных работ исторических кафедр. Томск, 1963, стр. 115.

³⁷) Г. Кеннан. Сибирь. СПб. 1906, стр. 236.

³⁸) ГАИО, ф. 593, оп. 1, д. 39, л. 22.

³⁹) Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 54. Енисейская губерния. СПб., 1903, стр. 8.

**ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА НАКАНУНЕ ПРОВЕДЕНИЯ
ТРАНССИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ МАГИСТРАЛИ****Г. Х. РАБИНОВИЧ**

В советской исторической литературе серьезное внимание уделяется изучению особенностей социально-экономического развития окраин России в эпоху капитализма. Необходимость такого изучения подчеркивал В. И. Ленин¹). Целый ряд работ по этой проблеме написан на материале Сибири и Дальнего Востока советскими историками.

Существенным недостатком этих работ является огульное, слишком общее рассмотрение состояния сибирской промышленности и ее отраслей, недостаточно критическое отношение к официальной правительственной статистике того времени, порой и неумение выделить из общего числа предприятий заведения, относящиеся к разным формам промышленности²).

В данной статье рассматривается состояние обрабатывающей промышленности Сибири и Дальнего Востока накануне строительства сибирской железной дороги.

Хотя обрабатывающая промышленность Сибири и по объему производства, и по числу рабочих, и по удельному весу в общероссийском производстве значительно отставала от горнодобывающей промышленности, изучение ее имеет существенное значение.

В обрабатывающую промышленность Сибири еще до строительства сибирской железной дороги были вложены значительные капиталы. На предприятиях этих отраслей, в большой своей части расположенных в городах Сибири, формировались крупные отряды промышленного пролетариата.

Изучение обрабатывающей промышленности в середине 90-х годов дает возможность более глубоко рассмотреть уровень развития капитализма и внутреннюю структуру производства накануне строительства железной дороги и тем самым позволяет более точно выяснить влияние железной дороги на развитие капитализма «вширь».

Для научного анализа соотношения форм развития капитализма в обрабатывающей промышленности и изучения ее внутренней структуры незаменимым источником являются статистические материалы, промышленные переписи, в которых приводятся данные о каждом промышленном заведении в отдельности.

¹) В. И. Ленин. Полное собрание сочинений (ПСС), т. 3, стр. 5—6.

²) См., например, В. П. Малышев. Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961, стр. 18.

Для Сибири такого статистического материала сохранилось чрезвычайно мало. «Указатель фабрик и заводов». П. Орлова (СПб., 1881) дает сведения лишь для Европейской части России.

Издававшиеся в Сибири губернскими статистическими комитетами «Памятные книжки» и составлявшиеся на основе собранных губернскими статистическими комитетами данных «Обзоры» (приложения к губернаторским отчетам) вполне аналогичны по содержанию таким же изданиям в губерниях Европейской России, о которых В. И. Ленин писал, что они «всегда характеризуются полнейшей неопределенностью понятия «фабрика и завод» и случайной регистрацией мелких заведений»³).

Отдельные промышленные переписи сохранились в сибирских архивах⁴), но они касаются лишь отдельных губерний и дают отрывочные, неполные данные, а зачастую, не поддаются научной обработке.

В течение 80 и 90-х годов XIX в. в некоторых сибирских губерниях по разным поводам проводились обследования промышленных предприятий и публиковались иногда довольно подробные итоги этих обследований. Наиболее ценными из таких публикаций являются книги М. Бережникова о промышленности Дальнего Востока, написанные по результатам обследований, проведенных в середине 90-х годов по инициативе Приамурского отдела Русского географического общества⁵) и С. П. Швецова об обрабатывающей промышленности Алтайского округа, по исследованию, проведенному в январе — июне 1892 г.⁶).

Значительная ценность этих работ состоит в том, что они дают подробное и полное описание каждого промышленного предприятия в отдельности. Это позволяет группировать предприятия по формам производства и, следовательно, они дают материал для научной обработки.

Эти и некоторые другие источники сведений об обрабатывающей промышленности Сибири в конце XIX в. имеют тот недостаток, что они охватывают лишь небольшую часть предприятий и дают сведения за разные годы и, зачастую, поэтому несопоставимы.

В этой связи особую значимость приобретает такой малоиспользуемый, но в то же время малозаменимый источник, как «Указатель фабрик и заводов окраин России: царства Польского, Кавказа, Сибири и Средне-Азиатских владений» (составитель П. А. Орлов, СПб., 1895)⁷).

В. И. Ленин отмечал, что ценность «Указателя фабрик и заводов» П. Орлова за 1870-е годы состоит в том, что это издание «дает поименный перечень всех заведений с суммой производства не менее 2 тыс. руб.»⁸). По такой же программе составлен и «Указатель фабрик и заводов окраин России» П. Орлова, 1895 г. издания. Он дает поименный перечень всех заведений, с указанием фамилии и звания владельца, местонахождения заведения, рода производства, суммы производства, числа рабочих, года основания заведения и его технического оборудования с указанием наличия парового двигателя.

³) В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 466.

⁴) Государственный архив Красноярского края (ГАКК), ф. 31, оп. 31, д. 101, лл. 1—86. (данные за 1887 г.); Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 3, оп. 18, д. 586, лл. 4—290 (данные за 1888 г.).

⁵) М. Бережников. Обзорные фабрично-заводской промышленности Амурской области в 1896 г. Записки Приамурского отдела ИРГО, т. III, вып. III, Хабаровск, 1898; Его же. Обзорные фабрично-заводской промышленности Приморской области в 1896 г. Записки Приамурского отдела ИРГО, т. IV, вып. II, Хабаровск, 1898.

⁶) С. П. Швецов. Частная обрабатывающая промышленность в Алтайском округе. Материалы по исследованию арендного хозяйства в Алтайском округе, т. I, Барнаул, 1896.

⁷) В дальнейшем — «Указатель...».

⁸) В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 462.

Во введении к «Указателю» П. Орлов справедливо отмечал: «... что же касается Кавказа, Сибири и Средне-Азиатских владений, то, сколько известно, такого издания, в котором была бы представлена более или менее полная картина состояния там обрабатывающей промышленности, до настоящего времени не появлялось. По этой причине настоящая книга, несмотря на приданный ей характер справочной, может служить впоследствии ценным материалом для будущего исследователя промышленного развития этих окраин»⁹⁾.

Сравнительные достоинства «Указателя...» П. Орлова не означают, что он не имеет недостатков. Во-первых, в «Указатель...» включены не только фабрики и заводы, а все относительно крупные предприятия с суммой производства не менее 2 тыс. руб. Во-вторых, «Указатель...» имеет неточности и неполноты, что выясняется при сопоставлении его с другими источниками. Но другого более полного и достоверного источника по истории обрабатывающей промышленности Сибири во второй половине XIX в. не имеется. Поэтому в основу исследования состояния обрабатывающей промышленности Сибири накануне строительства транссибирской железной дороги должен быть положен этот источник. Естественно, что при рассмотрении отдельных вопросов должны привлекаться также другие печатные и архивные источники.

По данным «Указателя...» в 1894 г. в обрабатывающей промышленности Сибири было 529 заведений (с суммой производства каждое не менее 2 тыс. руб.), с общей суммой производства 17217000 руб. и числом рабочих 8225 человек (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Губерния или область	Число заведений	Сумма произ-ва тыс. руб.	Число рабочих
Тобольская	191	6032	3266
Томская	136	4116	1947
Енисейская	65	2556	982
Иркутская	74	1676	1187
Забайкальская	28	1788	301
Амурская	20	794	184
Приморская	15	255	358

В общероссийском производстве сибирская обрабатывающая промышленность имела весьма малый удельный вес — 0,9% по сумме производства и 0,7% по числу рабочих. Но Сибирь по этим показателям все же превосходила такой район страны, как Средняя Азия¹⁰⁾.

Предприятия обрабатывающей промышленности территориально размещались в Сибири неравномерно. Большая часть этих предприятий находилась на территории Западной Сибири (Томская и Тобольская губернии), 327 заведений (63,6%), с суммой производства 8148 тыс. руб. и 5213 рабочими. На огромном Дальнем Востоке (Амурская и Приморская области) были лишь единичные предприятия (всего 35 заведений с суммой производства 1049 тыс. руб. и 542 рабочими)¹¹⁾.

⁹⁾ «Указатель...», стр. II.

¹⁰⁾ См.: «Указатель...», стр. 240.

¹¹⁾ «Указатель...», стр. XII. Здесь и далее подсчет наш (если специально не оговорено).

Вполне наглядно просматривается изменение числа заведений и размеров производства в губерниях, расположенных с запада на восток.

Таблица показывает общую закономерную тенденцию уменьшения числа заведений, суммы их производства и числа рабочих в губерниях, расположенных с запада на восток. Лишь в двух случаях можно отметить исключения: Забайкальская область по сумме производства незначительно превосходит расположенную западнее Иркутскую губернию, а Иркутская губерния превосходит Енисейскую губернию по числу рабочих. Это как раз те исключения, которые лишь подтверждают общее правило.

Отмеченная закономерность, на наш взгляд, объясняется тремя главными причинами. Во-первых, более ранним временем возникновения промышленности в Западных губерниях Сибири. Во-вторых, непосредственным воздействием на Томскую и особенно Тобольскую губернию экономически более развитых соседних уральских губерний. На востоке Сибири влияние уральских заводов было не столь значительным. В третьих, тем, что в Восточной Сибири развитие обрабатывающей промышленности замедлялось ростом золотопромышленности. Золотопромышленность и связанные с нею сферы хозяйства (поставки, извоз и т. д.) отвлекали от других отраслей промышленности основные капиталы, рабочую силу и т. д. В Западной Сибири, где золотопромышленность к концу XIX в. была слабо развита, ее влияние проявлялось в меньшей степени.

Отраслевое распределение обрабатывающей промышленности Сибири показано в нижеследующей таблице¹²⁾ (табл. 2).

Как видно из таблицы, по числу заведений на первом месте стояли кожевенное производство, производство пищевых продуктов, винокурение. По сумме производства впереди шли винокурение и обработка кож.

Общий профиль обрабатывающей промышленности Сибири отражал ее экономическую отсталость. Предприятия по обработке растительных продуктов (текстильное, лесопильное, кожевенное, винокурение и т. д.) давали 95,3% общей суммы производства обрабатывающей промышленности, а предприятия по обработке минеральных продуктов (обработка металлов, кирпичная и др.) — только 4,7%.

Ко времени проведения транссибирской железнодорожной магистрали в обрабатывающей промышленности Сибири преобладали капиталистические и раннекапиталистические формы производства (капиталистическая простая кооперация и мануфактура). Этот вывод уже не раз высказывался в литературе¹³⁾. Но он строился на локальном, недостаточно широком материале, а иногда высказывался априорно. Материалы «Указателя...» позволяют рассмотреть этот вопрос на широком, массовом материале и конкретизировать наше представление о нем.

Группируя предприятия по указанному В. И. Лениным принципу (признак фабрики — наличие в заведении парового двигателя и не менее 16 рабочих), мы насчитали в Сибири по «Указателю...» 24 фабрики, с общей суммой производства 1800 тыс. рублей и числом рабочих 1951 человек.

¹²⁾ См.: «Указатель...», стр. XII.

¹³⁾ См.: А. П. Бородавкин, Г. Х. Рабинович, Л. Г. Сухотила. Об особенностях развития капитализма в Сибири. Вопросы истории Сибири, вып. 2, Томск, 1966; В. И. Тужиков. Развитие капитализма в промышленности и рабочий класс Западной Сибири во второй половине XIX в. (1861—1891 гг.). Автореферат., Томск, 1964, стр. 12.

Первые фабрики в обрабатывающей промышленности Сибири возникли еще до проведения транссибирской железной дороги.

Встает вопрос: можно ли к этому времени отнести начало промышленного переворота в этих отраслях сибирской промышленности? Представляется, что в целом на этот вопрос следует ответить отрицательно.

Таблица 2

Отрасли производства	Число заведений	Сумма производства, тыс. руб.	Число рабочих
По обработке кож и овчин	179	2470	1483
По обработке питательных вкусовых продуктов	89	2790	1055
Винокуренные, пивоваренные, сахарные, табачные	86	9265	2010
По обработке сала и воска	76	943	456
Известковые, кирпичные, керамические	38	483	123
По обработке волокнистых веществ	18	546	983
Эксплазные и солевые	15	293	455
По обработке дерева	15	87	188
По обработке металлов	10	291	349
По обработке химических продуктов	3	49	76
Всего . . .	529	17217	8225

Прежде всего в этот период фабричные предприятия в Сибири представляли единичное спорадическое явление. В большинстве отраслей промышленности, в том числе наиболее значительных по сумме производства и числу рабочих, фабрик вообще не было (винокурение, кожевенное, салотопенное, кирпичное, свечное, мыловаренное, стеклянное, водочное, пивоваренное, войлочное, канатное, столярное, овчинное, маслостоловое, спичечное производство и др.). В других отраслях — фабрики были представлены одним — двумя заведениями. Исключение следует сделать лишь для мукомольной промышленности. До проведения дороги в этой отрасли возникло 13 фабрик. Кроме того, в 1894 г. существовало еще 10 мукомольных мельниц, оборудованных паровыми машинами (но число рабочих на них не достигало 16 человек). Почти все эти предприятия возникли или были оборудованы паровыми машинами в 80-х годах XIX в. Имеются основания для того, чтобы начало перехода от мануфактуры к фабрике в мукомольном производстве Сибири отнести к 80-м годам XIX в.

К моменту проведения железной дороги сибирская обрабатывающая промышленность была весьма слабо оснащена паровыми машинами. Из 529 учтенных в «Указателе...» заведений лишь 45 имели паровые

Таблица 3

№ п. п.	Владелец	Расположение	Род производства	Число паров. двиг.	Мощность паров. двиг., л. с.	Сумма производства, в тыс. руб.	Число рабочих
1	Андреев Я. П.	Тобольская губ.	сукошная	1	30	126	312
2	Карякин А. П. и Андреев П. А.	"	"	1	50	99	222
3	Т-во Щербаков и К ^о	"	бумажная	5	169	219	294
4	Т-во Курба- тов и Игна- тов	"	судоостронт. машиностр.	2	37	163	236
5	Гусев И. Г.	Енисейская губ.	свектоса- харная	?	?	?	200
6	Родюков А. Д.	Томская губ.	мукомольн.	1	10	111	60
7	Колмаков В. В.	Тобольская губ.	"	1	30	110	45
8	Смолин Д. И.	"	"	3	57	64	41
9	Соколов А. А.	Амурская обл.	"	1	30	165	41
10	Окулов И. П.	Енисейская губ.	"	1	16	65	24
11	Линд- гольм О. В.	Приморская обл.	"	1	30	51	16
12	Колмаков В. В.	Тобольская губ.	"	1	40	100	35
13	Текутьев А. И.	"	"	2	42	150	30
14	Родюков А. Д.	Томская губ.	"	1	16	100	30
15	Фуксман И. О.	"	"	1	10	53	35
16	Юкле- вский Т. Д. и Шарланмов	"	"	1	10	25	31
17	Ерофеевы бр.	"	"	1	12	23	30
18	Поротова А. И.	Иркутская губ.	солевар.	1	4	42	54
19	Бутины бр.	"	"	1	4	26	52
20	Тов-во Амур- ского паро- ходства	Амурская обл.	машиностр.	2	26	23	35
21	Львова М. И.	Амурская обл.	чугуно-ли- тейная	1	14	18	16
22	Пранг Ю. Р.	Томская губ.	содовое производст.	1	4	45	67
23	Волчихин В. А.	Тобольская губ.	мукомольн.	1	?	80	22
24	Балакшина и Ванюкова тов-во	"	паточное	2	19	4	2

двигатели. В этих заведениях была, по нашим подсчетам, 61 паровая машина общей мощностью 995 л. с. (неизвестна мощность паровых машин на 5 предприятиях). Естественно, что большая часть паровых машин находилась на фабриках (38 машин мощностью в 682 л. с.). (Табл. 3).

Все сибирские фабрики были небольшими как по объему производства, так и по числу рабочих. Фабрики, составляя 4,5% всех предприятий обрабатывающей промышленности, давали 10,4% общей суммы производства и занимали 23,6% всех рабочих¹⁴).

Большая часть фабрик была представлена в легкой промышленности, в обработке сельскохозяйственного сырья (мукомольное, суконное производство). Мукомольные мельницы в 1893/94 гг. давали свыше половины суммы производства всех фабричных предприятий Сибири. В числе фабрик было лишь три предприятия по обработке металла,

Все это свидетельствует о том, что в большинстве отраслей сибирской обрабатывающей промышленности широкий переход от мануфактуры к фабрике не начался до проведения железной дороги.

Обрабатывающая промышленность Сибири в 1894 г. была распыленной, хотя в городах, по нашему подсчету, находилось 294 промышленных заведений из 529 (свыше 57%), но города не стали еще в полном смысле центрами промышленности. В городах сосредоточивались преимущественно мелкие и мельчайшие промышленные заведения. Только в городах размещались крупные кирпичные, водочные, пивоваренные, экипажные, механические, столярные заведения.

Большая часть крупных заведений располагалась в сельской местности, приближаясь к источникам сырья. Предприятия, расположенные в сельской местности, давали продукции на 11040 тыс. руб., что составляло 55,2% общей суммы производства сибирской обрабатывающей промышленности. В сельской местности работало свыше половины рабочих (4587 человек), занятых на всех предприятиях этой отрасли.

Города не стали и центрами фабрично-заводской промышленности. Из 22 сибирских фабрик лишь 5 (к тому же не самых крупных) находилось в городах. Самые крупные предприятия обрабатывающей промышленности Сибири — суконные фабрики Андреева, бумажная фабрика Щербакова, судостроительный завод т-ва Курбатова и Игнатова, свеклосахарный завод И. Гусева, мукомольные А. Родюкова, В. Колмакова, Д. Смолина, большинство винокуренных заводов было построено в селах.

Концентрация производства в обрабатывающей промышленности Сибири была низкой. Это отмечал уже составитель «Указателя...» П. Орлов.

Группировка заведений по сумме производства дает следующую таблицу:

1	заведение имело производство свыше 1 млн. руб.
46	заведений имели производство от 100 тыс. руб. до 500 тыс. руб.
22	заведения имели производство от 50 тыс. руб. до 100 тыс. руб.
49	заведений имели производство от 25 тыс. руб. до 50 тыс. руб.
123	заведения имели производство от 10 тыс. руб. до 25 тыс. руб.
288	заведений имели производство менее 10 тыс. руб.

¹⁴ Нужно учитывать, что в действительности удельный вес фабрик в промышленном производстве Сибири был еще более низким, так как здесь широко были представлены докапиталистические формы производства (домашняя промышленность, ремесло, мелкое товарное производство). Часть предприятий с паровыми двигателями, имевшие не более 16 рабочих, не были фабриками.

Концентрация производства в обрабатывающей промышленности была относительно невысокой. Здесь насчитывалось лишь 15 заведений (в том числе 4 фабричных) с числом рабочих свыше 100 человек и на них было сконцентрировано 30,4% общего числа рабочих (2502 человека). По числу рабочих самым крупным предприятием была суконная фабрика Я. П. Андреева, около Тюмени (312 рабочих). Следует однако учитывать, что значительно большее число производителей было подчинено фабрике в качестве ее «придатка». Традиции мануфактурного производства, в частности связь рабочих с землей, еще в значительной степени довели над молодыми центрами крупного производства в Сибири.

По внутренней организации значительная часть капиталистических предприятий Сибири, не оборудованных паровыми двигателями, относилась к типу мануфактуры. В этом отношении характерно кожевенное производство особенно кожевенное производство Тобольской губернии. Тобольская губерния (в первую очередь Тюмень и Курган) была крупнейшим центром обработки кож в Сибири. По данным «Указателя...» здесь находилось 81 заведение по обработке кож с суммой производства 168½ тыс. руб. и числом рабочих 637 человек, что составляет по всем показателям свыше половины общесибирского производства.

Материалы «Указателя...» не дают сведений о внутренней организации мануфактурного производства. Однако, необходимые данные можно найти в других источниках. В частности, имеется довольно подробное и конкретное описание промышленных заведений Тобольской губернии, относящейся к несколько более раннему периоду. Поскольку и к 90-м годам эти кожевенные заведения не были оснащены паровыми машинами, имеются основания использовать эти материалы и для характеристики состояния кожевенной промышленности накануне строительства Сибирской железной дороги.

Вот описание нескольких самых крупных кожевенных заведений г. Тюмени. «Большинство кожевенных, как и других заводов, здесь не употребляют для своего действия силу пара, а обходятся или конным приводом, или посредством простого механизма, приводимого в движение ветром... На кожевенном заводе г. Колмагорова, занимающем семь деревянных корпусов (из них 2-двухэтажных), находятся 13 корыевых ветряных мельниц, одна корьерезная машина, четыре винтовых прессы, один водоподъемный насос и два промывальных барабана, действующих посредством конного привода, 256 чанов и четыре котла; рабочих на заводе под руководством одного мастера и двух подмастерьев, в 1875 г. работало 150 человек вольнонаемных из русских. На заводе г. Решетникова, занимающем семь деревянных корпусов, девять ветряных толчей, один водоподъем с конным приводом, 4 котла и 114 чанов; мастеровых — четыре человека и 75 чернорабочих. У г-жи Решетниковой действуют на заводе, помещающемся в 6 деревянных корпусах со службами, семь ветряных толчей и одна конная водокачка; чанов находится 14 и 3 котла; чернорабочих постоянно считается 50 человек и 25 временных под управлением одного мастера...»¹⁵).

Описанное производство, типичное для многих кожевенных предприятий Сибири, безусловно, характерно для мануфактуры.

Винокуренные заводы также не были оснащены паровыми машинами, но имели паровые котлы, применявшиеся лишь для подогрева браги. Механизмы заводов действовали в основном от конных приводов. Про-

¹⁵ Н. Юшков. Краткий очерк промышленности и торговли в Тобольской губернии. Б/г, б/м, стр. 2.

изводство на них было сезонное. Все это свидетельствует о том, что винокуренное в Сибири находилось также на стадии мануфактуры.

Большая часть мукомолен также представляла собой мануфактуры и приводилась в движение водяными колесами и конной тягой. На предприятиях существовало разделение труда.

Общую характеристику мукомолен мы находим у С. П. Швецова. Он писал: «Обыкновенно завод представляет собой более или менее обширное деревянное здание удлиненной формы, причем величина здания также не всегда соответствует размерам производства — в три—четыре этажа, не считая подвального, где расположены водяные колеса, устроенные склады муки, мешков и прочее. В первом этаже размещены в один или два ряда валцы; в остальных, соединенных с нижним системой элеваторов, щеточные, куклеотборные; самовейные машины, сита и прочее. Все эти машины соединены между собой сетью передаточных ремней, проходящих через все этажи, начиная с самого нижнего. В каждом этаже боковые стены имеют ряд окон и каждый должен быть соединен с другими этажами двумя лестницами — выходами... Крупчаточное производство — одно из самых опасных в пожарном отношении»¹⁶).

В значительной части мукомолен производство носило сезонный характер (число постоянных рабочих было ограниченным).

На Дальнем Востоке, хотя крупные мукомольные заведения начали создаваться с 80-х годов XIX в., но оборудование их первыми двигателями (что потребовало существенной перестройки этих заведений) проходило в основном в 90-х годах. Так, мукомольня купца Х. П. Тетюхова в Благовещенске, основанная в 1883 г., была переоборудована в 1892 г.

В 1896 г. стоимость оборудования амурских мельниц составляла, по данным владельцев, 562100 руб.¹⁷).

Характерно, что часть мукомольных предприятий Амурской области возникла под влиянием проекта проведения железной дороги, в ожидании благоприятной экономической конъюнктуры. М. Бережников писал о мукомольной промышленности в Амурской области. «...быстрый рост за последние годы его крупных представителей имел в значительной степени искусственный характер. С предполагаемым прохождением по области Сибирской железной дороги связывалось представление о чрезвычайном и всестороннем оживлении края. Ввиду этого некоторые предприимчивые люди захотели быть готовыми к ожидаемому изменению захолустных условий на новые и затратили свои капиталы на устройство промышленных заведений...»¹⁸).

Мануфактурная организация производства существовала и в спичечных заведениях. У купцов Я. В. Ершова (Тюмень), М. И. Минского (Томск) работа шла на ручных станках. Заведения объединяли вокруг себя целую сеть отделений и представляли рассеянную мануфактуру с разделением труда. Например, строганием спичечной соломки и приготовлением спичечных коробок занимались крестьяне расположенные близ заведения М. И. Минского деревень Каргалинской, Александровской, Астраханцевой и др.¹⁹). В этих заведениях широко применялся детский труд.

К мануфактурному производству должны быть отнесены все 8 спичечных и 3 фарфоро-фаянсовых заведений Сибири. Среди них были

¹⁶) С. П. Шевцов. Указ. соч., стр. 108.

¹⁷) М. Бережников. Указ. соч., стр. 33, 43.

¹⁸) М. Бережников. Указ. соч., стр. 45.

¹⁹) Н. Д. Путинцев. Статистический очерк Томской губернии. Самара, 192, стр. 67.

сравнительно крупные предприятия: Знаменский стекольный завод наследников Коновалова в Енисейской губернии (численность рабочих — 52 человека), стекольный завод братьев Меньшиковых в Тобольской губернии (110 рабочих), стекольный завод К^о Платонова в Томской губернии, фарфоро-фаянсовое заведение И. Д. Перевалова (Хайтинская фабрика) в Иркутской губернии (165 рабочих). Например, на Знаменском стекольном заводе (как и других) не было ни одного парового двигателя. Действовал 1 водяной двигатель в 4 л. с., 1 конный в 1 л. с. Завод был оборудован 1 плавильной и 2 закальными печами. Производство носило сезонный характер. Завод действовал с 1 октября по 1 мая. На мануфактуре применялся в основном детский и женский труд. В 1888 г. из 58 рабочих было 10 женщин и 32 малолетних до 15 лет²⁰).

Часть кирпичных заводов Сибири (О. В. Линдгольма и К^о во Владивостоке, Тифонтая в Хабаровске, К^о П. В. Михайлова и П. М. Иванецкого в Томске и др.) также являлись предприятиями типа мануфактуры. На этих предприятиях существовало определенное разделение труда (копка глины, формовка кирпичей, их отжиг и т. д.). В то же время здесь господствовал ручной труд. Один из современников оставил описание томских заводов. «Осматривал томские кирпичные заводы. Небольшая их часть расположена за чертой города по Иркутскому тракту. Все они принадлежат местным мещанам и устроены очень примитивно. Глину мнут рабочие собственными ногами, снимая исподнее платье; формовкою и правкою кирпичей (ручным способом) занимаются почти исключительно бабы. Кирпичи выходят большей частью неровные, неуклюжие. При ненастной погоде они очень медленно сохнут. К обжигу не могут приступить раньше августа»²¹).

Бережников также отмечал, что «формование кирпичей на заводах Приморской области делается исключительно ручным способом»²²).

Мануфактурой по существу являлось и Тельминское суконное заведение. В нем широко использовалось разделение труда и движущей силой были водяные колеса.

Таким образом, состояние техники и организация производства показывают, что во многих отраслях сибирской обрабатывающей промышленности накануне строительства железной дороги широко была представлена (а в некоторых отраслях и господствовала) мануфактурная форма производства.

Из 529 предприятий, учтенных в «Указателе...», 347 предприятий имели менее 10 рабочих. На этих предприятиях не могло в сколько-нибудь широких масштабах применяться разделение труда. Эти предприятия в своем большинстве представляли собой капиталистические мастерские, предприятия типа простой капиталистической кооперации. Имеющийся статистический материал не позволяет с полной определенностью выяснить удельный вес этой формы производства в сибирской промышленности. Многие сотни предприятий, применявшие в ограниченных размерах наемный труд, но не учтенные в «Указателе...», так как имели сумму годового производства менее 2 тыс. руб., относились к этой форме производства.

В «Указателе...» Орлова приведены сведения о времени основания 465 предприятий (время основания 64 предприятий не указано). Наш

²⁰) ГАКК, ф. 31, оп. 1, д. 101, л. 1.

²¹) В. М. Флоринский. Заметки и воспоминания. «Русская старина», 1906, № 5, стр. 293.

²²) М. Бережников. Указ. соч., стр. 119.

подсчет дал обобщенное представление о времени основания этих предприятий:

Число предприятий, основанных в XIX в.,	до 1861 г.	— 50
«	«	в 1861—1869 гг.— 73
«	«	в 1870—1879 гг.— 115
«	«	в 1880—1889 гг.— 184
«	«	в нач. 1890-х гг.— 36

Анализ этой таблицы показывает, что ко времени проведения транс-сибирской железной дороги продолжительность существования капиталистической обрабатывающей промышленности была невелика. Почти все предприятия, включаемые в «Указатель...», возникли в XIX в.

Три предприятия, возникшие в XVIII в., и большинство предприятий, время возникновения которых относится к дореволюционному времени, являлись кожевными, мануфактурами и мастерскими.

Капиталистическое производство по обработке кож, возникшее из городского ремесла и крестьянских промыслов в районе Тюмени и Кургана, имело наиболее глубокие традиции и до проведения железной дороги успешно выдерживало конкуренцию фабричной промышленности Европейской России. Одно из самых крупных заведений в Сибири — кожевенная мануфактура Ф. С. Колмогорова в Тюмени (сумма произ-ва 300 тыс. руб., число рабочих 160 человек) существовало более ста лет²³).

Огромное большинство предприятий, включенных в «Указатель...», возникло после реформы 1861 г. (412 предприятий, или 79,6%). Это в полной мере подтверждает вывод об огромном значении реформы не только для Европейской России, но и для Сибири. Реформа 1861 г. резко ускорила развитие обрабатывающей промышленности Сибири по капиталистическому пути.

Определенным этапом в развитии обрабатывающей промышленности Сибири были 80-е годы XIX в., когда за одно десятилетие возникло предприятий обрабатывающей промышленности почти столько же, сколько за два предшествующих десятилетия.

К пореформенному времени относится и возникновение в Сибири фабрично-заводских предприятий в обрабатывающей промышленности. Из названных в «Указателе...» 24 предприятий, которые можно отнести к числу фабрично-заводских (не считая винокуренных), все возникли после реформы 1861 г.²⁴). В пореформенный период возникли почти все винокуренные заводы Сибири.

«Указатель...» П. Орлова дает также определенный материал для изучения состава владельцев предприятий обрабатывающей промышленности — значительной части сибирской промышленно-торговой буржуазии.

Всего в «цензовой» обрабатывающей промышленности Сибири было по нашему подсчету, 434 владельца 529 заведений (42 предпринимателя владело двумя и более заведениями).

Состав предпринимателей отражал общее состояние обрабатывающей промышленности, степень зрелости капиталистических отношений. Форма участия хозяев в деятельности предприятий была различной.

В. И. Ленин соглашался с выдвинутым статистиком А. Исаевым определением формы участия хозяев в предприятии, характеризующим перерастание мелкого товарного производства в капиталистическое.

²³) «Указатель...», стр. 192.

²⁴) Время возникновения двух предприятий неизвестно. Мукомольня купцов Д. Смолина и К^о Юкляевского и Шарлаимова, возникшие соответственно в 1860 и 1864 гг., были оборудованы паровыми двигателями позднее.

А. Исаев писал: «Два—три работника дают хозяину столь небольшой излишек, что он работает наряду с ними... Пять работников уже дают хозяину столько, что он до известной степени освобождает себя от ручного труда... Коль скоро число наемных рабочих достигает 10 или превышает эту цифру, то хозяин не только оставляет ручной труд, но даже прекращает свой надзор за рабочими: он заводит главного мастера, наблюдающего над рабочими. Здесь он становится уже маленьким капиталистом...»²⁵).

Следовательно, в конкретном исследовании необходимо видеть грани, отделяющие так называемого «раннего буржуа», еще становящегося капиталистом, от действительных представителей класса буржуазии. В то же время, не забывая о качественном различии мелкотоварного и капиталистического производства, следует учитывать и переходные симбиозные формы промышленности, соединяющие в себе черты того и другого. Грани, отделяющие их, не неподвижны, не «абсолютны», а относительны, подвижны.

Основным критерием для выделения группы развитой промышленной буржуазии должна быть степень применения наемного труда.

Подходя с этим критерием к обрабатывающей промышленности Сибири в 1894 г., необходимо отметить, что лишь 182 заведения (из 529) имели свыше 10 рабочих. Примерно столько же человек из 434 хозяев могут быть отнесены, на наш взгляд, к группе зрелой буржуазии. Крупных заведений, в которых в полной мере проявляется полная противоположность между трудом и капиталом (с числом рабочих свыше 50 человек), было 37, а крупнейших (с числом рабочих более 100 человек) — 15.

По сословному положению большинство предпринимателей были купцами (172 человека), затем шли мещане (118), крестьяне (80), потомственные почетные граждане (33), дворяне (20). Промышленные заведения имели также 5 монастырей. Сословная принадлежность других владельцев неизвестна.

Купечество в составе сибирских предпринимателей-промышленников преобладало не только численно, но и экономически. Купцам принадлежали наиболее крупные и доходные предприятия (в винокурении, мукомольном, кожевенном производстве и т. д.). Можно отметить таких наиболее крупных купцов — промышленных предпринимателей, как П. А. Андреев, А. П. Корякин, А. Шербаков, И. М. Иваницкий, М. Б. Мариупольский, И. И. Колосов, Е. А. Жернаков, Н. А. Колеш, А. И. Туктеев, И. Г. Поляков, О. В. Линдгольм, Х. П. Тютчев, В. С. Косицин, И. И. Меньшиков, В. В. Колмаков, А. Д. Родюков, И. Л. Фуксман, В. А. Горохов, И. И. Федулов, Г. В. Грязнов, бр. Ерофеевы, В. Н. Вьюнов, Е. И. Королев. «Почетные граждане» примыкали к этой группе предпринимателей по своему происхождению и положению (Д. И. Смолен, И. Ф. Голдобин, В. А. Белоголовый, Ф. С. Колмагоров, И. И. Некрасов, И. Г. Гусев и др.).

Рост классовой дифференциации в среде сибирского крестьянства приводил к выделению крестьянской буржуазии, занимающейся и промышленным предпринимательством. Конечно, размеры промышленного предпринимательства сельской буржуазной верхушки были значительно большими, чем это можно проследить по «Указателю...» П. Орлова (80 крестьян-предпринимателей). Как указывалось выше, в «Указателе...» учтены лишь заведения с суммой годового производства не менее

²⁵) См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 355—356.

2 тыс. руб. Следовательно, здесь речь идет лишь об относительно крупном крестьянском предпринимательстве.

Больше всего предприятий, принадлежащих крестьянам, было в салотопенном, кожевенном, мукомольном производстве. Почти все эти предприятия были расположены в деревне.

В ряде отраслей производства (винокурение, кирпичное, механическое, лесопильное и т. д.), требующих сравнительно крупных капиталных вложений или расположенных преимущественно в городах, крестьян-предпринимателей не было вовсе. Предприятия, принадлежащие крестьянам, имели очень малые размеры производства (обычно сумма годового производства составляла 2 тыс. руб.). Можно отметить лишь несколько крестьян, владеющих предприятиями с суммой производства, превышавшей 10 тыс. руб. — это семья Ядришниковых в Ялutorовском уезде Тобольской губернии (овчинное производство), А. М. Карманов из д. Семенового того же уезда (мукомольное производство) и др.

Но в целом крестьянское промышленное предпринимательство значительно еще уступало купеческому.

Мещане владели преимущественно мелкими и средними заведениями в городах Сибири (кирпичное, кожевенное, мыловаренное, столярное, канатное производство).

Дворянское предпринимательство в обрабатывающей промышленности Сибири было очень ограниченным. Это объясняется прежде всего историческими условиями. В Сибири, по существу, не было помещичьего землевладения и очень мало было дворян... Прибывшие в Сибирь в качестве чиновников дворяне обычно здесь долго не задерживались и уезжали вновь в Европейскую Россию. Крупные помещики, жившие в Европейской России и занимавшиеся в Сибири предпринимательством, предпочитали вкладывать свои капиталы в золотопромышленность, сулящую миллионные доходы и быстрое обогащение.

Можно отметить лишь несколько крупных предпринимателей-дворян в обрабатывающей промышленности Сибири. Среди них наследники А. Ф. Поклевского — Козелл, И. К. Платонов — советник бывшего Алтайского горного правления²⁶). Платонов был владельцем винокуренного, мукомольного, стекольного заводов на Алтае. Винокурными заводчиками были также И. И. Андроновский и Давыдовская. Дворянке Ю. А. Пранг принадлежал содовый завод в районе Барнаула.

Остальные предприниматели-дворяне, владельцы мелких заведений в городах, были мелкими чиновниками или ссыльными участниками польских восстаний, осевшими в Сибири.

Монастырское предпринимательство ограничивалось 4 заведениями по производству восковых свечей (общая сумма производства 149 тыс. руб., число рабочих 163 человека) и 1 саловаренным предприятием (сумма производства 33 тыс. руб., 26 рабочих).

Иностранный капитал до проведения Сибирской железной дороги не играл большой роли в экономической жизни Сибири вообще и в частности, в ее обрабатывающей промышленности. По данным «Указателя...» П. Орлова, в 1894 г. в Сибири насчитывалось всего 8 предпринимателей-промышленников иностранных подданных. Эти данные несколько преуменьшены. В «Указатель...» по неизвестной причине не попали довольно значительные механические заведения английских подданных Вардроппер и Гулетт в Тюмени²⁷). Но в целом и в этом отношении «Указатель...» П. Орлова дает верную картину.

²⁶) С. П. Швецов. Указ. Соч., стр. 57.

²⁷) См. об этом «Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1895 г.» (в дальнейшем СПТК), Томск, 1894, стр. 88.

Сумма производства всех обрабатывающих предприятий, принадлежащих иностранцам, составляла в 1894 г. 179 тыс. руб., а численность рабочих 217 человек (соответственно 1% и 2,5% от общесибирских показателей).

До строительства сибирской железной дороги нет оснований говорить о ввозе иностранного капитала в Сибирь, в точном смысле этого понятия. Это был не ввоз капиталов, а миграция капиталов. Иностранцы-капиталисты, а чаще люди без капиталов — технические специалисты — переселялись в Сибирь и открывали мелкие предприятия. Из числа капиталистов-иностранцев, владельцев промышленных предприятий в Сибири, можно отметить лишь двух крупных — шведского подданного О. В. Линдгольма и китайца Тифонтая. Основные капиталы этих предпринимателей были сосредоточены в сфере торговли, а не промышленности.

Вообще в сфере торговли иностранный капитал еще до проведения сибирской железной дороги играл (особенно на Дальнем Востоке) существенную роль.

Формы организации капитала в сибирской обрабатывающей промышленности соответствовали той стадии капиталистического развития, на которой она находилась.

В Сибири преобладали единоличные владельцы предприятий (из 529 предприятий 506 принадлежало отдельным, единоличным капиталистам). Предприятий, принадлежащих акционерным обществам, не было ни одного. 7 предприятий принадлежало торговым домам (бр. Злоказовых, Ерофеевых и др.). Еще 16 заведений находились во владении компаний и товариществ (главным образом семейных). Наиболее крупные предприятия были собственностью торговых домов, компаний и товариществ (К^о В. В. Колмакова, Е. Королева и Каймановича, Курбатова и Игнатова, т-ва Амурского пароходства, т-ва Щербакова и др.). В общей сложности 18 объединениям капиталистов в сибирской обрабатывающей промышленности принадлежало 23 заведения с общей суммой производства 2622 тыс. руб. и численностью рабочих 1427 человек. На этих предприятиях было занято менее 20% рабочих и они давали менее 20% стоимости продукции.

Следовательно, уровень концентрации и централизации капитала в сибирской обрабатывающей промышленности в 1894 г. был невысоким. Здесь господствовали архаичные формы организации капитала.

В научной исторической литературе уже отмечалась тесная связь торгового капитала с промышленным в ведущей отрасли сибирской промышленности — золотопромышленности²⁸). В обрабатывающей промышленности Сибири эта связь с торговым капиталом прослеживается не менее четко. Это не случайно: широкое развитие мелкотоварных и мануфактурных форм производства неизбежно и закономерно обусловили подчинение обрабатывающей промышленности торговому капиталу.

Рассмотрение под этим углом зрения состава владельцев предприятий обрабатывающей промышленности по отдельным отраслям производства наглядно раскрывает эту связь.

Винокурение. Все винокуренные заводчики Сибири были одновременно виноторговцами. Крупнейший винокуренный заводчик И. Ф. Гол-

²⁸) См.: Г. Х. Рабинович. Из истории золотопромышленности Енисейской губернии конца XIX в. Вопросы истории Сибири, вып. 1, Томск, 1964, стр. 66—79.

добин был и виноторговцем и хлеботорговцем в Забайкалье, где он в течение многих лет вел жестокую конкурентную борьбу с М. Д. Бутиным²⁹⁾. У иркутского винокуренного заводчика и владельца Тельминской мануфактуры В. А. Белоголового (наследника купца В. О. Останина) большая часть капиталов была вложена в торговлю. Енисейские винокуренные заводчики В. М. Харченко, А. С. Баландин, наследники Ярилова, О. А. Данилов, И. И. Некрасов и др. владели золотыми приисками, вели обширную торговлю в губернии, осуществляли поставки на прииски спирта, хлеба и других товаров³⁰⁾.

Крупнейшим торговцем, педущим торговлю по всей Сибири и на Урале (главным образом — виноторговлю) был А. Ф. Поклевский-Козелл (Поклевский-Козелло). С 1883 г. он, а позднее его наследники были владельцами крупного Падунского винокуренного завода в Тобольской губернии, второго по производительности в Сибири.

Винокуренные заводчики Тобольской губернии купцы 1-й гильдии братья Злоказовы, А. П. Щербаков и другие вели широкую торговлю разными товарами (вином, мануфактурой, стеклянными изделиями, бумагой и т. д.) в Тюмени, Кургане, Тобольске, Ялуторовске, Томске, Семипалатинске и во многих селах Томской и Тобольской губерний³¹⁾.

К крупнейшим винокуреным заводчиками Томской губернии относились купцы Евграф Королев (два завода), В. Н. Вытнов, торговый дом бр. Ерофеевых, компания дворянина И. К. Платонова (два завода в Бийском округе).

Евграф Королев, член основанного в 1883 г. «Ростовского товарищества виноторговли» с основным капиталом 135470 руб. считался первым богачом г. Томска. Его основные капиталы были вложены в торговлю и, частично, в городскую недвижимость. Историк И. Лясоцкий отмечал, что «Евграф Королев всю жизнь занимался ростовщицеством, давая деньги под залог недвижимости, почему после его смерти осталось более трех десятков домов в разных местах города». Е. Королеву в Томске принадлежали крупные земельные участки. Одна из частей города так и называлась «Королевка». Валовые доходы Е. Королева в 80-х годах превышали 1,5 млн. руб. в год³²⁾.

Одна из наиболее старых торгово-промышленных «фирм» Западной Сибири торговый дом братьев Ерофеевых десятки лет соединяла торговлю с промышленностью. Владея винокуреным, пивоваренным, водочным, крупчаточным заведениями, именем «Лесное» близ г. Каинска (где находилась их главная контора), Ерофеевы в то же время вели оптовую и розничную торговлю самыми различными товарами в городах Каинске, Колывани, Омске, Барнауле, Таре и в округах Томской губернии. Личное состояние Ерофеевых оценивалось в несколько миллионов рублей³³⁾.

Дворянин И. Е. Платонов, владея винокуреными, стекольным и крупчаточным заведениями и пароходствами, в крупных размерах вел виноторговлю и хлебную торговлю на Алтае. Он был одним из руководителей известной «стачки» виноторговцев Западной Сибири в 80-х го-

²⁹⁾ Администрация по делам торгового дома нерчинских купцов братьев Бутиных. М., 1892, ч. I, стр. 32.

³⁰⁾ Г. Х. Рабинович. Указ. соч., стр. 74; М. К. Одинцова. Из истории промышленного капитализма в Сибири. Известия ВСРГО, т. LIII, Иркутск, 1928, стр. 89.

³¹⁾ ГАТО, ф. 150, оп. 1, д. 527, лл. 190—191; СПТК, 1795, стр. 88.

³²⁾ И. Лясоцкий. Прошлое Томска в названии его улиц. Томск, 1954, стр. 24.

³³⁾ СПТК, на 1896 г. Реклама; ГАТО, ф. 196, оп. 6, д. 92, л. 156; В. Винкевич. Описание хозяйства г. Ерофеева близ г. Каинска. Труды Томского отдела Московского сельскохозяйственного общества, 1896, т. 1, стр. 1—5.

дах XIX в. Крупными торговцами были такие винокуренные заводчики, как купцы Чердынцев, Пастухов, Искров и др.

Винокурение давало в 1894 г. свыше половины всей суммы производства сибирской обрабатывающей промышленности. Поэтому приведенные данные, характеризующие его связь с торговым капиталом, в значительной степени отражают общее положение в сибирской обрабатывающей промышленности.

Мукомольное производство. Это производство в 1894 г. дало продукции на 2686 тыс. руб. и занимало по сумме производства второе место в обрабатывающей промышленности Сибири после винокурения. Здесь также рельефно, как и в винокурении, прослеживается теснейшая связь торгового капитала с промышленным.

На Дальнем Востоке (Приморье и Приамурье) самыми крупными мукомолами были купцы А. А. Соколов, В. В. Косицин, Х. П. Тетюков, О. В. Линдгольм. О. В. Линдгольм владел также кирпичным заводом, брал подряды казны и вел оптово-розничную торговлю мукой³⁴). Х. Тетюков помимо мукомольного производства занимался золотопромышленностью (на его приисках Приморского г. о. за период с 1871 по 1896 год было добыто 175 пуд. 39 фунт. золота) и торговлей³⁵). Торговый дом бр. Косициных был одним из самых крупных капиталистических предприятий Дальнего Востока, действовал в самых различных сферах хозяйства (мукомольное дело, парохозяйство, но главным образом торговля). В начале 900-х годов капитал фирмы достигал 0,8 млн. руб.³⁶).

Крупные тобольские мукомолы купцы 1-й гильдии Д. И. Смолин, В. В. Колмаков, А. И. Текутьев и другие в широких масштабах вели торговлю сельскохозяйственными товарами (хлебом, шерстью, маслом, мясом, салом).

В другом крупном районе мукомольного производства Томской губернии эта отрасль находилась в руках главным образом купцов-первогильдейцев А. Д. Родюкова, Е. А. Жернакова, И. Л. Фуксмана, В. А. Горохова, бр. Ерофеевых и др. Томский купец А. Д. Родюков занимался также золотопромышленностью и торговлей приисковыми товарами, а его брат — участник «дела» Н. Д. Родюков — держал в экономической зависимости огромный Нарымский край, снабжая его мукой и владея рыбными промыслами на Оби³⁷).

Колыванский купец Е. А. Жернаков владел не только промышленными заведениями (крупчаточным, свечным, мыловаренным), но и вел универсальную постоянную торговлю в городах Иркутске, Колывани, Барнауле, Тюмени, Томске и в селах: Спиринском, Крутихинском, Камень, Волчинском, Елизаветинской мельнице. Ему принадлежало также 4 парохода (мощностью в 415 л. с.), плававших на Оби³⁸). И. Г. Фуксман владел винокурением, крупчаточным, конным заводами, вкладывал также значительные капиталы в золотопромышленность и вел обширную торговлю в г. Томске и округе³⁹). Другие владельцы мукомолы также в той или иной форме вкладывали капитал в торговлю.

³⁴) М. Бе'reжников. Указ. соч., стр. 35—38.

³⁵) Л. Л. Тове и В. Д. Рязанов. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Приморской области. Т. I. СПб., 1902, стр. 4—5. Приложения.

³⁶) Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока (ЦГА РСФСР ДВ), ф. 755, оп. 2, д. 904, л. 1.

³⁷) СТПК, на 1896 г. Реклама.

³⁸) СТПК на 1896 г., стр. 158. Реклама.

³⁹) ГАТО, ф. 426, оп. 1, д. 93, лл. 44—45; И. Фуксман. Краткий обзор хозяйства томского купца И. Л. Фуксмана. Труды Томского отдела Московского сельскохозяйственного общества, т. I, 1896, стр. 2—5.

В **кожевенном** производстве крупный читинский предприниматель, купец 1-й гильдии И. А. Колеш вел торговлю мануфактурой, швейными машинами, табаком, сахаром, чаем, керосином, жировыми и другими товарами в Чите, Благовещенском, многих селах Забайкалья и сплавом по р. Амуру. Кроме того, он имел контору комиссионерства и транспортировки грузов⁴⁰). Крупную торговлю вели (в частности, на Ирбитской и Никольской ярмарках) тюменские кожевенные промышленники Ф. С. Колмогоров, И. Е. Решетников, А. П. Кочнев и др.

В других отраслях обрабатывающей промышленности Сибири (текстильная, стекольная, салотопенная и др.) наблюдалась вполне аналогичная картина. Это тем более показательно, потому что владельцами самых крупных предприятий в этих отраслях были выше названные В. А. Белоголовый, Л. П. Андреев, А. Щербаков, Д. И. Смолин, И. Ф. Галдобин, бр. Злоказовы, Платонов и т. д.

Материалы «Указателя...» П. Орлова и многие другие источники свидетельствуют о том, что в экономике Сибири накануне проведения железной дороги значительную роль играли своеобразные торгово-промышленные комплексы. Целый ряд предпринимателей владел одновременно несколькими предприятиями в различных отраслях промышленности. Центром такого «комплекса», как правило, было торговое «дело». Из таких капиталистов нужно отметить И. Голдобина (4 предприятия в обрабатывающей промышленности и торговля), бр. Ерофеевых, Е. Жернакова, И. Колеш, В. Колмакова, А. Белоголового, М. Гусеву, М. Бутина и др.

Историк И. Н. Козьмин один из первых обративший внимание на эту особенность сибирской промышленности, в целом правильно объяснял появление таких комплексов, которые он называл «торгово-промышленными комбинациями» значительной разницей в нормах прибыли для промышленности (кроме золотопромышленности) и торговли. И. Н. Козьмин писал: «Подряды и поставки были основой торгового благополучия сибирского купечества. Наиболее доходным видом поставок были хлебные операции. Купечество снабжало хлебом казенные заводы, провиантские магазины, войска, тюрьмы, больницы. Оно же поставляло хлеб на прииска. Одновременно оно брало поставки мяса, сена, дров, строительных материалов и т. д. Располагая запасами товаров и некоторым количеством наличных денег, купец-поставщик мог «задавывать» под скот, хлеб, дрова, лес и пр. и мануфактуру и бакалею и в нужный момент «выручать» сельского хозяина небольшой денежной ссудой, обычно под тот же хлеб, лес, скот и др. сельскохозяйственные продукты.

Ясно, что такому подрядчику было выгодно иметь собственные мельницы, лесопильный завод, кирпичные «саран», снимать у казны или у крестьян сенокосы и заводить скотопромышленную экономию. Большие партии хлеба, проходившие через руки, и поставки спирта и водки приводили, помимо особых выгод, доставляемых виноторговлей, к постройке винокуренных заводов. Необходимость передвигать большие партии поставляемых продуктов, товаров и, пр. вела к овладению средствами транспорта. Поставщик, подрядчик должен был располагать уверенностью в возможности срочного выполнения подряда. Поэтому он должен был или срочно держать в своем распоряжении крестьянский обоз на определенных участках или иметь обоз собственный. Ряд видных сибирских купцов был представлен «ямщиками». С 60-х годов сибирские

⁴⁰) СТПК на 1896 г. Реклама.

купицы заводят свои пароходы. Тем же порядком возникают кожевенные, мыловаренные, свечные заводы. Купец делался участником во владении или владельцем золотых приисков, которые он обслуживал поставками. Наконец, стало возможным появление в составе комбината железнодорожных заводов и суконных фабрик.

При наличии такого комбината капитал, не будучи абсолютно великим, все время обращался, не выходя из пределов одного торгово-промышленного предприятия, непрерывно нарастал. Вместе с тем убыток в одной части предприятия компенсировался прибылями по другому, причем было всегда в наличии какое-либо, находившееся в особо благоприятном финансовом положении, дело. Если оно не возникало естественно, владелец добивался для какой-либо части комбината казенной субсидии, как имеющей «государственное значение» или «общий интерес». «Это был почти трафарет»⁴¹).

Эти торгово-промышленные комплексы требуют специального глубокого изучения.

Если капитал в сибирской обрабатывающей промышленности всегда был связан с торгово-ростовщическим капиталом, то торгово-ростовщический капитал далеко не всегда был связан с капиталом, вложенным в обрабатывающую промышленность. В «Указателе...» П. Орлова мы не находим фамилий многих крупных сибирских капиталистов. Это не случайно. Основные капиталы сибирской буржуазии были вложены не в обрабатывающую промышленность, а в золотопромышленность, торговлю, транспорт, ростовщичество. Именно поэтому в «Указателе...» П. Орлова не названы такие крупные сибирские капиталисты, как В. И. Асташев, В. Базанов, В. И. Базилевский, И. А. Басов, Ю. И. Бринер, А. Ф. Второв, С. А. Востротин, И. Г. Гадалов, Г. О. Гинцбург, Н. Е. Глозов, А. И. Громова, В. В. Дикман, А. А. Дьячков, Ельцов, А. П. Кузнецов, торговый дом «Кунст и Альберс», Е. Кухтерин, В. М. Лукин, А. Е. Морозова, А. Я. Немчинов, М. Д. Плотников, В. Ф. Плюсин, В. А. Ратьков-Рожнов, В. Н. Сабашников, А. М. Сибиряков, И. Д. Стахеев, К. Трапезников, Я. Д. Фризер, И. Хаминнов, И. Чурин и др.

Преобладание торгово-ростовщического капитала тормозило развитие обрабатывающей промышленности Сибири. Знаток экономического быта Забайкалья конца XIX в. В. В. Птицын, объясняя причины слабого развития в этом районе промышленности, писал: «...главное, почти невозможно достать кредит для осуществления хотя бы и самого зерного и надежного промышленного предприятия, но не обещающего быстрого обогащения, тогда как на добывание золота даже самые осторожные и самые жадные и корыстолюбивые восточносибирские ростовщики, как в прежние годы Хаминнов, Базанов, а позже известные братья Подлецовы, прозванные за свою алчность и неумолимость к своим жертвам братьями-разбойниками, Тельных, Родионов, знаменитый Апполон Дьячков и другие ростовщики, охотно ссужают предпринимателей-золотопромышленников крупными ссудами, хотя и за огромные проценты. Таковая установившаяся вековая практика, таковы и традиции»⁴²).

На материале обрабатывающей промышленности Сибири накануне проведения транссибирской железной дороги вполне подтверждается вывод В. И. Ленина о том, что «слабое развитие промышленного капи-

⁴¹) Н. Н. Козьмин. История сибирской промышленности и ее изучение. Известия ВСОРГО, т. LIII, Иркутск, 1928, стр. 82—83.

⁴²) В. В. Птицын. Селенгинская Даурия, СПб., 1896, стр. 76.

тала означает лишь громадное развитие торгового и ростовщического капитала»⁴³).

Таким образом, рассмотрение состояния обрабатывающей промышленности Сибири накануне строительства транссибирской железной дороги показывает, что в ней господствующее положение занимало мануфактурное производство и широко было представлено мелотоварное производство. Число фабрик было невелико. Лишь в некоторых отраслях обрабатывающей промышленности можно отметить первые шаги промышленного переворота. Представляя из себя в основном сферу купеческого предпринимательства, обрабатывающая промышленность не являлась главным полем приложения капиталов сибирской буржуазии. Как и в золотопромышленности, в обрабатывающей промышленности Сибири вполне прослеживается связь промышленного капитала с торгово-ростовщическим и подчинение первого второму. Торгово-ростовщический капитал тормозил развитие обрабатывающей промышленности Сибири. Архаичные организационные формы капитала вполне соответствовали общему уровню ее развития.

⁴³) В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 439, примечание.

**СИБИРСКИЕ ОБЛАСТНИКИ НА СЛЕДСТВИИ
И СУДЕ В 1865—1868 гг.****М. Г. СЕСЮНИНА**

21 мая 1865 г. в Омском кадетском корпусе у воспитанника А. Самсонова на вечернем осмотре при случайных обстоятельствах была обнаружена рукописная прокламация «Патриотам Сибири». Ознакомившись с ней, начальство корпуса всполошилось. В этой прокламации содержался призыв к подготовке восстания с целью отделения Сибири от России, «сибирские патриоты» (без конкретного указания классов и сословий) призывались к организации войны за независимость. На следующий день директор корпуса генерал-лейтенант Линден представил обнаруженную прокламацию председательствующему в Совете Главного управления Западной Сибири генерал-лейтенанту Панову.

От Самсонова узнали, что прокламация была отобрана им у воспитанника этого же корпуса Гавриила Усова, который случайно «отыскал ее в ноябре 1864 г. на квартире братьев своих» (Федора и Григория) и позднее принес в корпус¹⁾ У Ф. Усова немедленно произвели обыск, обнаруживший из корреспонденции связи его с Потаниным, Ядринцевым и Шайтановым. Сразу же была создана специальная следственная комиссия. Она развила активную деятельность по выявлению лиц, по ее мнению, причастных к созданному «делу». Ему был придан характер злонамеренных действий, направленных «на ниспровержение существующего в Сибири порядка управления и к отделению ее от империи». Комиссия удачно воспользовалась болтливостью Григория Усова, давшего комиссии повод к арестам. Он в страхе за себя тотчас после обыска назвал большое число лиц, якобы со слов Ядринцева сочувствующих идее отделения, назвал тех, кто, по его мнению, находился под влиянием как Ядринцева, так и Потанина, кто знал о существовании прокламации (ее авторство приписал первому) и знаком был с ее содержанием²⁾.

Первыми, кто попытался рассказать о «деле», были главные участники его — С. С. Шашков и Н. М. Ядринцев. Они писали о нем, находясь буквально на пороге смерти, когда скрывать что-либо и извращать сущность событий, из-за которых им пришлось столько перенести в жизни (в частности, Шашков в ссылке заболел неизлечимым недугом), не было смысла.

С. С. Шашкову принадлежит статья «Курьезное дело», запрещенная цензурой (увидела свет лишь в 1910 г.). Название статьи не случайно, в нем уже выражена оценка «дела» Шашковым. Он прямо его

¹⁾ Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 109, 1 эксп., 1865 г., д. 196, л. 39.

²⁾ Там же, лл. 32, 52—56.

характеризует, как «превращение мухи в слона». С горькой иронией он писал, что фантазия трех-четырех юношей показалась «новым жирондом народovým»... и «впопыхах, с испугу был сочинен «заговор», да еще военный»³⁾).

Ядринцев писал, что повод и начало дела уже дают представление о его случайности и преувеличенности. Он утверждал, что «дело было не столько в определенно задуманном намерении (отделить Сибирь.— М. С.), сколько в обвинении, которое стремилось навязать это намерение... Следствие велось пристрастно, и комиссия старалась установить обвинение во что бы то ни стало, связывая лиц, часто совсем незнакомых, или придавая товарищескому знакомству вид заговора» (мы вполне согласны с таким определением действий комиссии.— М. С.). Он справедливо подытоживал: «В данную минуту не могло быть опасности от детей и юношей, составлявших общение, но не заговор»⁴⁾.

Возвращаясь не раз к оценке «дела», Потанин также подчеркивал, что суровую кару они потерпели «исключительно за одну свою любовь (к Сибири.— М. С.), выразившуюся в одних только помыслах»⁵⁾. В своих «Воспоминаниях» он писал: «Мы никакой организации для пропаганды наших идей (об отделении Сибири.— М. С.) не основывали и систематической пропагандой в окружающем обществе не занимались, но мнения свои при случае высказывали вполне откровенно и с некоторым задором, что вполне понятно ввиду нашей тогдашней молодости»⁶⁾.

В дореволюционной литературе оценка «дела» дана весьма немногими авторами, которые выражали то же мнение, что и сами областники. Так, А. Н. Пыпин в некрологе, посвященном Н. М. Ядринцеву, называл это дело «очень странным, если вспомнить, что обвинение направлялось против трех-четырех юношей, виновных только в идеалистических мечтаниях, какими они делились между собой, и если представить себе абсолютную неисполнимость этих мечтаний»⁷⁾. С ним совершенно согласен М. Лемке⁸⁾. Д. Клеменц и И. И. Попов, бывшие с Потаниным и Ядринцевым в весьма близких отношениях (первого связывали с ними научные интересы и участие в «Восточном обозрении», второй после нескольких лет знакомства с областниками стал с 1894 г. издателем и редактором этой газеты), выражали мнение о преувеличенности «дела». Д. Клеменц писал в статье, посвященной 70-летию Г. Н. Потанина, что арестованные были подведены «под обух сепаратизма». И. И. Попов, отмечая 80-летие Потанина, утверждал, что областники были осуждены без всяких оснований, так как занимались лишь «культурной работой, отыскиванием талантливых сибиряков, научными исследованиями, учеными экскурсиями и т. п.»⁹⁾.

Возможность ознакомления со следственными материалами по «делу сибирского сепаратизма» появилась лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. В связи с тем, что исследовалась незначительная часть материалов следствия и они не подвергались критическому осмыслению в совокупности с другими документами, это не давало возможности представить «дело» во всех его аспектах и с доста-

³⁾ «Сибирские вопросы», 1910, кн. 10—11, стр. 33—49.

⁴⁾ Ядринцев. К моей автобиографии. «Русская мысль», 1904, № 6, стр. 154—156.

⁵⁾ Нужды Сибири. Сб. «Сибирь, ее современное состояние и ее нужды». СПб., 1908, стр. 273.

⁶⁾ «Сибирская жизнь», 1914, № 23.

⁷⁾ «Вестник Европы», 1894, № 7, стр. 445.

⁸⁾ М. Лемке. Николай Михайлович Ядринцев. СПб., 1904, стр. 70.

⁹⁾ «Русское богатство», 1905, № 9, стр. 183—188; «Голос минувшего», 1915, № 1, стр. 294—297.

точным основанием и полностью оценить его. Кроме того, поскольку привлеченные к следствию должны были нести ответственность за свою деятельность, предшествующую аресту, невозможно судить о истинной сущности «дела», анализировать его материалы без выяснения характера их деятельности. Таких специальных исследований раннего сибирского областничества с привлечением достаточного объема архивных документов, мемуарной литературы, с критическим осмыслением как вышеуказанных источников, так и исследований, в той или иной степени касающихся областничества XIX в., не было вплоть до 50—60-х годов. Но при таких неблагоприятных для объективной оценки «дела» обстоятельствах В. Вегман, Н. Чужак, П. Пиксанов и др. высказывали уже в 20-х годах предположения, которые представляются нам верными.

В. Вегман считал, что «досужие мечты небольшой группы пылких юношей не на шутку испугали сибирских сатрапов, которые дело, по существу смехотворное, раздули в крупный политический заговор». Н. Чужак, правильно отмечая явно либералистские подходы областников к разрешению социально-политической проблемы, назвал возбужденное дело «достаточно нелепым». Он справедливо оценил и деятельность областников накануне ареста как сугубо культурническую. Н. Пиксанов признавал, что процесс «сибирских сепаратистов», был тенденциозно преувеличен¹⁰⁾.

Г. Круссер, опубликовав архивные материалы, случайно найденные и спасенные в Омске и представляющие лишь весьма незначительную часть материалов следствия по делу, ограничился ими при написании своих работ¹¹⁾. В них, на наш взгляд, он преувеличил возможности и усилия областников в отношении воплощения в жизнь в момент ареста идеи отделения Сибири от России.

М. А. Гудошников, полемизируя с Г. Круссером, писал, что «при ближайшем знакомстве с делом никакого сепаратизма не оказалось...»¹²⁾. Это выражение М. Гудошникова следует рассматривать как отказ признать активную деятельность областников по организации мер к отделению Сибири. Но наличие этой идеи у областников не отрицалось М. Гудошниковым, об этом он прямо писал позже, давая анализ общественно-политических взглядов Н. М. Ядринцева и правильно вскрывая основу решения им любого вопроса во всей его деятельности: обязательное противопоставление Сибири России¹³⁾.

Случайность и необоснованность возникшего процесса областников, отсутствие в нем революционного характера отмечает в своем исследовании А. П. Бородавкин¹⁴⁾. До 1960-х годов в разрез с мнением авторов, считавших «дело» явно преувеличенным и отмечавших отсутствие в нем революционного характера, шли только выводы А. Шилова и В. А. Обручева. Первый объяснял внимание к «делу» революционным оттенком «сибирского патриотизма», считал достоверным существование тайного

¹⁰⁾ В. Вегман. Эпизод из жизни А. П. Шапова. «Сибирские огни», 1926, № 1—2, стр. 138; Н. Чужак. Ссылка и областничество. «Сибирская ссылка», 1927, стр. 52—53; Н. К. Пиксанов. Областные культурные гнезда. М.—Л., 1928, стр. 32.

¹¹⁾ Г. Круссер. Сибирское областничество по данным следственной комиссии 1865 г. Известия Западно-Сибирского отдела русского географического общества, т. IV, Омск, 1924—1925 гг., т. V, 1925—1926 гг.; Он же. Сибирские областники. Новосибирск, 1931.

¹²⁾ М. Гудошников. Классовая природа областничества. «Будущая Сибирь», 1931, № 1.

¹³⁾ М. А. Гудошников. Общественно-политические взгляды Н. М. Ядринцева. Кандидатская диссертация. Иркутск, 1941.

¹⁴⁾ А. П. Бородавкин. Публицист С. С. Шашков и его исторические взгляды. Кандидатская диссертация. Томск, 1950.

общества областников, ставившего целью провести революционное восстание. Это якобы вполне оформившееся общество «Независимости Сибири». А. Шилов рассматривал «дело» как звено к цепи революционных событий 1860-х годов, сепаратистские намерения областников выдвигались им за вполне закономерные и оправдывались местными особенностями Сибири. Никаких веских аргументов и доказательств в подтверждение этих выводов А. Шилов не приводил, ограничившись главным образом содержанием прокламаций и некоторыми материалами из «дела»¹⁵).

Мы считаем, что не случайно статьи А. Шилова были опубликованы на страницах эсеровской газеты «Вольная Сибирь». Такая трактовка «дела» и превращение его участников в революционеров нужна была для оправдания сибирских областников, перешедших к тому времени на сторону контрреволюции для того, чтобы окружить их ореолом истинных революционных борцов за интересы Сибири еще с XIX в.

В. А. Обручев, посвятивший несколько книг жизни и научной деятельности Г. Н. Потанина, рассматривал областничество (он его называет «сибирским патриотизмом») как безусловно прогрессивное явление, отказываясь вообще признать наличие у его деятелей сепаратистских тенденций, утверждая бездоказательно, что они «никогда и в мыслях не имели отделения Сибири от России», а «сибирский патриотизм» якобы «приводил наиболее решительную часть своих учеников к позициям... складывавшегося революционного народничества 60—70-х годов. Он считал, что «именно эту невидимую на поверхности революционную струю в движении «сибирского патриотизма» быстро учуяло царское правительство, начавшее дело»¹⁶).

Неправомерная, на наш взгляд, точка зрения на сущность «дела сибирского сепаратизма», оценка областничества XIX в., высказанная А. Шиловым и В. А. Обручевым и не нашедшая поддержки у последующих исследователей, вновь всплыла в исторической литературе 50-х годов. Ее стремятся возродить в своих работах С. Ф. Коваль и Н. П. Митина, она нашла выражение в небольшой заметке Н. А. Лапина¹⁷).

Все перечисленные авторы безоговорочно и категорично относят главных участников «дела» к революционерам-демократам, без достаточных оснований утверждают о создании ими в Сибири тайного общества — отделения «Земли и Воли», а его деятельность оценивают как продолжение деятельности этой революционной организации. С. Ф. Коваль безусловно реакционные сепаратистские устремления областников того времени определяет лишь как тактическое средство, соответствующее революционным планам как сибирских, так и российских революционеров. Он фактически оправдывает их «местными условиями», утверждает, что «сепаратистская окраска ... не меняла сущности характера (революционного.—М. С.) этого движения». Он категорично

¹⁵ А. Шилов. Общество «Независимости Сибири» 1865 года. «Вольная Сибирь» (Петроград), 1918, № 4, 6, 10.

¹⁶ В. А. Обручев. Г. Н. Потанин. Л., 1947, стр. 74, 75, 77.

¹⁷ См.: Макет III тома «Истории Сибири» (Новосибирск, 1965), раздел 1, часть 2, глава III (автор ее С. Ф. Коваль) — Общественное движение и классовая борьба в Сибири во 2-й половине XIX в.; С. Ф. Коваль. Революционная деятельность польских политических ссыльных в Сибири в 60-е годы XIX в. Сб. «Экономическое и общественно-политическое развитие Сибири в 1861—1917 гг.». Новосибирск, 1965; Он же. За правду и волю. Иркутск, 1966; Н. А. Лапин. «Гражданская казнь» в Омске 15 мая 1868 года. «Вопросы истории», 1966, № 9; Н. П. Митина. Во глубине сибирских руд. М., 1966.

утверждает, что «отделения Сибири от демократической России никто из сибирских революционеров (областников.— М. С.) и не мыслил»¹⁸⁾.

Хотя в отличие от С. Ф. Ковалья Н. П. Митина признает целый ряд ошибочных положений областников (в частности, идею отделения от России), тем не менее и она считает, что в конце 50-х — начале 60-х годов это не приводило их к противопоставлению себя общероссийской революционной демократии¹⁹⁾.

Н. А. Лапин назвал «дело» одним из самых крупных политических процессов в России, считал, что была раскрыта крупная подпольная организация, возглавляемая революционером-демократом Потаниным. Он нашел возможным даже в один ряд поставить «гражданскую казнь» Н. Г. Чернышевского с похожим обрядом, совершенным над Г. Н. Потаниным в Омске перед отправкой его в крепость в мае 1868 г.

Таким образом, оценивая деятельность областников как революционно-демократическую, они ставят «дело сибирского сепаратизма» в один ряд с политическими процессами русской революционной демократии. Опираясь на далекие идущие выводы С. Ф. Коваль и Н. П. Митина считают возможным найти в факте наличия и в содержании сибирских прокламаций, в переписке областников, некритически подходу к целому ряду донесений официальных должностных лиц С. Ф. Коваль даже утверждает, что «следствие намеренно шло по пути затушевывания революционного характера деятельности организации»²⁰⁾.

Мы не можем согласиться с приведенными выше выводами С. Ф. Ковалья, Н. П. Митиной и Н. А. Лапина, их аргументирование представляется нам недостаточным и необоснованным.

Мы ограничимся несколькими выдержками из сибирских прокламаций, которые красноречиво опровергают эти выводы. В прокламациях вообще отсутствует даже намек на необходимость распространения восстания (если оно удастся в Сибири) на всю Россию, главный упор делается на безусловную необходимость отделения Сибири при любых обстоятельствах: «Если отделение Сибири произойдет одновременно с Российской революцией, дело обойдется вовсе без войны...». «Мы должны помнить одно, что для блага отечества (Сибири.— М. С.), для блага каждого из нас необходимо отделиться от России». «Интересы Сибири никогда не соединятся с интересами России ... она должна отделиться от России во имя блага своего народа». «... Все зло в Сибири происходит от ее зависимости (от Петербургского правительства.— М. С.) ...» «Российское правительство, как бы хорошо оно ни было, не может и не имеет права управлять ими (сибиряками.— М. С.)...»²¹⁾.

Именно противопоставление интересов Сибири (в ложном понимании областников) всей России, отрицание зависимости дальнейшего развития Сибири от переустройства социально-экономических основ общероссийской жизни становится главным содержанием публицистической и общественной деятельности областников после возвращения из Петербурга. Находясь в нем, они надеялись использовать революционно-демократическое движение в центре России для воплощения в жизнь реакционной идеи отделения Сибири, чем и объясняются их связи с ним. Возвращаясь в Сибирь (1862—1863 гг.), областники надеялись, что в короткий срок они сами смогут организовать в ней, в случае отсут-

¹⁸⁾ Указ. том и глава макета «Истории Сибири», стр. 40—41, 42—43. Сб. «Экономическое и общественно-политическое развитие Сибири в 1861—1917 гг.», Новосибирск, 1965, стр. 130.

¹⁹⁾ Указ. выше книга, стр. 51.

²⁰⁾ Указ. том и глава макета «Истории Сибири», стр. 52—53.

²¹⁾ ЦГАОР, ф. 109, 1 экз., 1865, г., д. 196, лл. 25, 107, 108, 109—110.

вия революции в России, самостоятельное восстание за независимость.

Но сибирская действительность охладила их горячее воображение и, убедившись постепенно в нереальности своих планов, они сосредоточивают свои усилия на культурно-просветительной работе, главным стержнем которой являлось пробуждение сугубо «сибирского патриотизма» как идейной основы для отнесенной в будущее активной борьбы за самостоятельную Сибирь.

В бумагах Ядринцева, отобранных при аресте, содержится, по нашему мнению, подтверждение того, что областники пришли к выводу о невозможности воплощения в жизнь восстания за отделение от России в условиях современной им Сибири, и в то же время надеялись на успех в будущем: «Да, мы утописты... Мы требовали того гражданского патриотического страстного чувства от нашего общества, которое пока оно не воспитало. Мы призывали его к тому торжественному гражданскому заявлению своих интересов, на которое оно покуда не способно... Но мы знаем, что наши слова не всегда останутся словами...»²²).

Для того чтоб приблизить это будущее, областники старались всеми силами и средствами воспитать в сибирском обществе «гражданское патриотическое чувство», путем противопоставления Сибири России внушить сознание необходимости ее обособления.

Ядринцев призывал «стать в оппозицию русским публицистам, унижающим Сибирь», обрушиваясь на Н. В. Шелгунова за его справедливый вывод (отражавший взгляды революционеров-демократов) о единственной возможности ликвидации отсталости Сибири — путем изменения условий всей жизни страны²³).

Все их статьи в «Томских губернских ведомостях» проникнуты стремлением найти и подчеркнуть особенности сибирской жизни, обособить ее интересы и задачи от общерусских, вызвать недовольство не существующим строем, а политикой метрополии, обижающей Сибирь, превратившей ее в место ссылки²⁴). В общем, их статьи, а также лекции не выходили за рамки общего направления либеральных речей и статей, в которых в 60-х годах, по определению В. И. Ленина, «попились либеральные фразы о прогрессе, науке, добре, борьбе с неправдой, о народных интересах народной совести, народных силах и т. д., и т. д.»²⁵). Только все это имело «сибирский уклон».

Переписка областников накануне ареста также красноречиво свидетельствует о их твердом намерении противопоставлять во всем Сибирь России. Потанин в письме к Шайтанову незадолго до ареста категорически требовал: «... Чтобы с сей минуты, с которой мы начали сознавать себя, ни один сибирский грош и ни одна органическая клеточка не были потрачены не на себя, на родину». О тех, кто не собирается из Петербурга и Москвы возвращаться в Сибирь, Потанин писал: «К черту его!» «Мы, бедные сибиряки, чтобы стали еще благодетельствовать людям, которые будут полезны только России — это будет для нас накладно. Несправедливо. Скорее богатого в пользу бедного следует обобрать, чем бедного в пользу богатого»²⁶).

²²) Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 3, оп. 15, л. 18759, лл. 20—21. Неопубликованная статья Ядринцева «Гражданская апатия Сибири». Выделено нами.

²³) Н. М. Ядринцев. Сибирь перед судом русской литературы, «Томские губернские ведомости», 1865, № 9.

²⁴) «Томские губернские ведомости», 1864, № 5; 1865, № 12—13, 15, 16, 17, 18 и др., а также оставшиеся неопубликованными статьи Ядринцева, ГАОО, ф. 3, оп. 15, л. 18759, лл. 20—21, 62—63.

²⁵) В. И. Ленин. Полное собрание сочинений (ПСС), т. 1, стр. 294.

²⁶) ГАОО, ф. 3, оп. 15, л. 18760, лл. 15, 101—102.

Ядринцев еще более зло нападал на тех, кто остается в столице, намекая на невозможность со стороны живущих в Сибири помогать студентам, «если вы будете расходовать деньги на сволочь, не думающую возвращаться в Сибирь...». Он называет остающихся «паразитами, чиновниками и отступниками народными, подлецами и изменниками». Из письма, написанного в феврале 1865 г., становится ясным, что Ядринцев намеренно не хотел поддерживать точку зрения революционно-демократического лагеря России об общности задач центра и провинций: Вы скажете, что в столице теперь сосредоточивается дело всей империи. Хорошо-с. А если провинция станет в оппозицию прогрессивным стремлениям столицы? Наконец, дело идет к тому, чтобы провинциям жить более самобытной жизнью, стремиться к децентрализации. Где те элементы, кто создаст их, чтобы управлять своей самобытной жизнью и выражать свои местные интересы, когда лучшие силы будут сосредоточены в столице...?» Это же письмо подтверждает отсутствие непосредственных революционных планов и чисто культурническую легальную деятельность областников накануне ареста. Ядринцев писал: «Мы занимаемся трудом, имеющим целью будущее благо нашей родины и прогрессивное развитие ее жизни». Он указывает этот труд: чтение лекций по городам, литературные вечера, подписка в пользу обучающихся сибиряков²⁷⁾.

Переписка областников опровергает утверждение С. Ф. Коваля о подготовке ими революционного выступления, она, напротив, подтверждает справедливость слов Потанина, впоследствии писавшего, что он, Ядринцев и Колосов в Томске были «заняты просветительной деятельностью», а их друзья — тем же в других городах²⁸⁾.

Письма Потанина полны сообщениями о подготовке и проведении литературных вечеров, собраний, об обществах грамотности и т. п. Он побуждает Ф. Усова, А. Нестерова, Н. Шуккина, А. Шайтанова, В. Бедрина заниматься самообразованием, просветительной деятельностью. Ответные письма ему также освещают деятельность по устройству театра, библиотек, читальных вечеров, в них выражается благодарность Потанину за пробуждение интереса к пополнению знаний, за развитие любознательности и т. д.²⁹⁾. Нам представляется, что Потанин в одном из писем Н. Шуккину в конце 1864 г. прямо признается в отказе от организации какого-либо активного выступления против самодержавия: «Мы заплатили дань времени и своему вопросу, отличились любовью и преданностью друг другу, будем же теперь смотреть на жизнь глазами возмужалыми»³⁰⁾. Он выдвигает практическую задачу, общее дело — добиться организации университета в Сибири, будировать общественную жизнь.

Таким образом, анализ и сопоставление всех взятых в совокупности материалов, относящихся к деятельности главных участников «дела» в период времени, непосредственно предшествовавший аресту, явились, на наш взгляд, достаточным основанием для вывода о том, что, убедившись в отсутствии поддержки идеи отделения Сибири (она не соответствовала интересам никаких классов и социальных слоев), они ограничиваются деятельностью, не выходявшей за рамки легальной культурно-просветительной работы³¹⁾.

²⁷⁾ Там же, лл. 96—98. Выделено нами.

²⁸⁾ Воспоминания. «Сибирская жизнь», 1914, № 9.

²⁹⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 15, д. 18747, лл. 19, 29; д. 18753, лл. 17—18, 35, 45—46, 51—52, 54—55; д. 18758, лл. 7—8; д. 18760, л. 15; д. 18761, лл. 24—25 и др.

³⁰⁾ Там же, д. 18747, л. 19. Выделено нами.

³¹⁾ Вопрос о наличии и характере связей потанинцев с польскими ссыльными, готовившими восстание в Сибири, нуждается в тщательном исследовании. На наш

В условиях Сибири середины 60-х годов XIX в. деятельность областников по организации публичных библиотек, содействие распространению просвещения, привлечение внимания общества к вопросам истории Сибири, к изучению ее экономики, природных богатств, личное участие в разработке их, работа по сбору разнообразного статистического материала и бытовых описаний — должна быть оценена как положительная.

Но их культурно-просветительная деятельность, не представлявшая никакой действительной опасности для самодержавия, как и деятельность в этом направлении целого ряда представителей буржуазии и дворянства, отнюдь не может быть приравнена к революционной борьбе революционеров-демократов России. Последнее подтверждается и анализом материалов «дела».

Сторонники причисления областников к числу революционеров-демократов ссылаются на наличие сибирских прокламаций, обнаружение запрещенной литературы у части привлеченных к делу и на некоторые, некритически принятые за достоверные донесения официальных лиц, в частности, томского жандармского офицера Кретковского.

Придавая сибирским прокламациям неоправданно большое значение, С. Ф. Коваль и Н. П. Митина не подвергают их тщательному анализу с точки зрения соответствия всему комплексу идей революционно-демократического лагеря. Отмечая наличие в прокламациях идеи свержения самодержавия, они, во-первых, не устанавливают, в какой мере она проводилась областниками в жизнь, во-вторых, они не учитывают, что признание областниками в начале 60-х годов XIX в. необходимости политических преобразований в России нисколько не противоречило чаяниям русских либералов. Сибирские прокламации вовсе не дают основания относить сибирских областников к революционно-демократическому лагерю.

Хотя написаны они под влиянием прокламаций революционно-демократического лагеря (это влияние прослеживалось еще в указанных выше диссертациях М. А. Гудошникова и А. П. Бородавкина), но при сравнении их с последними ясно видно существенное принципиальное различие. В сибирских прокламациях отсутствуют совершенно положенные социально-экономического порядка, которые имеются в послуживших для них своего рода образцами документах. С другой стороны, они не столько призывают к свержению самодержавия, сколько — к завоеванию независимости Сибири и установлению в ней республики типа Соединенных Штатов Америки.

Вопрос об отношении к политическим и социально-экономическим задачам, о их соотношении являлся одним из главных, разделявших революционеров-демократов 60-х годов и русских либералов. Мы целиком разделяем взгляды Э. С. Виленской, считающей, что заинтересованность сравнительно широких кругов русского общества в политических преобразованиях в условиях пореформенной действительности, в обстановке неразвитости классовых антагонизмов буржуазного общества «создавала точки соприкосновения между революционерами с социалистической окраской, радикалами, не исключавшими революционного пути, но чуждыми социалистическими идей, и даже той частью либералов, которые не сразу пошли на сговор с самодержавием». Тем самым поли-

взгляд, в упомянутых выше книгах С. Ф. Ковалья и Н. П. Митиной нельзя считать документально доказанными эти связи и тем более их революционный характер. Ознакомившись с указанными немногочисленными источниками, на основе которых делаются эти выводы, мы считаем, что наличие связей можно относить в разряд не установленных, а лишь предполагаемых.

тическая борьба против самодержавия внешне выступала платформой, создававшей видимость сближения идейно разнородных течений³²⁾.

Но революционерам-демократам было присуще убеждение в необходимости сочетания политических и социальных задач, в их неразрывной связи при подчинении первых преобразованиям социального порядка. Единственно возможным средством осуществления их признавалась крестьянская революция³³⁾. Представители либерального лагеря, являясь сторонниками политических преобразований, игнорировали при этом проблемы социального переустройства общества, так как борьба за коренные социально-экономические преобразования в России, тем более за привлечение к ней крестьянских масс, никогда не входила в программу русского либерализма.

Поэтому при выяснении сущности мировоззрения областников следует особенно внимательно отнестись к установлению их отношения к этим вопросам. Отсутствие в сибирских прокламациях положений о необходимости социальных преобразований, выхолащивание этих вопросов из русских революционно-демократических прокламаций 60-х годов мы считаем следствием влияния на областников либерального лагеря, доказательством либеральной основы мировоззрения идеологов и главных деятелей областничества. Они, как и русские либералы, никогда не доходили до признания необходимости коренных социально-экономических преобразований существующего строя.

Что касается социальной опоры, на которую они первоначально хотели ориентироваться в борьбе за независимость Сибири, то она должна была включать, судя по прокламации «Сибирским патриотам», весьма разнородные слои населения края: раскольников, «инородцев», горнозаводских крестьян, прислковых рабочих и забайкальских казаков. Кроме того, они надеялись призвать на помощь американцев, уступив им ... «земли Российско-Американской кампании» (!), найти помощь «у враждебных России киргизов и у воинственных народов Средней Азии»³⁴⁾. Но, вернувшись в Сибирь и убедившись в непопулярности идеи отделения, они устанавливают контакты лишь с казачьими офицерами Омска и немногочисленной интеллигенцией Томска, в основном учителями гимназий.

Наличие нелегальной литературы у некоторых областников показывает, безусловно, интерес к идеям революционно-демократического лагеря, но это еще не может служить доказательством разделения их. Тенденциозность вывода Кретковского, не обнаружившего при обыске ничего предосудительного и сделавшего упор на наличие у Потанина писем, будто доказывающих «отношение его с лицами, преданными суду как изобличенные злые агитаторы, а именно со Шаповым, Бакуниным, Чернышевским и проч.», становится очевидной при знакомстве с письмами, послужившими основанием для него. Эти письма подтверждают лишь наличие между Потаниным и Бакуниным (до побега последнего из Сибири) переписки, содержание которой остается неизвестным³⁵⁾. Имя Чернышевского упоминается в письмах Ф. Усова,

³²⁾ Э. С. Виленская. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965, стр. 82—83.

³³⁾ См.: И. В. Порох. Герцен и Чернышевский. Саратов, 1963.

³⁴⁾ ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1865, д. 196, лл. 109, 110.

³⁵⁾ ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 1106, лл. 16—17. ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1865, д. 196, л. 68. Н. П. Митина посчитала возможным рассматривать это донесение как безусловное красноречивое свидетельство широкой связи Потанина с революционными деятелями 60-х годов. Указ. книга, стр. 38.

³⁶⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 15, д. 18753, лл. 13, 43; д. 18747, л. 44. Бакунин помог Потанину осуществить поездку в Петербург.

сообщавшего из Омска в 1860 г. о том, что Лободовский ругает Чернышевского за статьи в «Современнике» по крестьянскому вопросу, а также о чтении автором письма последнего. Шапов включен в число знакомых Потанина (он им в действительности не был) из-за упоминания Щукиным и Миротворцевым имени историка в качестве предполагаемого сотрудника планируемого сибирского журнала³⁷⁾.

О тенденциозности следственной комиссии, которая сразу подвела создаваемое «дело» под рубрику опасного государственного заговора, а арестуемых отнесла в разряд государственных преступников без наличия на то достаточного основания, говорит бросающаяся в глаза фальсификация показаний участников «дела». Несмотря на то, что Гр. Усов, наговорив многое, заявил, «особого общества у них не существовало, в особенности общества с целью ниспровергнуть настоящий порядок», ему в донесении комиссии III отделению приписывается признание в принадлежности к партии Потанина и др., «партии политического замысла»³⁸⁾.

Поспешный вывод комиссии обусловил ее твердое намерение во что бы то ни стало доказать правильность его. На одну из причин преувеличения «дела» указывал А. И. Деспот-Зенович, бывший в то время тобольским губернатором. В 1876 г. он писал: «Если минутным утопическим мечтаниям юношей ... и придано было тогда государственное значение, то это объясняется тревожным состоянием, в котором находились правительственные власти ввиду польского восстания»³⁹⁾. Только в конце апреля 1865 г. царскими войсками был уничтожен последний повстанческий отряд в Польше. Напуганному правительству всюду мерещился опасный сепаратизм.

Второй причиной могли явиться личные честолюбивые и корыстные цели членов следственной комиссии, желание их выслужиться, получить материальное вознаграждение. Оно и было впоследствии получено (свыше трех тысяч рублей).

Следует обратить внимание, что вздорность и необоснованность серьезных обвинений комиссии понимали сразу же некоторые представители власти, здраво и без предубеждения подходившие в оценке его истинной сущности. Начальник жандармского округа Политковский в полузашифрованной депеше шефу жандармов, сообщая 27 мая о событиях в Омске, добавил: «Особо важного нет». Позже он подтверждал, что «дело не представляет особой важности», что «преступные идеи этих людей заключаются пока только в их воображении и весьма мало распространены в обществе»⁴⁰⁾.

Подобный вывод содержится в донесении военному министру от генерал-губернатора Западной Сибири Дюгамеля⁴¹⁾ (в момент начала действий комиссии он отсутствовал). Не изменил своего мнения Дюгель и после окончания дела, что видно из его воспоминаний, в которых он писал о своем крайнем удивлении известием об открытии заговора, считая, что все это могло служить лишь «указанием на расположение умов и на вредные тенденции», почерпнутые в университетах и школах⁴²⁾.

Даже предвзято составленные Омской комиссией следственные материалы не помешали сделать в Петербурге заключение, по нашему

³⁷⁾ Там же, д. 18753, лл. 13, 24, 32, 43, 49—50. В. П. Лободовский был близок с Н. Г. Чернышевским в 1848—1850 гг.

³⁸⁾ ЦГАОР, ф. 109, 1 экз., 1865 г., д. 196, лл. 32, 52—56.

³⁹⁾ Письмо Деспота-Зеновича Казнакову, генерал-губернатору Западной Сибири. Цитируется по книге Мих. Лемке. Н. Ядринцев. СПб., 1904, стр. 64.

⁴⁰⁾ ЦГАОР, ф. 109, 1 экз., 1865, д. 196, лл. 2, 59.

⁴¹⁾ Там же, л. 124.

⁴²⁾ Русский архив, 1885, кн. 3, № 10, стр. 178—179.

убежденно, соответствующее действительному положению вещей: «Из обстоятельств дела видно, что ни один из поименованных подсудимых не имел прямого умысла произвести восстание против верховной власти»⁴³).

Несмотря на секретность, сведения о происходившем следствии просачивались в общество и находились люди, трезво оценивавшие его. Одним из них был Н. Шукин (дядя арестованного Н. С. Шукина). Он смело писал в III отделение: «В Омске, в отсутствие ген.-губернатора, вывели из этих бредней государственное дело, составили следственную комиссию и стали обыскивать и забирать юношей, хотя вина их состояла только в несбыточном желании и мечте»⁴⁴). Еще более откровенно писал он племяннику в марте 1866 г.: «Если бы генерал-губернатор Ваш и Корсаков были на своем месте, они бы тотчас поняли, что установленные Сибирской республики есть юношеские мечты. (Как видно из вышеприведенного, Дюгамель понимал это, но не захотел, по-видимому, мешать членам комиссии, чтоб избежать для себя неприятностей—М. С.)... Я полагаю, что и генерал-губернатору неприятно возведение бредней на степеней государственного преступления... Сколько перепугано людей! Удивительно, людям глупым дается власть! Вы только думали, а не делали, потому что не могли. Зачем же садить вас в темницу и судить»⁴⁵).

Из письма видно, что Н. Шукин делал правильный вывод о невозможности воплощения в жизнь «юношеских бредней» в обстановке сибирской действительности.

Все эти отзывы о «деле» очень показательны и ценны, так как не отдалены от него многими годами, затушевывающими часто остроту восприятия и верность оценки событий современниками.

Ядринцев воссоздал так ход следствия: «Не было никаких оправданий, снисхождений, пощады... Вопросы, очные ставки были хитрыми сетями. Некоторые потеряли голову, начали виниться в том, чего не было, запутывали товарищей»⁴⁶). Внимательное знакомство со всеми материалами дела убеждает в истинности слов Ядринцева. Особенно яркой иллюстрацией является «признание» Шукина, что он — автор прокламации, обнаруженной у него, последующий отказ от этого, затем его наговор на Шашкова и Шапова, что они авторы, признание на очных ставках ложности своих слов и др.

В конце концов после длительных и вначале безуспешных стараний, комиссии удалось принудить арестованных к «чистосердечному сознанию». Ядринцев в написанной незадолго до самоубийства автобиографии писал, что «была соткана сеть для обвинения, и многое подтверждалось, по-видимому, «чистосердечными признаниями», как выражались аудиторы, «вынуждавшие к сознанию»⁴⁷).

⁴³) Центральный государственный исторический архив в г. Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1405, оп. 64, 1866, д. 7631, л. 130. Заключение подписано Кушевым, статским советником, состоящим при департаменте Министерства юстиции.

⁴⁴) ЦГАОР, ф. 109, 1 экз., 1865, д. 196, лл. 472—473.

⁴⁵) ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, д. 279. 1866, лл. 5, 6—7. Выделено нами. Письмо не было передано адресату, попало в III отделение. Интересно отметить, что впоследствии Потанин напишет почти точно то же: «Никаких практических мер к осуществлению этой политической ереси (в 60-х годах он не считал, конечно, идею сепаратизма таковой. — М. С.) мы не предпринимали, да и вообще всякая практическая деятельность для нас была затруднительна, почти невозможна». В разряд возможной он включил «единственное практическое местно-патристическое дело» — сбор денег и посылка их обучающимся в Европейской части России сибирякам. (Воспоминания. «Сибирская жизнь», 1914, № 23).

⁴⁶) Томский областной краеведческий музей (ТОКМ), ф. Г. Н. Потанина, оп. 14, д. 24, л. 50. Биография С. С. Шашкова, написанная Ядринцевым.

⁴⁷) «Русская мысль», 1904, № 6, стр. 155. Обращают внимание слова, выделенные нами и поставленные самим Ядринцевым в кавычки.

На решение кончить бесконечные допросы путем «чистосердечного признания» повлияли, конечно, по выражению Потанина, «пытки одиночного заключения» тяжелые условия, в которых содержались непризнавшиеся, то и другое прекращалось сразу же после признания. Об этом писал Щукин уже после окончания дела в своем дополнительном разъяснении: «...Доведен был до такого состояния, что не давал самоотчета, что говорил, что писал не только завтра, но и в тот же день. Я не имел покоя днем и не спал по ночам ... Я клеветал сам на себя, чтоб только посадили меня в общую комнату, где было бы сколько-нибудь воздуха...»⁴⁸).

«Чистосердечные признания» были вызваны, по нашему мнению, также и тем, что сознававшиеся ясно поняли непреодолимое намерение комиссии во что бы то ни стало доказать свои обвинения, сфабриковать их, в крайнем случае и без признаний. Об этом писал в указанной ранее статье С. С. Шашков. Хотя он в действительности не разделял идею сепаратизма, у него появилась мысль: «Разве не могут обвинить и без моего сознания?». А при виде преимуществ других арестованных (совместное пребывание, прогулки, чтение газет и т. п.) он стал думать: «Не раскаяться ли мне?» И хотя ему было ясно, что сознаваться и раскаиваться не в чем, после длительной внутренней борьбы он решил, что ради выгоды «следует раскаяться, даже слегка налгать на себя... что фразы (в лекциях его.— М. С.) имеют сепаратистический смысл».

Он объясняет признания еще и тем, что никто из них не ожидал тяжелой кары, так как **ни в каких действиях они замешаны не были** (подчеркнуто нами.— М. С.), а за мнения и фразы, как они были убеждены, никто сурово осуждать не будет и все кончится «административным порядком»⁴⁹).

Но даже «чистосердечные признания», которыми удовлетворилась комиссия, фактически не могли полностью подкрепить ее первоначальные выводы, что и позволило Государственному совету отметить «отсутствие всякой действительной опасности от подобных замыслов для государства»⁵⁰).

Потанин, с самого начала явившийся центральной фигурой «дела» (по показаниям Гр. Усова и по мыслям — сепаратистского направления, изложенным в целом ряде его писем), взял главную вину на себя. Он заявил: «Если не я положил начало сибирскому сепаратизму, то я значительно развил его, и в прокламациях, предъявленных мне в комиссии, много такого, что не было бы мне обязано своим происхождением... Если комиссия ищет только моего обвинения, то я готов согласиться на все ее предположения»⁵¹). Признался он и «в сепаратистском духе» своих статей, и в специальном подборе материала для «мелких известий» в «Томских губернских ведомостях». Но в то же время он решительно отказался как от причастности к составлению прокламации и от попытки

⁴⁸) ГАОО, ф. 3, оп. 13, д. 18489, лл. 540—542. Показательно, что это разъяснение не было послано в III отделение.

⁴⁹) Интересно отметить, что возникшее несколько позднее (март 1866 г.) «дело» казака В. Бедрина (знакомого Потанина) по духу и первоначальному направлению близко «делу сибирского сепаратизма». Не будучи разрекламировано, оно приняло иной характер и его участники были освобождены по указу Сената, а Министерство юстиции нашло нужным подчеркнуть, что подсудимые «не могут быть подвержены высказанию за либеральное направление образа мыслей». ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 64, 1866 г., 3109, лл. 101—102.

⁵⁰) ЦГАОР, ф. 109, 1 экзп., 1874, д. 28, л. 10.

⁵¹) Там же, 1865, д. 196, лл. 156—157.

ее распространения, так и от обвинения комиссии в возбуждении казачьего войска (последнее все же было вписано ему)⁵²).

Потанин, написав по предложению комиссии для правительства о нуждах Сибири и путях их разрешения, выразил областническую платформу, по существу ничем не отличающуюся от платформы русских либералов, ратовавших за незначительные уступки и изменения без покушения на основы существующего строя опять-таки с «сибирским уклоном»⁵³). Слишком продуманно и убежденно написана его записка, что дает основание видеть в ней выражение его действительных взглядов и надежд.

Затронув все вопросы, составляющие содержание областнической программы (состояние сибирской промышленности, ее зависимость от Европейской части России, вред уголовной ссылки, недостатки в просвещении и колонизации, положение «инородцев», а также рабочих и крестьян, вопрос административный), Потанин во всех случаях апеллирует к правительству, хочет подсказать ему пути решения их при помощи сибирского общества для того, чтобы оно могло «доверчиво и спокойно» ждать мероприятий правительства. Надежды на благоразумие правительства, на его реформы — вот чем полна его записка.

Ядринцев сознался, что «был увлечен идеями, высказанными в прокламации, и под этим влиянием высказывал пагубные мысли». Но и он отказался от обвинения в организации какого-либо действия для отделения Сибири: «На дело создания республики я смотрел, как на дело еще далеко будущего...», считал «нужным ограничиться одними разговорами, изучением колониального быта, проверкой научной этих мыслей» (высказанных в прокламации.— М. С.)⁵⁴).

Шайтанов в конце концов тоже сознался в сочувствии идее сепаратизма, обвинив в этом Потанина и особенно Ядринцева⁵⁵).

Шукин вел себя хуже всех. Он давал путаные показания, оговорил большое число лиц, раньше всех стал искать спасения путем покаянных писем.

Ф. Усов сознался в том, что видел воззвание «Патриотам Сибири» у Шайтанова, но велел разорвать его, а о содержании прокламации и о местонахождении ее в квартире якобы не знал, письма Шайтанова и Потанина, ему адресованные, противоречат его характеру и убеждениям. Гр. Усов вел себя трусливо, заискивающе, униженно просил простить его, высказывал сожаление, что сам не донес на своих товарищей⁵⁶).

Показания А. Золотина (в момент ареста ему было 14 лет), которого назвал Шукин как переписавшего найденную у него прокламацию, весьма путаные и противоречивые. В конце концов после неоднократных и резко противоположных показаний он утвердился на том, что якобы

⁵² Впоследствии Потанин писал также о том, что никаких активных действий для подготовки к отделению не проводилось и прокламация никем не распространялась. Г. Н. Потанин. *Нужды Сибири*. Указ. выше сборник, стр. 271. Мы считаем это соответствующим действительному положению вещей.

⁵³ ЦГАОР, ф. 109, 1 экз., 1865, д. 196, лл. 242—266. Впоследствии по этому поводу он сознавался: «Я обрадовался случаю апеллировать о нуждах Сибири к высшей власти». (Воспоминания. «Сибирская жизнь», 1914, № 51).

⁵⁴ Известия Западно-Сибирского отдела русского географического общества. Т. V. Омск, 1925—1926 гг., стр. 246—247. Мы берем показания из опубликованных Г. Круссером случайно спасенных документов, так как в «деле» они имеются лишь передоленные в косвенную речь с неточностями.

⁵⁵ ЦГАОР, ф. 109, 1 экз., 1865, д. 196, лл. 165, 443.

⁵⁶ Там же, лл. 54, 215, 216, 443—444.

нашел воззвание около училища, сказал о нем Щукину и сам предложил переписать, выбросив найденную тетрадь⁵⁷⁾.

Остальные привлеченные к делу (исключая Н. Ушарова) вообще ни в чем не сознались. Ушаров (страдавший алкоголизмом) признался, что слышал воззвание от Щукина. Считая, что нужно держаться в отношении народа монархических идей, он все же в нетрезвом виде будто сказал, что если захотел, «мог бы произвести действие, подобное Лондонским агитаторам»⁵⁸⁾.

У студентов, названных в ходе следствия участниками сходок сибирского кружка в Петербурге, был произведен обыск, снят допрос на месте, после чего их оставили в покое.

Хотя сурового наказания арестованные не ожидали, но уже после окончания следствия, длительного пребывания в Омском арестантском замке и гауптвахте они начинают писать прошения. Вначале пишут Григорий и Федор Усовы, Шайтанов, затем — Потанин, Шашков, Ядринцев, Кирьянов, Гавриил Усов и Самсонов. Из III отделения прошения были препровождены министру юстиции. Затем они же пишут прошения о помиловании в Сенат, «раскаиваясь в своих заблуждениях, просят о помиловании»⁵⁹⁾. Эти прошения Омской комиссией использовались как одно из доказательств виновности арестованных. То, что большинство вначале привлеченных к делу ни в чем не сознались, уже не беспокоило комиссию.

Следствие закончилось в Омске еще 28 ноября 1865 г. Из 40 человек, привлекавшихся к нему, комиссия вынуждена была из-за отсутствия оснований для обвинения освободить от суда 19 человек, оставив одного из них (есаула А. П. Нестерова) в подозрении. Л. Ф. Пантелеев судился по другому делу. 24 декабря материалы «дела» были доставлены председателем комиссии Пелино в III отделение. Проект Сената по нему только в апреле 1867 г. поступил в Министерство юстиции на предварительное рассмотрение, после чего определение было вынесено в Государственный совет.

В «обвинении и определении» Сената поименовано 20 человек (из них 16 почти 3 года содержались арестованными в Омске на гауптвахте, влача полуголодное существование). Сенат «оставлял в подозрении» 7 человек, над которыми следовало установить надзор полиции, остальным определялось наказание, поразившее всех неимоверной строгостью: Потанину — ссылка на каторжные работы в рудники на 15 лет, Ф. Н. Усову и Н. В. Ушарову — в крепость на 10 лет, Г. Н. Усову — в рудники на 12 лет, Ядринцеву — на 10 лет, А. Е. Золотину — в крепость на 6 лет и 8 месяцев, остальным (А. Д. Шайтанову, С. С. Шашкову, Н. С. Щукину) — в рудники на 15 лет.

После решения Сената граф Шувалов писал: «на воззрение императора» о возможности облегчения участи обвиненных, указывая справедливо наряду с другими обстоятельствами «совершенную безрассудность их попыток и состояние вообще Сибири, при котором подобные попытки и не могли иметь никакого успеха»⁶⁰⁾. О выводах по «делу»

⁵⁷⁾ Там же, лл. 323—324. По нашему мнению, Золотин намеренно исключил виновность Щукина, по всей вероятности, пожалев его (тот начал сходить с ума). Нас удивляет зачисление С. Ф. Ковалем братьев Усовых и Золотина в число молодых революционеров Сибири, которые, по его мнению, включились в общую борьбу «за свержение самодержавного строя революционным путем под знаменем революционной демократии во главе с Н. Г. Чернышевским». (Революционная деятельность польских политических ссыльных в Сибири в 60-е годы XIX в. Указ. сборник статей, стр. 132).

⁵⁸⁾ ЦГАОР, ф. 109, 1 экз., 1865, д. 196, л. 303.

⁵⁹⁾ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 64, 1866, д. 7631, лл. 15, 17, 75.

⁶⁰⁾ ЦГИАЛ, ф. 1151, оп. 7, 1868, д. 1, л. 15.

Министерства юстиции и Государственного совета говорилось выше. Но даже несмотря на них, Государственный совет, спасая «честь мундира» Омской комиссии, не пошел дальше смягчения наказания, оно и в «смягченном виде» оказалось суровым и несоответствующим «степени виновности»: Потанин отправлен на каторжные работы в Финляндию на 5 лет с последующей ссылкой; остальным каторжные работы заменили ссылкой в отдаленные северные губернии Европейской части России. Все, за исключением Г. Усова и Золотина, лишались всех особых прав. Александр II утвердил приговор 28 февраля 1868 г.⁶¹⁾

О том, что царизм не усматривал никакой действительной опасности от подобных «дел» и не помышлял ставить его участников в один ряд с революционерами-демократами, говорит постепенное освобождение признанных виновными, полное восстановление их в правах. Последним вернулся из ссылки Потанин (он пробыл в Свеаборге только 3 года) летом 1874 г. Поведение их тоже не соответствует линии поведения революционеров-демократов, гордо отказывавшихся от всяких просьб о помиловании или смягчении наказания. Кроме прошений, поданных до ссылки, все оставшиеся в живых (умерли Ушаров и Щукин) подавали вновь прошение царю с просьбой помилования. Прощение Ядринцева написано в слезно униженном тоне, с выражением верноподданических чувств императору⁶²⁾. Текст прошения Потанина царю пока не обнаружен, но сам факт его подачи подтверждается упоминанием о нем как в официальных документах, так и в письмах Потанина Ядринцеву⁶³⁾.

Таким образом, мы считаем, что есть достаточно оснований не соглашаться с мнением тех, кто видит в «деле» проявление революционного демократизма его участников. В основе несобоснованно раздутого «дела» лежали исключительно сепаратистские устремления некоторых его участников. Отказавшись уже к моменту ареста от активного воплощения их в жизнь и ограничившись культурно-просветительной деятельностью, областники все более утверждались на позициях буржуазного либерализма. Дальнейшая эволюция их мировоззрения, публицистическая и общественная деятельность в 70—90-х годах XIX в. полностью вскрыла их либеральную сущность⁶⁴⁾.

⁶¹⁾ Там же, лл. 26—27.

⁶²⁾ ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1869, д. 193, лл. 4—10.

⁶³⁾ ТОКМ, ф. Г. Н. Потанин, оп. 14, д. 2, л. 15; д. 14, л. 13. Следует отметить, что в своих «Воспоминаниях» Потанин умалчивает о подаче им прошения, представляя свое освобождение из ссылки только результатом ходатайства П. П. Семенова.

⁶⁴⁾ Подробно см.: М. Г. Сесюнина. Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев как идеологи сибирского областничества 2-й половины XIX в. Кандидатская диссертация. Томск, 1967.

**ИЗ ИСТОРИИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО МЕЖЕВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1804—1843 гг.)****А. Ф. АССОНОВА**

Одним из проявлений кризиса феодально-крепостнической системы в России в первой половине XIX в. являлась политика правительства по отношению к Сибири. Этот обширнейший и богатейших край царское правительство пыталось использовать как резерв для насильственного переселения крестьянства и расширения сферы феодальной эксплуатации. Но в то же время феодально-крепостнический строй препятствовал свободному размещению населения по территории Сибири и тем самым тормозил широкое хозяйственное использование новых земель.

Все земли Сибири считались собственностью государства, «казны». Вместе с тем здесь получила распространение так называемая «захватная система» землепользования, при которой каждый крестьянин пользовался участком, возделанным им или его предками, и передавал эту землю по наследству. Несмотря на обязательный 15-десятинный надел для каждой ревизской души, фактическое пользование землей было крайне неравномерным. С начала XIX в. царское правительство на протяжении нескольких десятков лет пыталось выяснить, в какой степени обеспечены государственные крестьяне землей, каково соотношение земель, занимаемых русскими крестьянами и местным населением — сибирскими татарами, каковы вообще земельные ресурсы Сибири? При этом правительство ставило такие задачи, как выделение угодий под оборочные статьи, определение районов новых крестьянских поселений¹). Но, как показывает история межевания, истинная цель его заключалась в стремлении правительства привести в соответствие земельные владения крестьян с размерами повинностей в пользу государства.

Еще в 1783 г. указом Сената от 13 февраля предписывалось утвердить в каждом уезде должность уездного землемера, сделать карты уездов и доставить их в межевую экспедицию²). Карты и планы уездов Томской и Тобольской губернии составлялись в 1784, 1785, 1786 и 1787 гг., но все эти документы сгорели во время пожара в Тобольске в 1788 г.³).

Деятельность губернских чертежных по описанию сибирских земель возобновилась в 1804 г., когда министр внутренних дел передал сибирскому губернатору «монаршьё соизволение» о приведении в известность земель в Сибири для: «1. Находящихся ныне там казенных поселян. 2. Для скотоводства и звериной ловли ясашных и кочующих народов.

¹) Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), XXIX, 22189.

²) ПСЗ, XXVI, 19967.

³) Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 2, оп. 1, д. 65а, лл. 6—14.

3. Для водворения будущих казенных поселенцев (переселенцев из внутренних губерний). 4. Для всякого рода казенных заведений»⁴⁾).

Одновременно были выработаны «Правила правительственные относительно земель Сибирских». В «Правилах» вся земля Западной Сибири приблизительно делилась на две части — к северу и к югу от 60° широты. Северные районы признавались непригодными к хлебопашеству, в южных областях предполагалось выделить районы для новых крестьянских поселений. Анализ «Правил» показывает, что правительство, заселяя южные земли, преследовало тайную цель — оттеснить кочующие народы к северу «так, чтобы сообщение оных с неподвластными нам народами было пресечено»⁵⁾. В случаях несогласия местного населения с таким перемещением «Правила» рекомендовали действовать осторожно, избегая конфликтов и столкновений: «Во всех удобных к хлебородию местах давать земледельцам пред ясачными преимуществу, однако не так, чтобы гласными указаниями отнимать у них земли, коими они в настоящем положении пользуются, поселять хлебопашцев следует, не отвергая в таких случаях жалоб ясачных, но принимая их с должным вниманием и давая им всегда ласковые уверения в удовлетворении их требований»⁶⁾).

Далее предписывалось заселять земли по судоходным рекам — наиболее удобным путям сообщения в Сибири, так как бывали случаи, когда крестьянские селения прятались в непроходимых лесах, и местные власти даже не знали о существовании некоторых сел и деревень. Начать землеустроительные работы в Сибири правительство требовало с немедленного выявления земель, находящихся в крестьянском владении, с тем, чтобы «каждому селению отвести определенное количество земли и ограничить землю межей... Каждый крестьянин должен знать свои земли и не претендовать на соседские»⁷⁾).

Вскоре после появления «Правил» в Петербург сибирскому генерал-губернатору И. Пестелю были направлены Томским и Тобольским губернскими правлениями рапорты о том, что «губернские и уездные землемеры приступили к работе»⁸⁾).

В Тобольской губернии первоначально были «землями и угодьями разверстаны» 4 волости Тобольского округа: Бронниковская, Худяковская, Алабатская и Кургаевская. При этом было выявлено 83 крестьянских хозяйства, которые владели «излишними» землями (свыше 17 десятин на одну ревизскую душу. Эти земли, по решению Тобольского суда, были отмежеваны в казенные оброчные статьи⁹⁾).

В ходе межевания губернские и уездные чиновники столкнулись с фактом крайне неравномерного распределения земель внутри уездов между волостями. Вот один из характерных примеров (табл. 1)¹⁰⁾.

Также непропорционально владели землями отдельные селения в той или иной волости. При межевании земельных угодий трех деревень Бронниковской волости Тобольского округа была выявлена следующая картина (табл. 2)¹¹⁾.

Из таблицы видно, что если у крестьян деревень Башковой и Ламаевой пашен и сенокосных угодий на одну ревизскую душу приходи-

4) ПСЗ, XXVII, 20740, стр. 24.

5) ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 65а, лл. 1—14.

6) Там же, лл. 16—19.

7) ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 65а, лл. 20—23.

8) ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 65а, лл. 113—117.

9) Там же, л. 120.

10) ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 6.

11) ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1160, лл. 4—41.

лось приблизительно по 10 десятин, то в деревне Дурыниной — лишь по 4 десятины на душу.

Таблица 1

Волости Ялуторовского округа Тобольской губернии	Колич. душ	Распределение земель (в десятинах)				
		усадебная	пашня	сенокос	поско-тины	леса
Терсютская	1732	221	15460	6135	878	20817
Кацкая	910	189	7481	3328	1085	1346
Мостовская	1385	247	9620	3364	2165	1085

Одновременно с землемерами уезды Тобольской губернии описывали губернские чиновники, выяснявшие причины недоимочности крестьянских хозяйств. Все волости семи округов губернии были разделены на 3 разряда¹²⁾. Хозяйства крестьян первой категории отличались «изобилием земель, удобностью оных к хлебопашеству, равно состоянием других угодий и выгод». К этой же группе относились крестьяне

Таблица 2

Деревни	Колич. душ	Распределение земель (в десятинах)				
		под селениями	пашня	сенокос	лес	чистый луг
Башкова	33	5	114	195	8	—
Ламазга	32	6	85	228	168	—
Дурынина	29	2	23	83	67	—

некоторых северных районов, которые, хотя и не занимались хлебопашеством, но «взамен сего получали значительные выгоды от рыбных и звериных промыслов, собирания кедровых орехов, а иные — от извозничества». Вторую группу составляли крестьяне волостей, «не так достаточно удобных к хлебопашеству», третья группа включала волости, где крестьянство, «производя хлебопашество посредственное, других промыслов не имеет».

Работа землемеров и чиновников Тобольской губернии по составлению «точной съемки (карты.— А. А.) сибирских земель», начатая в 1804 г., свелась в конечном счете к разбирательству земельных тяжб между волостями и селениями¹³⁾.

В Томской губернии к 1810 г. в распоряжении губернского правления имелись сведения лишь о землях, находящихся в ведении Колывано-Воскресенских заводов. «Ведомости о землях в Томской губернии» давали подробные сведения о землях, «годных к хлебопашеству и угодьям», «неусадебных землях», о количестве земель, приходящихся на каждую ревизскую душу в Колыванском, Бийском и Кузнецком уездах. Было подсчитано, сколько земель можно еще заселить из расчета 15 десятин на каждого крестьянина. В Бийском уезде, например, количество

¹²⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 292, св. 40.

¹³⁾ Отчет Сибирскому комитету Тобольского губернатора о деятельности губернских землемеров. 1823, ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 36, лл. 121—123.

земель, пригодных к земледелию, равнялось 3196121 десятинам¹⁴). На этих землях, по мнению землемеров, можно было бы поселить 55194 крестьянские души. Однако сами землемеры хорошо понимали, что эту возможность очень трудно осуществить. В примечаниях к статистическим данным отмечено: «... крестьяне при первоначальном своем заселении, избирая к тому выгоднейшие места, застроили свои деревни там, где только к тому оказалась лучшая удобность, а через то к земле свое владение присвоили без всякого порядка и с большим излишеством». Следовательно, в случае выделения районов для переселения «многие крестьянские дворы нужно будет переносить» и тем самым может быть вызвано сильное недовольство крестьян¹⁵).

За исключением заводских земель в ведении Томского губернского правления находилось 65846 кв. верст (уезды Томский, Каинский, Красноярский и Енисейский). Земли этих уездов не были так тщательно измерены, как заводские округа, статистические сведения о них давались лишь приблизительно: «Каинский уезд должен заключать пространство до 108260 кв. верст. Северная часть состоит из непроходимых лесов и болот, а полуденная заключает и удобные земли и имеет площади до 47913 кв. верст. Годных земель почти вдвое меньше против неудобных. ...Красноярский уезд должен иметь до 224638 кв. верст, заселяемое жителями пространство — 80825 кв. верст»¹⁶).

По таким данным трудно было представить, какое количество земель находилось в пользовании крестьян, и какие районы могли быть пригодными для новых поселений. Конечно, в условиях Сибири первой половины XIX в. землемеры не могли в короткий срок решить поставленные перед ними задачи.

Более подробные и точные сведения о крестьянских хозяйствах поступали в губернское правление от чиновников, выяснивших причины недоимочности государственных крестьян. В 1815 г. по заданию Томской казенной палаты коллежский ассессор Зинов сделал подробное описание притракатных волостей Семилужской (села Семилужное, Ишимское, Беркульское, деревни Халдеева, Турунтаева, Комонская, Почитанская, Подъельницкая) и Спасской (села Покровское, Спасское, Вознесенское, деревни Булатова, Антошкина, Турушова, Камышенка, Мурашева)¹⁷). Всех крестьян этих волостей Зинов разделил на 2 группы: старожилов и поселенцев. Описывая довольно зажиточные хозяйства старожилов, Зинов отмечает, что каждое из них имело посев хлебов от 1 до 3 десятин на одну ревизскую душу. Обращает внимание замечание Зинова о трудностях выявления действительного количества обрабатываемой земли, «поелику некоторые из них (крестьян.— А. А.) выезжают для хлебопашества за 25 верст и занимаются оным безостановочно»¹⁸).

Сенокосными угодьями и лесами крестьяне пользовались «неограниченно». Другая часть крестьянства — «водворенные поселенцы, причисленные в крестьянский оклад», хотя и должны были иметь земли по 15 десятин на душу, — находились в самом бедственном положении: «... у поселенщиков ни домообзаведения, ни хозяйства нет»¹⁹).

Сведения Зинова дополняют «записки» томского губернского исправника (1814—1815 гг.), в которых тоже отмечалось, что в волостях Каинского уезда, несмотря на обилие земель, удобных для хлебопаше-

¹⁴) ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 65а, л. 120.

¹⁵) ГАОО, ф. 2, оп. 2, д. 65а, л. 121.

¹⁶) ГАОО, ф. 2, оп. 3, д. 65а, лл. 128—129.

¹⁷) Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 1, оп. 1, д. 315, лл. 1—31.

¹⁸) ГАТО, ф. 1, оп. 1, д. 315, лл. 29—30.

¹⁹) Там же, л. 15.

ства, крестьяне засевают лишь по 3—5 десятин на один двор²⁰⁾, в то же время «в уезде нет удобной земли, которую бы крестьяне не считали своею»²¹⁾.

Статистическое описание Томской губернии было составлено в 1816 г. Предполагалось, что уездные и волостные землемеры дадут точные данные об уездах и волостях «по следующей схеме: 1. По предмету земледелия. 2. Мануфактур. 3. Торговли»²²⁾.

Эти сведения должны были дополняться статистическими картами «с показаниями на оных селений и земель, им принадлежащих»²³⁾. Уездные и волостные землемеры проделали огромную работу и тем не менее описание, законченное к 1816 г., носило самый общий характер. По каждой волости давались сведения о количестве сел и деревень с числом домов в них, описывались почвы, характеризовались сенокосные и лесные угодья, перечислялись виды занятия населения. При оценке состояния земледелия в том или ином районе составлялись схемы — сколько и каких культур высевали крестьяне на одну десятину и какие получали урожаи²⁴⁾. Но карты уездов составить не удалось, несмотря на неоднократные требования и циркулярные письма сибирского губернатора, министров внутренних дел и полиции²⁵⁾. На все запросы Томский губернский землемер неизменно отвечал, что «к сочинению требуемых статистических уездных карт всей Томской губернии достоверных сведений нет и извлечь оных не из чего»²⁶⁾.

Во время ревизии сибирских губерний сибирским генерал-губернатором М. М. Сперанским ему было подано большое количество крестьянских жалоб. Крестьяне жаловались, главным образом, на злоупотребление чиновников и неправильные поборы (жалобы на малоземелье встречались редко, в основном в Восточной Сибири)²⁷⁾.

В первые годы после ревизии измерение и обмежевание земель в Тобольской и Томской губерниях было фактически прекращено, так как почти все исправники и землемеры были «удалены от должности» Сперанским за злоупотребления. Хотя Сперанский и ставил перед губернскими правлениями задачу «определить крестьянские земли с точностью, а не гадательно»²⁸⁾, но из-за недостатка землемеров выполнить это требование сибирского генерал-губернатора было невозможно. Не раз Сибирский комитет, рассматривая вопрос «о приведении в известность земель в Сибири», признавал, что «предприятие точной съемки Сибирских земель представляет важные затруднения и требует продолжительного времени»²⁹⁾.

В начале 30-х годов XIX в. в связи с выделением Департамента государственных имуществ и готовящейся реформой государственных крестьян правительство вынуждено было серьезно заняться изучением земельного вопроса в Сибири, так как именно эту окраину России предполагалось сделать районом крестьянского переселения³⁰⁾.

²⁰⁾ Там же, л. 29.

²¹⁾ Там же, л. 15.

²²⁾ ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 424.

²³⁾ ГАТО, ф. 144, оп. 1, д. 424, л. 12.

²⁴⁾ Там же, л. 14.

²⁵⁾ Там же, лл. 16—17.

²⁶⁾ Там же, л. 22.

²⁷⁾ В. Вагин. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири. Т. 1, СПб., 1887, стр. 513—514.

²⁸⁾ ГАТО, ф. 1, оп. 1, д. 976, л. 64.

²⁹⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 36, л. 124.

³⁰⁾ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2, М., 1961, стр. 30.

Специальным указом правительства в 1831 г. была сформирована рота топографов для обмежевания земли в Сибири³¹⁾.

В течение нескольких лет создавались топографические карты уездов Тобольской и Томской губерний с указанием границ сел и деревень, им принадлежащих пашенных, сенокосных и лесных угодий, выявлялись земли, не занятые государственными крестьянами³²⁾. После этого землемеры приступили к главной задаче, которая состояла в том, чтобы «земли в Тобольской и Томской губерниях находящиеся привести в известность окружной чертой так, чтобы в каждой волости на каждую душу по 7 ревизии было по 15 десятин, а излишнюю землю отрезать в казенное ведомство для наделения крестьян, у коих не имеется полной 15-десятинной пропорции»...³³⁾. И вот, когда царские чиновники стали активно вмешиваться в устоявшиеся порядки крестьянского землевладения — отмежевывать «излишние» земли у одних селений, «прирезывать» их к другим, выделять земли под оборочные статьи и районы переселений, в Сибирский комитет посыпались жалобы крестьянских «обществ» и отдельных крестьян на «незаконные» действия землемеров. В делах Сибирского комитета сохранилось более 1000 крестьянских жалоб, они являются интересным источником по истории сибирского крестьянства³⁴⁾.

Несмотря на все многообразие земельных споров, их можно разделить на несколько основных видов. Это прежде всего конфликты, возникающие между крестьянами и землемерами, которые отмеряли «излишние» земли. Крестьяне доказывали, что земли они обрабатывали «нестари», часто ссылались на копии грамот XVIII в., которые закрепляли эти земли за владельцами или их предками³⁵⁾.

Вследствие того, что губернские и уездные землемеры проводили межевание, исходя из числа ревизских душ в волости или селении, не вдаваясь в истинное состояние хозяйства, крестьянам выделялись «в счет недостающих» земель леса, болота, перелески, «неудобные ни к хлебопашеству, ни к сенокосению»³⁶⁾.

В результате такого межевания целые селения оставались без сенокосных угодий. В Тобольской губернии — Тобольский округ, д. Шевелева Куларовской волости, д. Морозова Бронниковской волости, целая волость — Колтоновская, Туринского округа³⁷⁾.

В Введенской волости Курганского округа, например, 6 селений — Введенское, Зайково, Сисикино, Сидорово, Сычево, Островное — владели землями «чересполосно»; после межевания, когда новые земли были дополнены не к каждому селению, а в целом на волость, споры за угодья между деревнями не только не прекратились, но разгорелись с новой силой, причем к перечисленным деревням примкнули еще четыре — Чинеево, Медвежье, Иково, Губерлиново, которые до межевания «владели землей спокойно»³⁸⁾.

Крестьяне жаловались на то, что действия землемеров закрепляли неравномерное распределение земель между волостями и селениями. Так

³¹⁾ 2-е Собрание законов Российской империи. Т. II, 4122, стр. 513.

³²⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 1, л. 991, д. 1059, л. 527—564.

³³⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1059, л. 38.

³⁴⁾ Материалы жалоб помогают составить представление о видах земельных владений крестьян, о взаимоотношении их с местными кочующими народами, о роли общины в земельных спорах, о политике правительства по отношению к крестьянству.

³⁵⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1289.

³⁶⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 908, л. 17.

³⁷⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 1, дд. 912, 1289, 1383.

³⁸⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1513. См. также аналогичную жалобу крестьян волостей Суерской, Ермутлинской, Тобольского округа (ф. 3, оп. 1, д. 911).

произошло в Терлоцкой и Коцкой волостях Ялutorовского округа Тобольской губернии. При повторном межевании выяснилось, что у терлоцких крестьян оказалось по 21 десятина на ревизскую душу, а у коцких — по 12 десятин. Крайне неравномерно были распределены земли в Туринском округе между деревнями Давыдовой и Усенниковской, в Тарском округе — между деревнями Гушиной и Щипициной, в Тобольском округе — между деревнями Башковой и Дурыниной, в Нелюбинской волости Томской губернии — между деревнями Березкиной и Петровой-на-Пороге и др.³⁹).

При рассмотрении крестьянских жалоб Казенные палаты в большинстве случаев признавали разделы, произведенные землемерами, правильными, а губернским властям советовали «прекращать споры силой»⁴⁰).

Нередко землемеры объявляли крестьянам о том, что в их пользовании находятся «излишние» земли, которые, как собственность казны, сдавались затем в аренду в виде оброчных статей. Например, в Курганском округе у крестьян деревни Падериной было отмежевано более 100 десятин земли под оброчные статьи (эти земли были отданы в аренду частному лицу — коллежскому асессору Гураеву)⁴¹). В Успенской волости Тюменского округа у крестьян села Успенского были «отрезаны» сенокосные угодья по берегам реки Тышмы и озера Плоское, «бывшие с давних лет у Успенского общества», и сданы в аренду винокуренному заводу. Тюменским уездным судом это решение было признано правильным⁴²).

Другой причиной, вызвавшей недовольство населения, явилось неправильное межевание земель между русскими селениями и юртами татар. Почти во всех жалобах этого рода встречаем мы утверждения о том, что до межевания русские и татары владели землями «бесспорно», жили между собой мирно», «жительствоваали без всякого стеснения».

Но после насильственного раздела земли в 15-десятинную пропорцию стали возникать споры и распри, продолжающиеся в течение нескольких лет. Например, в результате межевания земель между деревнями Верхне- и Нижне-Репиных с татарами юрт Турбинских татарам были отданы пахотные земли, а крестьянам были выделены участки, непригодные под пашню. То же произошло в Кударовской волости, где сенокосные угодья были отобраны у деревни Русановой и переданы во владения татарам юрт Иртышатских и Пушнятских. В Бергамской волости Тарского округа крестьяне деревни Луговской и Самохваловой в течение 50 лет пользовались землями, которые до их прихода «лежали в пусте», затем были ими «возделаны под пашню». При межевании оказалось, что эти земли принадлежат татарам юрт Черкашинных и крестьянам было предложено искать другие участки⁴³).

В других случаях земли отрезывались у татар под тем предлогом, что у последних не сохранились копии с писцовых книг, подтверждающих их право на земли. Так, в Байкальской волости Тобольского округа у татар было отмежевано 546 десятин лучших покосов, в Ялutorовском округе Сингульской волости у татар юрт Шадринских — 2407 десятин, 296 сажень земли, у татар юрт Супрынских — 603 десятины⁴⁴).

³⁹) ГАОО, ф. 3, оп. 1, дд. 6, 963, 1160, 1488, 1490.

⁴⁰) ГАОО, ф. 3, оп. 1, дд. 911, 1168.

⁴¹) ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1164, лл. 1—64.

⁴²) ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 15.

⁴³) ГАОО, ф. 3, оп. 1, дд. 148, 908, 1484.

⁴⁴) ГАОО, ф. 3, оп. 1, дд. 984, 1398, 1401.

Такие действия землемеров вели к многочисленным злоупотреблениям, взяточничеству, прямому подстрекательству к насильственным захватам земли и даже открытым столкновениям между селениями⁴⁵⁾.

II, наконец, следует отметить земельные тяжбы внутри селений между кулацкой верхушкой и беднейшей частью деревни.

Например, крестьянин Зырянов Личинской волости Тюменской округи завладел 26 десятинами пахотной земли, принадлежавшей крестьянам деревни Шадриной. Крестьянин Осип Карнаухов распахал 20 десятин земли, из числа земель села Богандинского, «присоединив к ним 4 десятины лесу», земли обработал «наемными рабочими людьми и своими трудами»⁴⁶⁾.

Подобные споры чаще всего решались в пользу зажиточных крестьян, и недовольство основной массы крестьян усиливалось. Протест крестьянства, выразившийся сначала в пассивной форме — в виде многочисленных жалоб, вылился в открытые выступления, которые послужили одним из факторов, помешавших правительству провести реформу государственных крестьян в Сибири⁴⁷⁾.

⁴⁵⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 1, дд. 719, 909, 1402.

⁴⁶⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 1, дд. 956, 1390.

⁴⁷⁾ См.: В. И. Бочарникова. Реформа П. Д. Киселева и волнения государственных крестьян Тобольской губернии в 1843 г. Исторические записки, т. 70, 1961.

**КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПРИПИСНОЙ ДЕРЕВНИ НА АЛТАЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII в.)****А. Н. ЖЕРАВИНА**

История алтайской приписной деревни вызывает неослабевающий интерес сибиреведов. В настоящее время не только по-новому решаются проблемы, выдвинутые еще дореволюционной историографией (о характере кабинетского хозяйства на Алтае, его владельческой принадлежности, социальной сущности приписного крестьянства, степени феодальной зависимости его и т. д.), но и выдвигается целый ряд новых.

В работах по истории приписных крестьян большое место отводится вопросам о том, какую роль они сыграли в земледельческом освоении Западной Сибири, в обеспечении заводов и рудников продовольствием, сырьем, рабочей силой, как горнозаводское хозяйство влияло на развитие сельского хозяйства в пределах заводского ведомства¹⁾.

Некоторые исследователи сибирской деревни XVIII в. выражают определенное отношение к дискуссии по проблемам развития капитализма в Сибири. Д. И. Лейкин считает, что уже к 60-м годам XVIII в. в сельском хозяйстве Сибири «обозначаются предпосылки капиталистических отношений»²⁾. Применительно к XVIII—первой половине XIX вв. Г. П. Жидков делает вывод о том, что в приписной деревне на Алтае «...налицо элементы капиталистических отношений»³⁾.

Для определения начального этапа развития капитализма на Алтае необходимо установить, когда в экономике приписной деревни возник-

¹⁾ М. М. Громыко. Некоторые результаты земледельческого освоения Западной Сибири в XVIII в. «История СССР», 1965, № 2. Ее же. Некоторые особенности приписной деревни Западной Сибири второй половины XVIII в. В кн.: «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г.», Киев, 1962. Ее же. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965. Г. П. Жидков. Уровень товарности земледельческого хозяйства приписной деревни Западной Сибири в дореформенный период. Известия Сибирского отделения АН СССР, Серия общественных наук, вып. 2, № 5, Новосибирск, 1964. Т. И. Агапова. Возникновение и развитие кабинетского хозяйства на Алтае в XVIII в. Материалы по истории Сибири. Сибирь XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1962. Н. Я. Савельев. К вопросу о роли крестьян в развитии горнозаводского производства Колывано-Воскресенских заводов второй половины XVIII в. Там же. М. Е. Сорокин. Горнозаводское хозяйство кабинета в Западной Сибири в 1747—1779 гг. Диссертация..., Томск, 1965. Ю. С. Булыгин. Присоединение Верхнего Приобья к России и заселение его русским крестьянством в XVIII в. Диссертация..., Томск, 1965.

²⁾ Д. И. Лейкин. Развитие внутреннего рынка в Сибири в XVIII в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 1955, стр. 2.

³⁾ Г. П. Жидков. О наемном труде на Алтайских заводах в XVIII—первой половине XIX вв. Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма, вып. 2. Новосибирск, 1965, стр. 218—219.

кают качественно новые явления, когда имущественное неравенство вызывает социальное расслоение, наступает разложение крестьянства. Все эти вопросы нельзя решать без учета явлений, которые происходили внутри крестьянского хозяйства.

Хозяйство приписных крестьян как отдельная экономическая ячейка исследуется в недостаточной степени. Особенно это относится ко второй половине XVIII в., то есть начальному периоду существования приписной деревни в рамках кабинетского хозяйства, к периоду складывания приписной деревни в Западной Сибири.

Исходя из вышесказанного, в статье сделана попытка по не опубликованным материалам второй половины, особенно последней четверти XVIII в., проследить состояние крестьянского хозяйства алтайской приписной деревни.

Для решения поставленной задачи использованы ведомости о размерах посевов крестьян Бийской земской избы за 1774—1779 и 1790 гг., Боровлянской, Тырышкинской, Чарышской, Пачинской земских изб за разные годы, а также ведомости о количестве скота в хозяйствах крестьян. В них содержатся сведения о составе каждой крестьянской семьи (чаще указаны только ревизские души), о количестве работников в ней, размерах посевов, о поголовье скота. По этим данным можно определить, насколько крестьянское хозяйство было обеспечено рабочими руками, сколько десятин посевов и голов скота приходилось в среднем на двор, ревизскую душу, работника.

Наиболее полные сведения сохранились по хозяйствам крестьян Бийской земской избы, особенно за 1774—1779 гг. Результаты анализа размеров посевов по каждой крестьянской семье за 5 лет показали, что за небольшой промежуток времени в хозяйствах крестьян Бийской земской избы произошли некоторые изменения.

В Бийской слободе было 36 дворов. За 1774—1779 гг. примерно в прежних размерах сохранились посевы в 9 хозяйствах, увеличились на 1—1,5 дес. в 2-х хозяйствах, сократились посевы в 23-х хозяйствах⁴).

В большинстве хозяйств наблюдается тенденция к уменьшению размера пашни, но в ряде случаев происходят резкие колебания. Николай Семенов Казанцев имел посев: в 1774 г.—12,5 дес., в 1775 г.—16 дес., в 1776 г.—12,5 дес., в 1777 г.—7,5 дес. Состав семьи во все эти годы не изменялся, ежегодно было 2 работника. За 1779 г. Н. Казанцева в списках нет, но есть несколько крестьян Казанцевых. Среди них могли быть выделившиеся из семьи Н. Казанцева. Федор Козьмин Осокин заседал: в 1774 г.—27,5 дес., в 1775 г.—22,5 дес., в 1776 г.—24 дес., в 1777 г.—16 дес. Во все эти годы в семье было 3 работника. В 1779 г. тва брата Ф. Осокина, видимо, отделились. Одним из них мог быть Константин Козьмин Осокин, которого нет ни в одном из предыдущих списков. Он имел в 1779 г. 4,5 дес. посевов. В хозяйстве Федора Козьмина Осокина к 1779 г. остался один работник (он сам), пашня составляла всего 4,5 дес.⁵). Два работника было в семье Дмитрия Семенова Казанцева, а посевы уменьшились с 15 дес. в 1775 г. до 10,25 дес. в 1776 г. В 1777 г. в его хозяйстве было 6,2 дес. пашни⁶). По Бийской слободе в хозяйствах с одним работником, как правило, было 5—6 дес., в некоторых 2—3 дес., с двумя работниками — 10—12, реже — 14—15 дес. посева.

Таким образом, размер пашни крестьянской семьи находился в определенной связи с количеством членов семьи, могущих работать

⁴) Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 4270, оп. 1, ч. 2, д. 26, лл. 432—433, 464, 411, 534; д. 23, лл. 305—306.

⁵) Там же.

⁶) Там же.

в хозяйстве. Это подтверждается и данными по посевам крестьян, которые отнесены к числу «негодных», то есть по болезни или старости нетрудоспособных. Из них Кирилл Тимофеев Попов в 1774 г. имел 2,25 дес. посевов, в списках 1775 и 1776 гг. его нет, в 1777 г. он засеял 3,25 дес., а в 1779 г. хотя и включен в список, но в графе «у них в посевах разного хлеба» против его фамилии ничего не сказано. То же самое отражено и в ведомости за 1790 г. По данным за 1788 г. у Кирилла Попова не было и скота⁷⁾.

Посевы Никифора Игнатьева Ремезова занимали в 1774 г.— 1,5 дес., в 1775 г.— 0,75 дес., а в ведомости за 1776 и 1777 гг. о нем написано: «За старостию и неимением лошадей пашни не имеет». Детей у Н. Ремезова не было. Его семья состояла из двух человек. Кроме него была еще одна душа женского пола, тоже «негодная», то есть нетрудоспособная. В 1788 г. Ремезовы имели 4 головы скота, а к 1790 г. у них не было ни посевов, ни сена⁸⁾.

В д. Замятиной в 1774 г. было всего 8 хозяйств. Среди них к 1779 г. не оказалось хозяйства Никиты Федорова Склюева, возможно, он переехал куда-нибудь. В списке за 1779 г. указано 10 хозяйств., но по трем из них сведений о размерах посевов нет. Двух крестьянских семей в 1774 г. в данной деревне не было, возможно, они переехали сюда после 1774 г. и к 1779 г. еще не имели посевов.

Общая площадь посевов в д. Замятиной до 1777 г. увеличилась всего на 5 дес. (с 81 до 86), в среднем на 1 двор сохранилась в пределах 10. К 1779 г. произошло сокращение всей засеваемой крестьянами земли до 78 дес. в результате отъезда Никиты Склюева. В среднем и на 1 двор в 1779 г. высевалось меньше — 7,8 дес.

Но эти средние показатели не отражают реального положения с крестьянскими посевами по отдельным хозяйствам. В действительности дело обстояло так, что размер пашни не изменился в 2-х хозяйствах, увеличился на 2 дес. в 2-х хозяйствах, на 4,5 дес.— в 1-м хозяйстве; уменьшился на 1—1,5 дес.— в 2-х хозяйствах, на 5 дес.— в 1-м хозяйстве.

Фактическое уменьшение размера посевов в 2-х хозяйствах незначительно. Правда, у Ефтифея Замятина пашня сократилась с 15 дес. в 1774 г. до 10 дес. в 1779 г. Но это могло быть результатом выделения из хозяйства Е. Замятина его брата Якова, который в 1779 г. записан отдельно. Посевы Якова за этот год не указаны. Хозяйство же Е. Замятина не стало слабее. В нем на одного работника приходилось обрабатываемой земли: в 1774 и 1775 гг.— 7,5 дес., в 1776—1777 гг.— 9 дес., в 1779 г.— 10 дес. (во всех остальных хозяйствах деревни — 4—10 дес.). В большинстве хозяйств д. Замятиной наблюдается тенденция роста размеров пашни. Средние данные за 1779 г. получились меньшими, чем за предыдущие годы в результате учета и беспосевных, недавно переехавших в д. Замятину крестьян⁹⁾.

В д. Быстрый Исток в 1774 г. было 21 хозяйство, к 1779 г. осталось 12 семей, 6 семей записаны по д. Локтевой, куда они переехали, 2-х семей в списках 1779 г. нет и неизвестно, куда они выбыли.

Размер пашни увеличился за рассматриваемый отрезок времени лишь в 4-х хозяйствах, в прежних размерах сохранились посевы в 2-х хозяйствах. Во всех остальных наблюдается сокращение посевов: на 0,75 дес.— в 2-х, на 1—2 дес.— в 6, на 3—4 дес.— в 3-х, на 6 дес.—

⁷⁾ Там же, д. 42, л. 341; д. 32, л. 698.

⁸⁾ Там же.

⁹⁾ Там же, д. 26, лл. 433, 425, 417, 541; д. 23, лл. 308—309.

в 1-м хозяйствах. Можно было не брать отдельно сокращение посева на 0,75 дес. Но если до этого посевы Федора Кузнецова составляли всего 2 дес. (на 1 работника и 2 «негодных» души), то уменьшение их до 1 или 1,25 дес. представляется для хозяйства данного крестьянина значительным (в 2 или почти в 2 раза) и было, несомненно, чувствительным.

Многие факты говорят о том, что не всегда увеличение числа работников в семье вело к росту пашни. Алексей Кузнецов в 1774 г. при 4 трудоспособных в семье имел 11 дес. посевов. К 1779 г. работников стало 6, а пашни было всего 7 дес.¹⁰⁾. Подобное наблюдается и по хозяйствам крестьян других деревень¹¹⁾.

В д. Усть-Чарышской за время с 1774 по 1779 г. увеличилось число дворов (с 6 до 12), почти вдвое выросли размеры посевов (с 39 до 76,5 дес.). На 1 двор приходилось пашни: в 1774 г.— 6,5 дес., в 1779— 6,3 дес. На первый взгляд может показаться, что в каждом отдельном хозяйстве не произошло каких-либо изменений. Такие результаты получились за счет посевов крестьян Налимовых, Черданцовых, Афанасия Рехтина, переехавших в д. Усть-Чарышскую из Солдатовой.

Что же касается тех крестьян, которые жили здесь в 1774 г., в их хозяйствах значительно сократились посевы. В 1774 г. по данной деревне было учтено 6 дворов. К 1779 г. не оказалось в списках Игнатия Федорова (возможно, переехал в другое место). У 4-х оставшихся крестьян (Семена Гущина, Дмитрия Беспалова, Алексея Макарова, Якова Беспалова) посевы уменьшились на 1—7 дес. у каждого. Крестьянин Прокопий Ильиных засеивал в 1779 г. на 1,2 дес. больше, чем в 1774 г. Но вряд ли это можно рассматривать как значительный рост пашни, если учесть, что за прошедшее время в семье П. Ильиных стало на 2 работника больше (пашня составляла в 1774 г. 6,75, в 1779 г.— 8,5 дес.)¹²⁾.

Для хозяйств крестьян д. Бехтемирской характерны уже отмеченные явления. Средний размер посевов на 1 двор оказался в 1779 г. больше по сравнению с 1774 г. не в результате фактического увеличения запашки на хозяйство. Здесь, как и у других крестьян разных деревень, прослеживается уменьшение пашни в отдельных хозяйствах на 1—6 дес. Общий итог по д. Бехтемирской получился за счет большого роста посевной площади в хозяйстве крестьянина Ивана Мальцева, который имел на 7 ревизских душ (из них 5 работников): в 1774 г.— 24, в 1775 г.— 19, в 1777 г.— 21,5, а в 1779 г.— 46 дес.¹³⁾.

К интересным наблюдениям приводит анализ состояния крестьянских хозяйств д. Тырышкиной, Легостаевой, Большой речки, Пешаной. Средние показатели по этим деревням выглядят следующим образом (табл. 1)¹⁴⁾.

Число крестьянских дворов в д. Тырышкиной, Легостаевой увеличилось в результате семейных разделов. Почти на 1/3 стало больше работников в д. Тырышкиной (41 в 1779 г. вместо 27 в 1774 г.), но это не сопровождалось соответственным ростом площади засеваемой земли крестьянами всей деревни. При чем число работников в последующее время продолжало расти, а посевов становилось меньше.

¹⁰⁾ Там же, д. 26, лл. 433, 429, 419, 542—543; д. 23, лл. 320—321.

¹¹⁾ Там же, д. 26, лл. 439, 425, 417, 541, 435; д. 23, лл. 307, 311, 434, 425, 435, 540; д. 42, л. 345.

¹²⁾ Там же, д. 26, лл. 438., 430, 544; д. 23, л. 302.

¹³⁾ Там же, д. 26, лл. 438, 466, 439, 536; д. 23, лл. 314, 444, 428, 422, 545—546.

¹⁴⁾ ЦГАДА, ф. 4270, оп. 1, ч. 2, д. 26, лл. 439, 425, 417, 541, 440, 429, 419, 543, 443, 444, 428, 422, 545—546, 437—438, 327, 542; д. 23, лл. 301, 304, 307, 308; д. 42, л. 349.

За 16 лет в д. Тырышкиной стало на 5 дворов больше за счет семейных разделов. Число ревизских душ увеличилось в 1790 г. больше чем в 2 раза по сравнению с 1774 г. в результате учета всех родившихся в период между III и IV ревизиями. Из общего числа ревизских душ в деревне меньше половины могли работать в хозяйстве (по данным на 1790 г.). Расходы каждой крестьянской семьи к 1790 г. должны были возрасти — ревизских душ стало больше, за них нужно было больше платить. А доходы от занятия земледелием за 1774—1790 гг. в среднем из расчета на 1 двор, работника, ревизскую душу уменьшились, как видно из таблицы.

Таблица 1

Название деревни	В ней было						
Годы	дворов	ревиз. душ	работников	посевов (в дес.)			
				всего	на 1 двор	на 1 ревиз. душу	на 1 работника
д. Тырышкина							
1774	19	45	27	175,25	9	3,8	6,5
1775	18	44	27	176	9,7	4	6,5
1776	18	44	27	153,5	8,6	3,5	5,8
1777	18	44	27	161,75	9,8	3,6	6
1779	24	47	41	188,5	7,8	4	4,5
1790	24	99	44	166	7	1,7	3,8
д. Легостаева							
1774	14	36	20	63,75	4,5	1,7	3,1
1775	14	36	20	62,75	4,5	1,7	3,1
1776	16	34	21	70,25	4,4	1,7	3,3
1777	17	35	22	52,5	3	1,5	2,4
1779	21	35	33	99	4,7	2,8	3
д. Большая речка							
1774	20	46	33	75,75	3,7	1,6	2,3
1775	20	46	33	94	4,7	2	2,8
1776	21	43	31	65,5	3,1	1,5	2,1
1777	20	44	33	63,25	3,1	1,4	2
1779	17	35	31	115	6,7	3,3	3,7
д. Пещаная							
1774	25	63	48	255	10,2	4	5,3
1776	29	64	51	227	7,9	3,5	4,5
1777	25	59	46	164	6,5	2,9	3,6
1779	24	45	39	137	5,7	3	3,5
1790	25	74	44	118	4,7	1,6	2,7

При внешне схожих условиях другое наблюдается на примере хозяйств крестьян д. Легостаевой. Увеличение числа дворов здесь, как и в д. Тырышкиной, было результатом семейных разделов, за время

с 1774 по 1779 гг. сюда никто не переехал. Больше чем на 1/3 выросло количество работников за прошедшие 6 лет. Число ревизских душ почти не изменилось. А по остальным показателям двух деревень нет ничего общего.

Посевные площади крестьян д. Легостасовой увеличились более чем на 1/3 в 1779 г. по сравнению с 1774 г. (с 63,75 до 99 дес.). Больше стало засеиваться на 1 ревизскую душу и на 1 двор. Это должно было увеличивать доход крестьянского хозяйства от занятия земледелием.

Но несмотря на то, что по каждому отдельному хозяйству в д. Легостасовой доходность крестьянской семьи от земледелия росла, она была за весь период с 1774 по 1779 гг. намного ниже, чем в д. Тырышкиной.

Значительное увеличение числа дворов, ревизских душ, размеров пашни в д. Локтевой, Дупленской и Брагиной произошло в результате переселения сюда крестьян из других мест¹⁵).

Посевов стало больше при уменьшении числа хозяйств крестьян д. Большой речки. В развитии хозяйств крестьян этой деревни даже за такой небольшой промежуток времени (с 1774 по 1779 г.) улавливаются очень большие колебания, крайняя неустойчивость.

К 1779 г. из д. Большой речки уехало 7 семей, но за 1774—1779 гг. некоторые семьи разделились и потому в итоге в деревне только на 3 хозяйства стало меньше. Трудно по использованным материалам объяснить причины значительного сокращения посевов за 1776 и 1777 гг. Но сам факт очевиден. Сокращение не было вызвано отъездом крестьян, за эти 2 года никто из деревни не выбыл. Переезд уехавших совершился между 1777 и 1779 гг. И как раз в этот промежуток времени почти в 2 раза увеличились посевы оставшихся в деревне крестьян.

Число крестьянских дворов в д. Пешаной за 16 лет почти не изменилось, а если брать только 1774 и 1790 гг., то за эти годы нет разницы ни на один двор. Увеличение количества крестьянских дворов в 1776 г. объясняется разделами семей крестьян Даниила Шевелева, Прокопия Фоминского и Петра Поклонова. Итак, в количестве крестьянских хозяйств в д. Пешаной особых изменений не произошло.

Но за 16 лет, прошедших с 1774 г., более чем вдвое сократилась общая площадь посевов, изменялось число ревизских душ и работников. Из года в год очень существенно сокращались посевы из расчета на 1 двор, ревизскую душу, работника.

На основании показателей, полученных в результате подсчетов числа дворов, ревизских душ, работников, посевов, в деревне за каждый год в отдельности и сопоставления их можно сделать общий вывод о действительном уменьшении посевов в 17 хозяйствах на 2—4 дес., а 7 хозяйств — на 6—9 дес.

У многих крестьян получалось на 1 двор, ревизскую душу, работника намного ниже средних показателей в целом по деревне. Крестьянин Иван Николаев Березовиков при 3-х работниках в семье в 1774 г. имел пашню размером в 5,25 дес. (на 1 работника — 1,75 дес. при 5,3 дес. в среднем по деревне за этот год).

В д. Пешаной, как уже было отмечено на примере других деревень бедности Бийской земской избы, не всегда размер пашни соответствовал количеству работников в семье. Иван Яковлевич Березовиков в 1774 г. имел на 2 души мужского пола (из них 1 работник) 9,5 дес. посева, в 1779 г. — 6,5 дес. при 2-х работниках.

¹⁵) Там же, д. 26, лл. 448, 449—452, 466—467, 412, 413, 536—537, 452, 468; д. 23, лл. 315—317, 319.

При всей убедительности данных о тенденции в развитии крестьянского хозяйства д. Пешаной можно ли считать, что сокращение посевов на 1 двор, ревизскую душу и работника происходило у всех крестьян без исключения? Выше было установлено действительное уменьшение посевной площади в 24 дворах на 2—9 дес. А число дворов в деревне в течение 16 лет находилось на уровне 25, только в 1776 г. было 29, а в 1779 г. — 24.

Анализ размеров посевов каждой крестьянской семьи за ряд лет убеждает в том, что выявленная общая тенденция не совпадает с направлением в развитии всех хозяйств крестьян данной деревни.

В семье Ивана Федоровича Березовикова было 5 душ мужского пола, из них 4 работника. Посевы составляли¹⁶⁾ (см. табл. 2).

Таблица 2

	1774	1775	1776	1777	1779
В десятинах	9	9	14	15	—
В среднем по деревне на 1 двор	10,2	8,2	7,8	6,5	—

Данные о посевах на 1 двор в среднем по деревне и в хозяйстве И. Березовикова говорят о совершенно противоположных направлениях в развитии земледелия. Аналогичные явления можно проследить и по другим показателям (по посевам на 1 ревизскую душу и 1 работника)¹⁷⁾.

Еще более интересные результаты дает анализ размеров посевов крестьян Афанасия Шебалина, Якова Федорова Березовикова и его сына Пантелея. В ведомостях за 1774—1779 гг. указано¹⁸⁾ (табл. 3).

Посмотрим, что дают показатели по каждой крестьянской семье. В хозяйстве А. Шебалина посевы с 1774 по 1779 г. сократились на 8 дес., в 1776 и 1777 гг. было меньше, чем в среднем на 1 двор по деревне. На 1 ревизскую душу и 1 работника у Шебалина было намного больше средних данных. Но к 1777 г. А. Шебалин имел посевов всего 3 дес. (при средних размерах на 1 двор в 1777 г. в 6,5 дес.). Разница в посевах на 1 ревизскую душу и 1 работника к 1777 г. оказалась очень незначительной.

Хозяйство Пантелея Березовикова в течение только 4-х лет претерпевало изменения, приводившие к резким колебаниям. С 1774 по 1776 г. П. Березовиков расширял пашню, а потом посевы его только за один 1777 г. сократились в 2 с лишним раза. Те же явления прослеживаются и по данным на ревизскую душу и работника.

Значительное уменьшение размеров посевов наблюдалось в хозяйстве Якова Березовикова. При том же числе ревизских душ и работников в семье посевы с 1774 к 1777 гг. сократились на 8,5 дес. (а в 1776 г. даже на 10 дес.).

В списках 1779 г. ни один из этих крестьян в д. Пешаной не записан. По приведенным данным за 1774—1777 гг. можно было бы делать выводы, не вызывающие никаких сомнений, об уменьшении пашни по каждому из трех рассмотренных хозяйств. Но фактически этого не происходило.

В списках 1779 г. все эти крестьяне не учтены не случайно. Дело в том, что они записаны в д. Буланихе, в которую к 1779 г., видимо, переехали. Что же получается по данным на 1779 г.?

¹⁶⁾ Там же.¹⁷⁾ Там же.¹⁸⁾ Там же.

Посевы А. Шебалина в 1779 г. (на 1 ревизскую душу и 1 работника) составляли 11 дес., то есть столько же, сколько было их в 1774 г. Пантелей Березовиков в 1779 г. заселял 14,5 дес. В его семье стало 3 работника (на 1 работника больше, чем было в 1774—1776 гг.). По сравнению с 1774 г. размер пашни этой семьи увеличился почти в 2 раза.

Записан в д. Буланихе и крестьянин Иван Федоров Березовиков. О его хозяйстве тоже речь шла выше. В 1777 г. он имел 15 дес. посева (при 5 ревизских душах и 4 работниках). В 1779 г. И. Березовиков за-

Таблица 3

Годы	Ревиз-ских душ	Работ-ников	Посевов в деся-тинах	Приходилось в среднем				на 1 двор по деревне
				на 1 ревизскую душу		на 1 работника		
				в хозяй-стве крестья-нина	по де-ревне	в хозяй-стве крестья-нина	по де-ревне	

У Афанасия Шебалина

1774	1	1	11	11	4	11	5,3	10,2
1775	1	1	9,5	9,5	3,6	9,5	4,4	8,2
1776	1	1	5,25	5,25	3,5	5,25	4,4	7,8
1777	1	1	3	3	2,8	3	3,6	6,5

1779

нет в списках

У Пантелея Яковлева Березовикова

1774	3	2	8,5	2,8	4	4,2	5,3	10,2
1775	3	2	8,5	2,8	3,6	4,2	4,4	8,2
1776	3	2	10,5	3,5	3,5	5,2	4,4	7,8
1777	3	2	5	1,7	2,8	2,5	3,6	6,5

1779

нет в списках

У Якова Федорова Березовикова

1774	4	3	22	5,5	4	7,3	5,3	10,2
1775	4	3	22	5,5	3,6	7,3	4,4	8,2
1776	4	3	12	3	3,5	4	4,4	7,8
1777	4	3	13,5	4,4	2,8	4,5	3,6	6,5

1779

нет в списках

севал на полях д. Буланихи в 2 раза меньше — 7 дес. Но к этому времени и ревизских душ в его семье стало меньше (2 вместо 5), а также работников (2 вместо 4). Из хозяйства И. Березовикова выделился его сын Захар, который имел тоже (в д. Буланихе) 8 дес. посева на 3 ревизские души и 3 работника. В целом и по данному хозяйству И. Березовикова с учетом посевов отделившегося сына посевы не сократились, а по сравнению с 1774 г. их размер увеличился почти в 2 раза¹⁹⁾.

¹⁹⁾ Там же, д. 23, л. 311.

Яков Федоров Березовиков имел в 1779 г. 22,5 дес. при оставшихся в семье 3-х ревизских душах и 2-х работниках. В итоге на 1779 г. в хозяйстве крестьянина Я. Березовикова увеличилась общая площадь пашни, ее было больше, чем за каждый предшествующий год. Также обстоит дело с размером посевов на 1 ревизскую душу и 1 работника. Сокращение пашни в 1776 и 1777 гг. объясняется не ослаблением хозяйственной состоятельности данной крестьянской семьи. За период с 1774 по 1779 г. были учтены не фактические посевы крестьянской семьи, а только те, что имел Я. Березовиков в д. Пешаной. Есть основания предполагать, что в 1776 и 1777 гг. Я. Березовиков уже имел пашню там, где на 1779 г. оказалась д. Буланиха. Иначе вряд ли только за один 1779 г. семья Я. Березовикова смогла бы сразу поднять целину под посевы на площади в 22,5 дес.²⁰⁾

С учетом всего изложенного можно сделать по хозяйствам крестьян д. Пешаной более определенные выводы, которые не всегда вытекают из того, что дают цифры, приведенные в таблице с показателями по деревне в целом.

Сокращение общей площади засеваемой земли не является результатом только ослабления хозяйственных возможностей крестьянской семьи. К 1779 г. площадь посевов по д. Пешаной уменьшилась приблизительно на 70 дес. за счет отъезда отсюда наиболее состоятельных крестьян. Но на примере ряда семей все же можно установить действительное уменьшение посевов (в нередких случаях при сохранении или увеличении в семье числа работников). Таким образом, изменения в площади посевов не всегда находились в соответствии с количеством работников в хозяйстве. Это подтверждается данными по хозяйствам крестьян других деревень ведомства Бийской земской избы. Вероятно, много причин оказывало влияние на хозяйственную состоятельность крестьянской семьи. О них почти ничего не говорится в анализируемых материалах. Лишь о крестьянах, не имевших пашню, сделаны пояснения такого рода: «малоум, рукой не владеет, пашни не имеет», «за старостию пашни нет» (у 12 крестьян ведомства), «за малыми летами и сиротством пашни не имеет, живет у родственников» (сказано о 5 крестьянах), «за неимением лошадей и старостию пашни не имеет» (7 крестьян), «за упадком лошадей пахать не на чем». Подобного рода сведения даны о 30 крестьянах всех деревень ведомства. Большинство из них не занималось хлебопашеством по болезни, старости или из-за отсутствия в хозяйстве лошадей.

Обращает на себя внимание тот факт, что о четырех крестьянах из 30 сказано: «...одноколок» Григорий Григор Калачиков, в числе ревизских душ указана одна «негодная» (нетрудоспособная) душа, в 1774 г. «за старостию» пашни не имел, в списках последующих лет его не оказалась, возможно, умер; «одноколок» Иван Матвеев Жеребцов, одинокий, «за слепотою» пашни не имел. С 1775 г. в списках нет; «одноколок» Алексей Данилов Шелковников, одинокий, «за старостию и неимением лошадей пашни не имеет, питается по людям», к 1779 г. в списке нет.

Все они жили в д. Локтевой. Один «одноколок» записан в д. Вяткиной. Им был Леонтий Родионов Вяткин, который «за неимением лошадей и старостию пашни не имел», в 1774—1777 гг. питался у родственников, а в 1779 г. вообще не внесен в список, тоже, видимо, умер²¹⁾.

Вообще термин «одноколок» встречается и в других источниках. Он применялся по отношению к одиноким крестьянам.

²⁰⁾ Там же.

²¹⁾ Там же, д. 26, лл. 449, 451, 412, 413, 466, 467, 544, 536, 537.

Таким образом, проанализированные по посевам крестьян Бийской земской избы материалы представляют исключительный интерес, являются источниками большой ценности. Они позволяют проследить определенные изменения, происходившие в крестьянском хозяйстве, причем не только на примере отдельных деревень, но и в целом по всему ведомству земской избы, в которой на протяжении 1774—1797 гг. было²²⁾ (табл. 4).

Таблица 4

Годы	Дворов	Ревиз-ских душ	Работ-ников	Посевов (в дес.)			
				всего	на 1 двор	на 1 ревиз. душу	на 1 работника
1774	493	1192	791	3395	6,9	2,8	4,3
1776	485	1101	744	3087	6,4	2,8	4,1
1777	513	1175	817	3324,5	6,5	2,8	4,1
1779	518	1077	953	3417,5	6,6	3,2	4,5
1790	466	1577	759	2482	5	1,6	3,3
1797	522	1714	—	2,604	5	1,5	—

Последняя четверть XVIII в.— время участвовавших семейных разделов. Новых дворов на 1774—1797 гг. появилось значительно больше, чем 29, как вытекает из таблицы. Такой результат мог получиться по разным причинам, одной из них являлись переезды крестьян в пределы ведомств других земских изб. За 1790 г. учтены дворы не всех деревень. Число ревизских душ к 1790 и 1797 гг. сильно выросло в результате учета родившихся между III и IV и IV и V ревизиями.

Полученные сводные данные позволяют выявить некоторые тенденции в развитии крестьянского хозяйства почти за четверть века.

Общая площадь посевов, хотя и не прямо пропорционально, но все же в основном зависела от числа работников. На протяжении всего рассматриваемого периода наблюдаются резкие колебания в размерах посевов. Можно отметить уменьшение посевов из расчета на 1 двор, ревизскую душу, работника. Все это уже подчеркивалось при анализе данных по посевам крестьян отдельных деревень или на примере многих семей.

Вместе с тем приводились многочисленные материалы, свидетельствующие об увеличении размеров посевов части крестьян, которым удавалось укрепить свое хозяйство. Это дает возможность утверждать, что в конце XVIII в. поляризация крестьянских хозяйств была значительной.

Процент крестьян, переставших заниматься хлебопашеством, в конце XVIII в. был небольшой, но за 1774—1779 гг. вырос с 3,1 до 4,4. Что собою представляли крестьяне, порывавшие с земледелием, об этом уже говорилось выше.

Ведомости по посевам крестьян Чарышской, Боровлянской, Тырыш-кинской и других волостей составлялись не в одно время, они отражают сведения разных лет, сопоставлять, сравнивать их трудно. Но они являются важным источником для изучения состояния крестьянского хозяйства в пределах каждой волости хотя бы на какой-то отрезок времени.

²²⁾ Там же, д. 26, лл. 432—455, 424—431, 464—469, 411—423, 534—547; д. 23, лл. 305—319; д. 42, лл. 340—351; Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 1, оп. 2, д. 151, лл. 419—420.

В августе 1791 г. была составлена сводная ведомость по посевам крестьян Боровлянской земской избы. Кроме нее сохранилась за этот же год еще ведомость о посевах по каждому крестьянскому двору.

В ведомстве Боровлянской земской избы в 1791 г. было 436 дворов, 1708 душ мужского пола, 4152 дес. посевов. На 1 крестьянский двор приходилось в среднем 9,5 дес. (при колебаниях от 5 до 18 дес.), 169 крестьянских дворов (почти 1/3) имели пашню в 5—8 дес., вместе с ними у 233 крестьян (52% дворов) посевы составляли 3—8 дес., (а в Бийской земской избе 50% крестьян имели посевы в 3—6 дес.). На

Таблица 5

	Земская изба	
	Бийская	Боровлянская
Дворов	466	436
Ревизских душ	1577	1708
Посевов (в дес.) всего	2482	4152
На 1 двор	5	9,5
На 1 ревизскую душу	1,6	2,4

1 ревизскую душу приходилось 2,4 дес. (при колебаниях от 1,3 до 4,1 дес.)²³).

Можно сравнить данные по Боровлянской земской избе за 1791 г. Вот что получается²⁴) (табл. 5).

При меньшем количестве дворов крестьяне Боровлянской земской избы имели большую общую площадь посевов, больше посевов приходилось у них на 1 двор и даже на 1 ревизскую душу.

В 17 деревнях из 38 в Боровлянской земской избе засеивалось на 1 двор от 10 до 18 дес., то есть больше, чем в среднем по всему ведомству. Увеличение запашки на двор, естественно, вело к росту посевов на 1 ревизскую душу, но не всегда. Особенно это показательно для д. Лушниковой, Кошелевой, Огневой заимки, Шмаковой, где при большем размере пашни на 1 двор приходилось на 1 ревизскую душу посевов меньше по сравнению со средними данными по всей земской избе.

При одинаковом числе душ обоего пола каждая крестьянская семья обрабатывала совершенно разные по площади участки земли. Это могло объясняться и количеством работников в семье. Как правило, больше посевов имели семьи, в которых было от 12 до 30 и более душ обоего пола. Это можно проследить по всем деревням Боровлянской земской избы. Но иногда и в хозяйствах таких семей встречаются посевы в очень малых размерах. Крестьянин д. Безменовой Лука Шумов на 10 душ мужского пола и 5 душ женского пола имел пашню в 3 дес., на 1 ревизскую душу в его хозяйстве приходилось всего 0,3 дес. Это можно объяснить тем, что в семье могло быть много нетрудоспособных или для нее существовал другой, главный источник получения средств существования и расчета за ревизские души²⁵).

О реальных возможностях семьи можно судить, зная, сколько было в ней работников. Но размеры пашни зависели не только от числа работников в семье. Иногда и при наличии работников крестьянская семья имела небольшую пашню и даже совсем не имела посевов.

²³) Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 136, оп. 1, д. 2-а, лл. 709—720.

²⁴) ГАТО, ф. 136, оп. 1, д. 2-а, лл. 709—720; ЦГАДА, ф. 4270, оп. 1, ч. 2, д. 42, лл. 340—351.

²⁵) ГАТО, ф. 136, оп. 1, д. 2-а, л. 713.

В конце XVIII в. часть крестьян д. Поздняковой, Быковой, Зоркальцевой и других (всего 12 деревень) посевов не имела. Всего таких крестьян в Нелюбинской волости было 240 чел. Они не занимались земледелием по разным причинам. В документах эти причины объясняются следующим образом: «за старостию и одиночеством», «за крайнею болезнею», «за старостию и слепотою». Одинокие, старые и больные крестьяне питались у родственников, жили на подаяние односельчан.

Но в числе 240 крестьян одиноких, престарелых и больных было немного. В документе речь идет в большинстве случаев о физически здоровых крестьянах, которые не занимались хлебопашеством потому, что они были бедны, не имели семян для посева и лошадей²⁶⁾.

С подобными явлениями мы уже встречались при анализе состояния отдельных крестьянских хозяйств Бийской земской избы. Если при отсутствии лошадей крестьянин мог выполнять на заводах пешие работы (правда, до места работы крестьянин пешком не мог добраться, преодолевая колоссальные расстояния от места жительства до заводов и рудников, значит, и здесь обойтись без лошади трудно было), то в хозяйстве обойтись без лошади было совершенно невозможно. Вот почему в документах при объяснении причин отсутствия пашни у того или иного крестьянина нередко указывается «за неимением лошадей».

Но чтобы судить об обеспеченности крестьянского хозяйства лошадьми, недостаточно знать их общее количество даже по каждому хозяйству в отдельности, так как не все лошади, имевшиеся в хозяйстве, могли быть использованы в качестве рабочего скота. Когда встречаются цифры о наличных лошадях у крестьян, обычно вместе указаны и рабочие лошади и жеребята. Поэтому важно иметь сведения именно о рабочих лошадях в хозяйстве крестьянина. В сохранившихся материалах по второй половине XVIII в. такие конкретные сведения встречаются не часто.

В мае 1789 г. был учтен весь скот, имевшийся у крестьян ведомства Чарышской земской избы. Удалось обнаружить в государственном архиве Томской области сводную ведомость по 27 деревням ведомства. В этой ведомости указано по каждой деревне в целом число душ мужского и женского пола (отдельно указаны взрослые и малолетние, что важно при определении числа работников), посевы ржи, количество лошадей, рогатого скота и птиц, число кузниц, мельниц, мыловарен. Такие же сведения есть и по каждой крестьянской семье за этот год.

Всего в деревнях ведомства Чарышской земской избы было 2978 жителей обоего пола (из них 1390 ревизских душ), 326 дес. посевов ржи, 6080 лошадей (из них рабочих — 4427)²⁷⁾.

Ведомости, отражающие данные по каждому крестьянскому двору, позволяют определить, сколько работников обоего пола, посевов ржи, рогатого скота и лошадей приходилось на 1 хозяйство. В результате подсчета получилось, что в среднем в одном дворе было 2 работника, 10 голов рогатого скота (при колебаниях от 6 до 15 голов), 10 рабочих лошадей (при колебаниях от 5 до 20 на хозяйство), 0,8 дес. посева ржи. В 1786 г. в среднем на 1 двор приходилось 8 лошадей²⁸⁾. По другим ведомостям по подсчетам за 1786 г. приходилось на 1 двор: в Верхотомской земской избе — 5, в Легостаевской — 4, в Бийской (на 1788 г.) — 11 рабочих лошадей²⁹⁾.

²⁶⁾ ГАТО, ф. 321, оп. 1, д. 1, лл. 41—43, 89—91.

²⁷⁾ ГАТО, ф. 140, оп. 1, д. 4, лл. 755—785.

²⁸⁾ ГАТО, ф. 140, оп. 1, д. 4, лл. 755—785; ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 372, лл. 129—139.

²⁹⁾ ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 372, лл. 47—56, 149—167, 129—139.

Нет сомнения в том, что для категорических выводов об общих тенденциях в развитии крестьянского хозяйства приписной деревни Западной Сибири во второй половине XVIII в. далеко недостаточно проанализированных и в какой-то мере прокомментированных материалов. Для подобного рода обобщений необходимо изучить крестьянское хозяйство как таковое в его развитии в течение хотя бы нескольких десятилетий.

Но даже по этим немногочисленным материалам можно сделать некоторые выводы, характеризующие и отражающие общее состояние крестьянских хозяйств.

Крестьяне Бийской, Чарышской, Боровлянской земских изб были неодинаково обеспечены обрабатываемой землей. То же самое можно сказать об обеспеченности обрабатываемой землей крестьян различных селений в пределах ведомства каждой земской избы, также об обеспеченности рабочим скотом.

Проанализированные источники свидетельствуют об участвовавших к концу XVIII в. семейных разделах, что было показано на примере многих деревень Бийской земской избы и хорошо прослеживается на материалах Чарышской земской избы. Хозяйственная состоятельность крестьян в связи с семейными разделами не ослабевала.

Устанавливается не только факт крестьянских переселений в пределах ведомства одной земской избы, но и результат этого переселения в смысле освоения новых земель на ранее необжитых местах. Переезжали на новые места, как правило, наиболее состоятельные крестьяне.

На территории заводского ведомства массового отрыва крестьян от занятия земледелием не наблюдается. Во всяком случае на примере Бийской земской избы это можно проследить на протяжении очень длительного времени. В октябре 1760 г. крестьяне 26 деревень заводского ведомства дали подписку в том «... чтобы им в крепости и города хлеба не возить отнюдь, а возить для продажи на заводы и рудники». К подписке была приложена ведомость, в которой перечислялись все крестьяне, жившие в этих деревнях, и указывалось, сколько у них родилось хлеба нового урожая. В эту ведомость были включены и бийские крестьяне. В 12 деревнях, оказавшихся к концу XVIII в. в ведении Бийской земской избы, было 57 дворохозяев. Из них к концу века не оказалось на прежнем месте жительства 3-х семей. Переехали ли они в другие места жительства или перестали вообще заниматься земледелием, пока установить не удалось. Все остальные крестьяне оставались ими и в конце XVIII в.³⁰⁾

Но безземельные крестьяне были. Общий процент их в каждой земской избе был неодинаков. В Бийской земской избе, крестьяне, не занимавшиеся хлебопашеством, составляли 3—4%, в Боровлянской — 2—3% (на 1791 г.), а среди кузнецких крестьян в момент очередной приписки их к заводам в 1759 г. не имевшие посевов составляли 13,4%. Большой удельный вес составляли крестьяне, не занимавшиеся земледелием, и в Нелюбинской волости. Из отмеченных выше 240 таких крестьян к концу XVIII в. 129 жили в г. Томске, занимаясь различными ремеслами, остальные жили в деревнях, занимались рыбным промыслом, охотой, ремеслами, некоторые нанимались в «срочную крестьянскую работу»³¹⁾.

³⁰⁾ ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 286, лл. 21—31; ЦГАДА, ф. 4270, оп. 1, ч. 2, д. 23, лл. 305—321.

³¹⁾ ЦГАДА, ф. 4270, оп. 1, ч. 2, д. 26, лл. 432—455, 411—423, 534—547; д. 23, лл. 305—321; ГАТО, ф. 136, оп. 1, д. 2-а, лл. 709—720; ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 175, лл. 681—704.

Но подобного рода явления были присущи не только алтайской приписной деревне конца XVIII в. Они наблюдались в более ранний период в Европейской части России. Отрыв от занятия земледелием крестьян целых деревень, переход их к занятию различными ремеслами не привел в XV—XVI вв. к развитию капитализма в России, к разложению крестьянства, так как феодальное хозяйство еще не изжило себя и продолжало развиваться поступательно.

Что же касается приписной деревни на Алтае, то основная масса крестьян в конце XVIII в. не порывала с земледелием, а не занимавшиеся хлебопашеством крестьяне не превращались в людей, живущих только за счет продажи своих рабочих рук. Подавляющее большинство неземледельцев имело свое хозяйство, за счет которого крестьянская семья существовала и выполняла феодальные повинности.

Все сказанное выше позволяет делать бесспорный вывод о том, что крестьянское хозяйство в приписной деревне второй половины XVIII в. развивалось на феодальной, а не на капиталистической основе, как об этом утверждают Д. И. Лейкин и Г. П. Жидков.

ЕЛОВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК I ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА

В. И. МАТЮЩЕНКО, Л. М. СТАРЦЕВА

Еловский курганный могильник I расположен на левом берегу обской протоки Симан между д. Екимово и Еловкой Кожевниковского района Томской области. Район деревни Еловки богат археологическими памятниками. В этом месте имеется Еловское поселение эпохи поздней бронзы, Еловский курганный могильник II эпохи бронзы, грунтовой могильник эпохи железа. Интересующий нас памятник входит в единый и богатый Еловский археологический комплекс.

Могильник был открыт в 1959 г. В. И. Матющенко и Л. В. Александровой. Он состоит из 11 курганов (рис. 1), которые в основном вы-

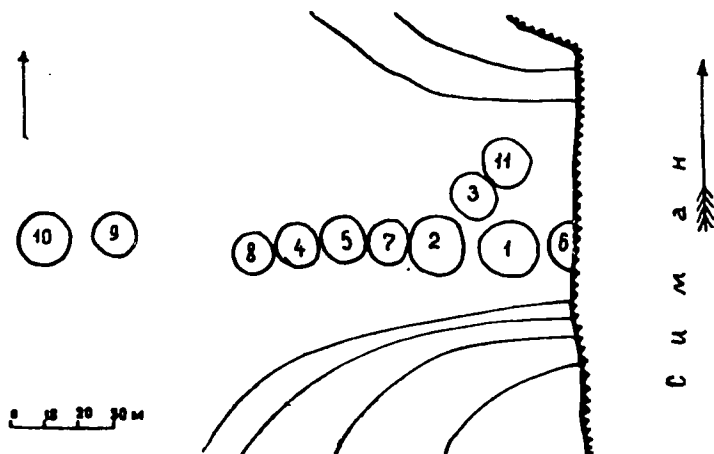

Рис. 1. Общий план Еловского курганного могильника I

тянуты цепочкой по гребню невысокой гривы, Берег Симана в этом месте интенсивно размывается и обрушивается. В результате этого, вероятно, часть могильника оказалась разрушенной и уничтоженной. Большая половина кургана № 6 уже смыта.

Работы по изучению могильника проводились экспедицией Томского государственного университета. В 1960 г. был раскопан курган № 4, в 1961 г. — курган № 7 и в 1962 г. курганы № 1, 2, 3 и 5.

Раскопки курганов проводились так называемым секторным методом. Каждая насыпь была разделена на четыре сектора двумя перпендикулярными линиями. Затем каждый сектор выбирали, оставляя между секторами разделительную бровку, которая позволяла надежно фиксировать разрез насыпи.

Во время раскопок могильника под некоторыми насыпями обнаружены были захоронения эпохи бронзы. В ходе характеристики каждого кургана эти могилы мы упоминаем, но в данной статье мы не даем их описания.

Курган № 1 (рис. 2, а)

Курган располагался на самом берегу Симана. Далее к берегу находится курган № 6, половина которого разрушена рекой. Другая, сохранившаяся половина, очень незначительна. Северо-восточнее кургана находилось всхолмление, не являющееся курганом, но примыкающее к кургану № 1. Курган имел насыпь высотой до 1,5 м и диаметром 13 м. В северной и южной половинах сохранились по одной впадине — остатки грабительских раскопов. Эти ямы несколько вытянуты, имеют размеры $2,5 \times 1,5$ м (северная, № 1) и $2,5 \times 2$ м (южная, № 2). Их глубина 0,30—0,50 м.

Поверхность кургана была покрыта плотным травяным покровом и в центре насыпи росли тут березы в возрасте 20—30 лет.

Разрез по линии I—I (ЮЗ—СВ). Насыпь кургана покрыта гумусом мощностью 15—20 см, 1. Нижнюю границу его определить трудно, так как она сливается с грунтом насыпи. Насыпь состоит из сильно гумусированной темной до черноты земли, супеси пылеватой структуры 2. В тех местах, где должны были бы проследиваться грабительские ямы, нет никаких заметных на глаз изменений. Под насыпью визуально слабо прослеживается погребенная почва 3, так как она и по структуре и по цвету очень схожа с грунтом насыпи. В насыпи в двух местах на глубине в 60—65 см прослеживают-

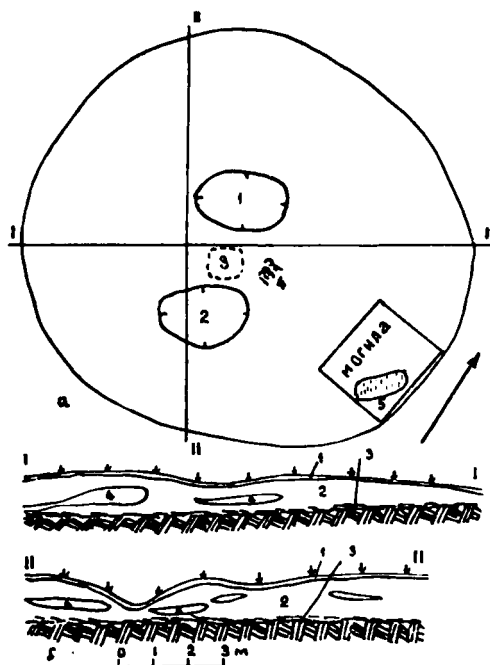

Рис. 2. План и разрезы кургана № 1. а, 1, 2 — следы кладонископических ям на поверхности насыпи кургана; 3 — кострище в насыпи кургана; 4 — захоронение барана; 5 — лист бересты над могилой; б. I—I — разрез кургана в направлении юго-запад — северо-восток; II—II — разрез кургана в направлении юго-восток — северо-запад; 1 — гумус; 2 — насыпь; 3 — погребенная почва; 4 — светлые пятна в насыпи

ся светлые (желто-серые) пятна 4 суглинка, из которого сложен материк, подстилающий курганную насыпь.

Таким же образом выглядит разрез кургана и по другой линии II—II (ЮВ—СЗ). В северо-восточной половине и в середине имеются линзы светло-желтого суглинка, которые являются, видимо, выкидами 4.

В центре кургана, в насыпи (рис. 2, а) на глубине 60—70 см от поверхности ее выше погребенной почвы на 70 см находилось скопление углей, жженой земли мощностью в 10—15 см. Скопление вытянуто с юга на север и имеет размеры 100×50 см, 3. Рядом с этим скоплением несколько западнее находилось захоронение барана 4. Животное было положено на левый бок с вытянутыми в сторону ногами: голова обращена на север, задние ноги — на юг.

В восточном секторе кургана на глубине 80 см от поверхности обнаружен хорошо сохранившийся лист бересты размерами 75×30 см, лежащий горизонтально. После того, как была убрана береста, выяснилось, что под ней сохранилась толща насыпи в 80 см. А после того, как насыпь была убрана полностью, в этом месте открылось темное могильное пятно правильной квадратной формы с размерами сторон в 2,70 м. Это пятно отлично прослеживалось в виде черной земли на фоне светло-желтого материкового суглинка.

При снятии насыпи кроме указанных объектов были обнаружены немногочисленные фрагменты керамики и кости животных.

Керамика из насыпи представлена сероглиняными фрагментами, украшенными резными линиями, образующими треугольники, отпечатками гребенки в виде вертикальных и косых линий. Следует заметить, что эта керамика имеет бесспорное сходство с керамикой Еловского поселения, а некоторые из фрагментов имеют аналогии в керамике андроновской культуры.

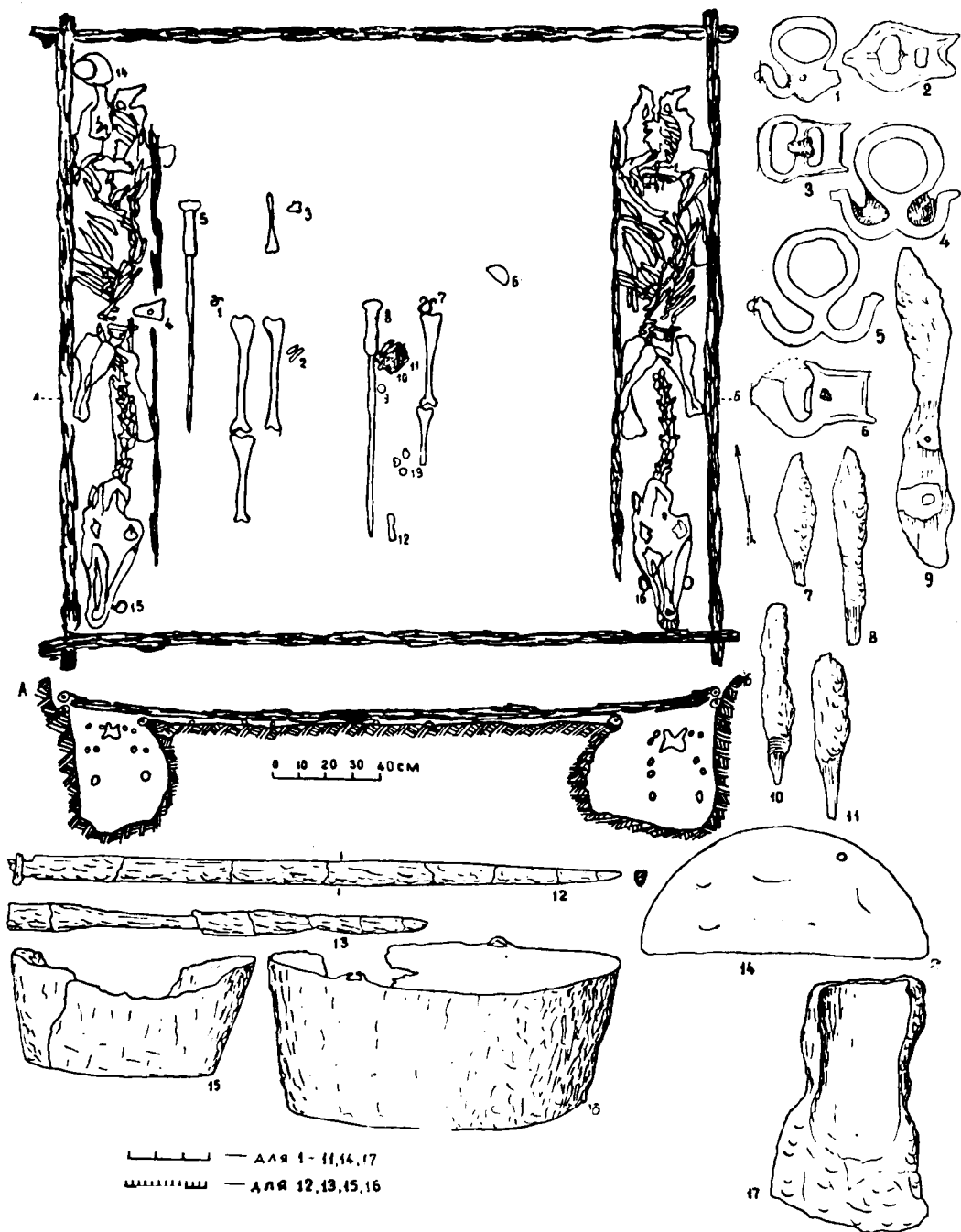
Кроме того, в насыпи обнаружен железный нож длиной в 16,7 см с прямой спинкой и черешком, отделенным от лезвия уступом (табл. I, 7). Могила расположена была в восточной половине кургана на глубине 70 см от древней поверхности.

Верхний венец сруба был сложен из бревен диаметром в 15 см. Эти бревна, рубленые в лапу, не везде сохранились одинаково. Бревно юго-восточной — восточной стороны сохранилось хорошо и полностью прослеживается на всем его протяжении. Юго—юго-западное бревно сильно разложилось в середине и по краям. Северо-западное — западное бревно истлело очень сильно и в средней части прослеживалось исключительно плохо. И, наконец, северо — северо-восточное бревно сохранилось относительно хорошо.

Под первым венцом бревен находилось берестяное перекрытие, которое отделяет верхние бревна от нижележащих. Береста, перекрывающая всю могилу, сохранилась очень хорошо. Широкие листы ее были уложены в два слоя направлением слоев с северо-запада — запада на юго-восток — восток в два слоя. Под берестяным покрытием находился бревенчатый настил из плах, в виде бревен, расколотых пополам. Всего было уложено 11 плах толщиной в 14—24 см в направлении с северо-запада — запада на юго-восток — восток. Своими концами они опирались на нижний, второй венец сруба. Со временем деревянный настил провалился, и потому при расчистке бересты покрытая могила имела вид ввалившейся ложбины.

После снятия деревянного настила открылась следующая картина.

В центральной части могилы находилось парное захоронение, рас-

положенное на берестяной подстилке в один слой. Костяки умерших, западный и восточный, были сильно обожжены вне могилы. На берестяной подстилке от костяков сохранились только незначительные кусочки костей: бедренные кости и правая голень западного костяка, правая бедренная и часть голени восточного костяка. Положение умерших удалось установить только по упомянутым костям, по кальцинированным остаткам других костей, в виде белых вытянутых пятен. Головы умерших были положены на северо—северо-восток. На месте голов костяков сохранились только бесформенные кучки кальцинированных костей и несколько зубов.

Установить размеры костяков, их половую и возрастную принадлежность при такой сохранности не представляется никакой возможности.

Восточнее и западнее описанного захоронения находились костяки лошадей, лежащих головами на юго — юго-запад. Захоронения лошадей отделены от человеческого захоронения продольными бревнами, которые по одному уложены на уровне берестяной подстилки. Для захоронения лошадей были вырыты специальные ямы глубиной до 50 см от уровня подстилки могилы. Лошади уложены с вытянутыми вперед передними ногами, на которые опущена голова. Задние ноги поджаты под живот. После расчистки могилы обнаружены следующие находки.

У западного костяка

Северо-западнее верхнего сустава правого бедра находилась бронзовая пряжка в виде кольца с двумя ответвлениями, стилизованно изображающими голову и шею животного, напоминающего лошадь, 1 (табл. I, 1). Юго-восточнее — восточнее левого бедра находились пять железных наконечников стрел, форму и размеры которых трудно определить из-за исключительно плохой сохранности. Они располагались продольной осью с северо-востока на юго-запад, 2 (табл. I, 7, 8). Восточнее остатков левой локтевой кости находилась бронзовая пряжка с остатками ремня на ней, 3 (табл. I, 2).

Западнее костяка лежало железное тесло, обушком повернутое в сторону лошади, а лезвием — к костяку человека, 4 (табл. I, 17). Рядом с теслом, но ближе к костяку человека находился железный меч, лезвием обращенный на юго—юго-запад, с остатками деревянных ножен и рукоятью, обложенной деревом, 5 (табл. I, 12).

У восточного костяка

Северо-восточнее верхнего сустава бедренной кости лежала половина круглой бронзовой бляхи с кружковым орнаментом на одной стороне и двумя сквозными отверстиями. С одной стороны бляхи находилась кожа, 6 (табл. I, 14). Рядом с верхним суставом бедренной кости лежала бронзовая пряжка, аналогичная 1, 7 (табл. I, 4). Западнее бедренной и берцовой кости лежал меч, аналогичный предыдущему мечу с такими же остатками деревянных ножен и деревянной рукоятки. Лезвием обращен на юго—юго-запад, 8 (табл. I — 13). Рядом с мечом со стороны костяка обнаружена бронзовая пряжка с остатками ремня на железном язычке, 9 (ЕК-I, 98). Рядом с этим же мечом, поближе к рукоятки, лежали 8 наконечников железных стрел вытянутых форм и один плоский предмет. Все эти находки сильно испорчены коррозией, 10, 11 (табл. I, 10, 11).

У конца лезвия меча лежал железный предмет, плоский, вытянутый. Возможно, это деталь колчана, 12 (табл. I, 9). Справа от берцовой кости лежали медные пряжки и нашивка, 13 (табл. I, 3, 5, 6).

При расчистке западного костяка лошади в зубах ее обнаружены железные кольцевые удила, 15, а сзади на крупе лошади лежал вверх дном железный котел, 14 (табл. I, 15). В зубах восточного костяка лошади обнаружены железные кольцевые удила, аналогичные 15, 16.

Курган № 2 (рис. 3, а)

Курган находился в 30 м от берега и соседствовал с курганом № 3. Размеры насыпи 15 м в диаметре при высоте 1,2—1,3 м. В центре насыпи находилось небольшое воронкообразное углубление диаметром 2 м и глубиной в 25—30 см. Это след от грабительского раскопа в прошлом. Насыпь была свободна от древесной растительности.

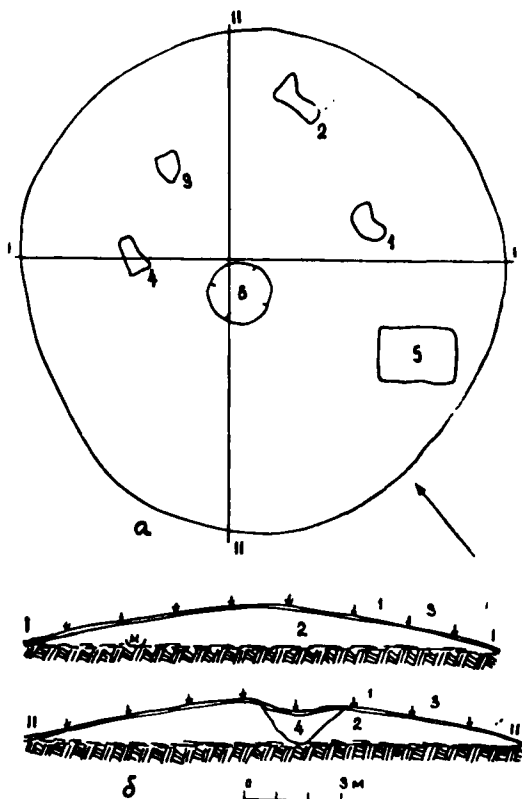

Рис. 3. План и разрезы кургана № 2. а. 1—4 — могилы эпохи поздней бронзы; 5 — могила эпохи железа; б — след кладонискательской ямы на насыпи кургана; б 1—1 — разрез кургана в направлении северо-запад—юго-восток; II—II — разрез кургана в направлении северо-восток—юго-запад; 1 — гумус; 2 — насыпь; 3 — погребенная почва; 4 — след грабительской ямы; м — могила 4 на разрезе

Разрезы кургана (рис. 3, б)

Разрез по линии I—I (СЗ—ЮВ) имеет следующий вид. Гумус, как и в кургане № 1, очень плохо отделен от насыпи по цвету. Он может быть различим только благодаря насыщенности корнями травы.

Насыпь состоит из очень темной пылеватой супеси, плотно слежавшейся. Погребенная почва прослеживается очень слабо только более интенсивно гумусированными пятнами в основании насыпи.

Подобный вид имеет разрез и по линии II—II (ЮЗ—СВ).

Находки в насыпи кургана составляли обломки костей крупных животных и фрагменты керамики. Фрагменты керамики — сероглиняные и желтоглиняные. Покрты разными узорами, выполненными острой палочкой, «жемчужником» с лунками, вертикальными отпечатками гребенки в сочетании с ямочками. Эти фрагменты находят себе аналогии на Еловском поселении, расположенном неподалеку.

После снятия всей насыпи было обнаружено 5 могил, четыре из которых относятся к эпохе поздней бронзы и потому в данном случае нас они не интересуют (рис. 3, а). К эпохе железа относится могила 5.

Могила 5 (табл. II) находилась в южной половине кургана. Это было захоронение человека с лошастью. После снятия насыпи и зачистки на уровне материка могильное пятно было очень слабо заметно, так как сверху могилу перекрывал довольно чистый материковый грунт. Могила была сооружена в яме, имеющей две части. Северо-восточная половина, где находился костяк человека, имела глубину 40 см от древней поверхности. Другая, юго-западная половина с захоронением лошади, достигала глубины 65 см от древней поверхности. Могильная яма имела размеры $2,35 \times 1,80$ см и вытянута была с юго-востока на северо-запад.

Захоронение человека располагалось параллельно захоронению лошади. Сверху оно было закрыто листьями бересты, не везде одинаково сохранившимися. Наиболее сохранившиеся куски бересты находились в северо-восточной части захоронения. В остальных местах берестяное покрытие было разрушено. В силу плохой сохранности берестяного покрытия не удалось установить, как закреплялись концы бересты у стенок могилы.

После снятия берестяного покрытия было установлено следующее. Скелет человека лежал на берестяной подстилке, как и покрытие, сохранившейся очень плохо. Она была только в области груди, таза и ног. Северо-восточнее костяка подстилка из бересты сохранилась хорошо в виде широких прочных листов. Костяк находился в вытянутом положении на спине, головою на северо-запад. Череп был повернут влево. Правая рука, сохранившаяся только в виде плечевой кости, находилась в свое время сверху туловища. Левая была вытянута вдоль тела. Кости сохранились не везде одинаково. Так отсутствовали ключицы, правое предплечье, кисти обеих рук, кости стоп, несколько ребер. Плохо сохранился таз. В этом захоронении находились: между бедренных костей — бронзовая пряжка в виде кольца с двумя выступами, имитирующими головы лошади, 1 (табл. II, 5). У левого бедренного сустава такая же вторая пряжка, 2 (табл. II, 6). Сверху левой половины таза, между тазом и лобковой костью, сохранились остатки меха с пятью бронзовыми нашивками, некоторые с растительными узорами, и пряжка с остатками ремня, 3 (табл. II, 7, 8, 9).

У кисти левой руки найдены два железных наконечника стрел, 4 (табл. II, 2, 3). Над тазовыми костями, будучи смещенными вправо, лежал железный топор-тесло, под которым сохранилось несколько фаланг, 5 (табл. II, 1). Рядом с левым локтем находился каменный оселок (точило), под которым лежал кусочек дерева, 6 (табл. II, 11). Под локтевым суставом правой плечевой кости лежала медная подвеска, 7, а под тазовыми костями — два железных наконечника стрелы, остриями, обращенными к голове, 8, 9 (табл. II, 13, 14).

Костяк лошади лежал в вытянутом положении, несколько склоненный влево. Кости передних ног вытянуты вправо. Задние ноги поджаты под брюхо. В челюстях были зажаты железные удила, № 10, справа у шеи находилась костяная подвеска с 7-ю сквозными отверстиями, 11. Рядом здесь же находились два костяных предмета в виде уплощенных пластинок с двумя сквозными отверстиями, 12 (табл. II, 4, 10). Под ребрами, в районе живота лошади, найдены остатки железного стремени, 13, и костяная пряжка с железным шпеньком, 14 (табл. II, 12).

Курган № 3 (рис. 4, а)

Курган расположен в средней части могильника. Насыпь несколько вытянута с юга на север. Размеры ее 19 м с юга на север и 16 м с востока на запад, высота 0,75 м. С северо-востока и юго-запада к нему примыкают насыпи других курганов. В середине насыпи, ближе к северу, было небольшое (20—25 см) углубление округлой формы диаметром в 4,5 м (след грабительского раскопа). На кургане не было никакой крупной растительности.

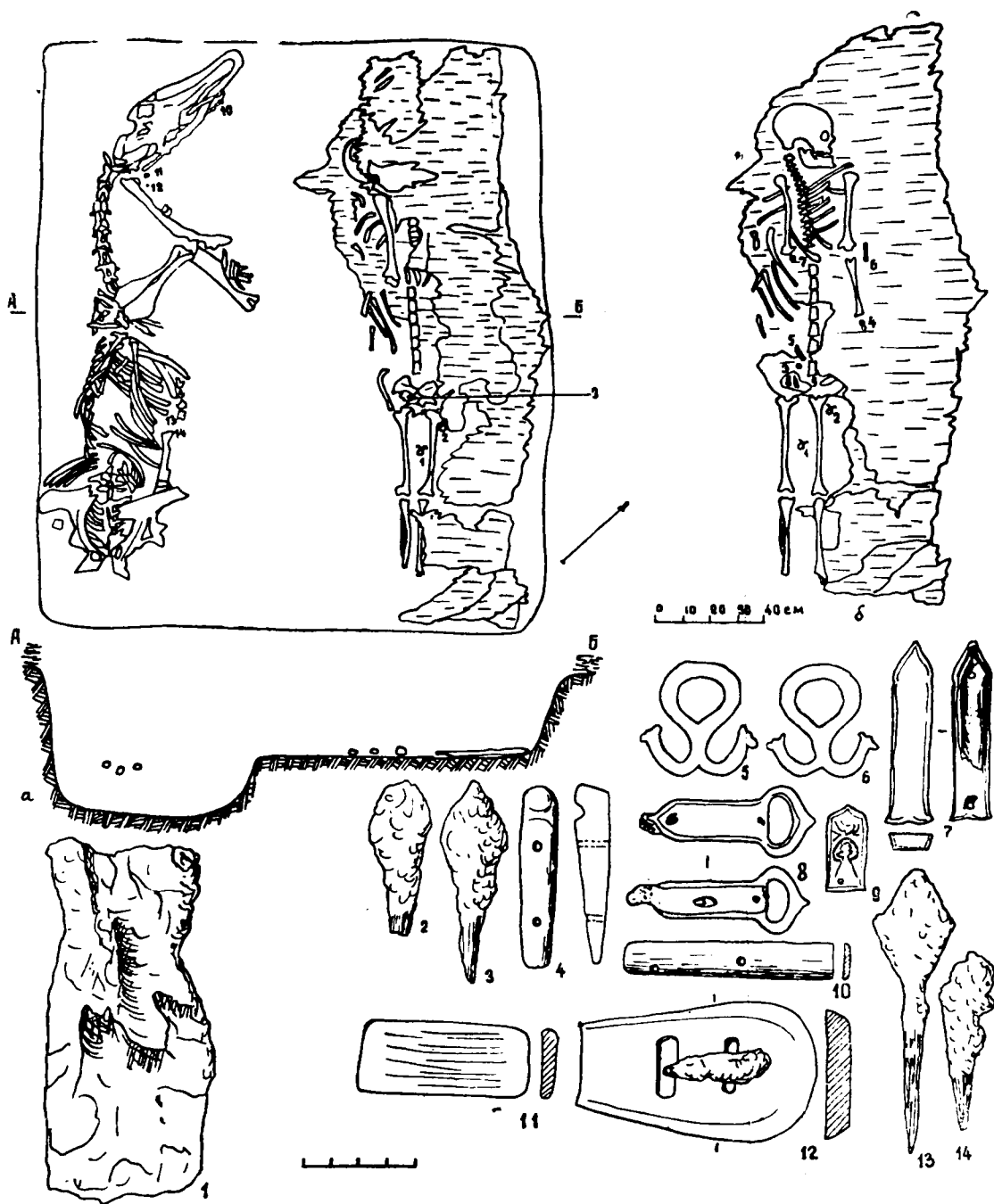
Разрезы кургана (рис. 4, б)

Разрез кургана по линии I—I ЮЗ—СВ не имеет ничего примечательного. Насыпь, покрытая гумусом 1, состоит из темной пылеватой структуры супеси 2, подстилающейся несколько более темной прослойкой погребенной почвы 3, плохо прослеживаемой на разрезе насыпи. В центре насыпи заметно воронкообразное пятно более темной мешаной земли, своим основанием достигающее материка 4. Это след грабительской ямы.

Разрез кургана по линии II—II СЗ—ЮВ никаких специфических особенностей не имеет. Здесь также плохо прослеживается погребенная почва 3, след от грабительской ямы в виде воронки мешаной и более темной, чем насыпь, земли 4.

После снятия насыпи кургана было вскрыто 2 могилы, одна из которых (№ 2), относится к времени поздней бронзы. Эта могила была разрушена при сооружении могилы эпохи железа и поэтому была разбросана по разным местам под насыпью кургана. Могила 1 (табл. III) находилась в центре кургана. Захоронение совершено в погребенной почве прямо на материке. Сверху могила была перекрыта листами бересты, уложенными слоями поперек могилы, не везде хорошо сохранившимися. Так, над черепом и над ногами береста отсутствует. По краям могилы концы бересты несколько подвернулись внутрь. После снятия бересты открылся мужской костяк, лежащий в толще погребенной почвы на берестяной подстилке головой на северо-восток на спине в вытянутом положении с руками вдоль тела. Левая плечевая кость отсутствует, левые берцовые кости несколько подтянуты к правым берцовым. Кости фаланг и стоп сохранились неполностью. Справа на погребенном (над костями рук и над правым бедром) находился кусок бересты, свернутый рулоном, так что оба конца бересты свернуты в направлении друг к другу. Эта трубка или рулон бересты хорошо сохранился и только в верхней половине, что ближе к черепу, имеется поперечный излом.

Кроме того, в могиле найдены: над малым тазом — костяная пряжка с железным шпеньком, 1 (табл. III, 1). Под правым бедром, примерно в средней части его, плохо сохранившийся железный наконечник стрелы, 2 (табл. III, 2). Чуть выше левого локтя лежали 4 костяных наконечника стрелы, остриями повернутые в сторону головы, 3 (табл. III, 3).

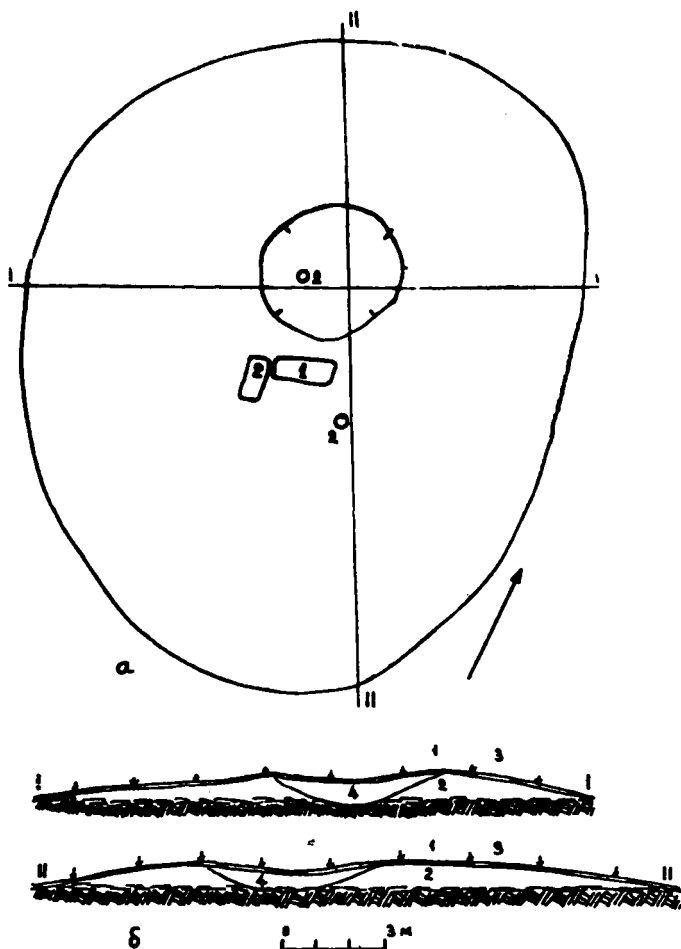
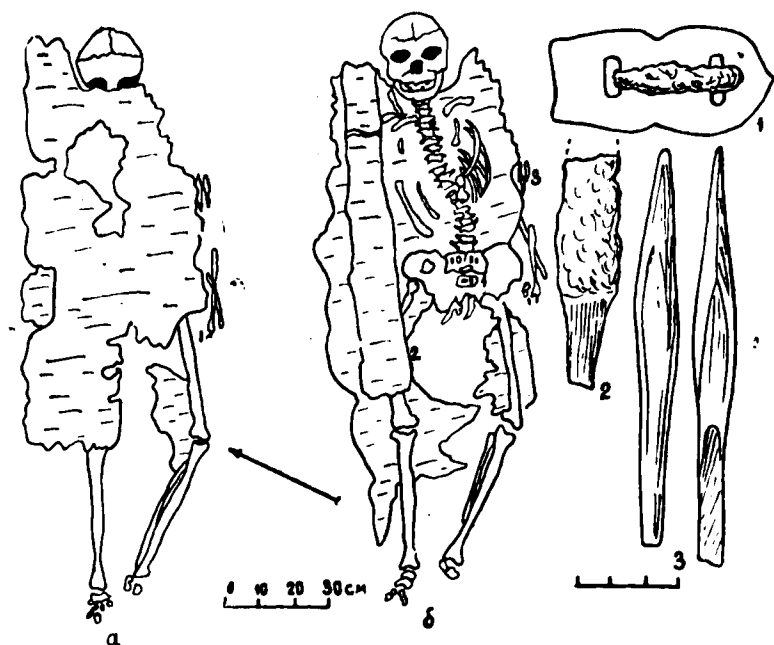

Рис. 4. План и разрезы кургана № 3. а. 1 — могила эпохи железа; 2 — разбросанные остатки могилы эпохи поздней бронзы; б. I—I — разрез кургана в направлении юго-запад — северо-восток; II—II — разрез кургана в направлении северо-северо-запад — юго-юго-восток; 1 — гумус; 2 — насыпь; 3 — погребенная почва; 4 — след от грабительской ямы

Таблица III

Курган № 4 (рис. 5, а)

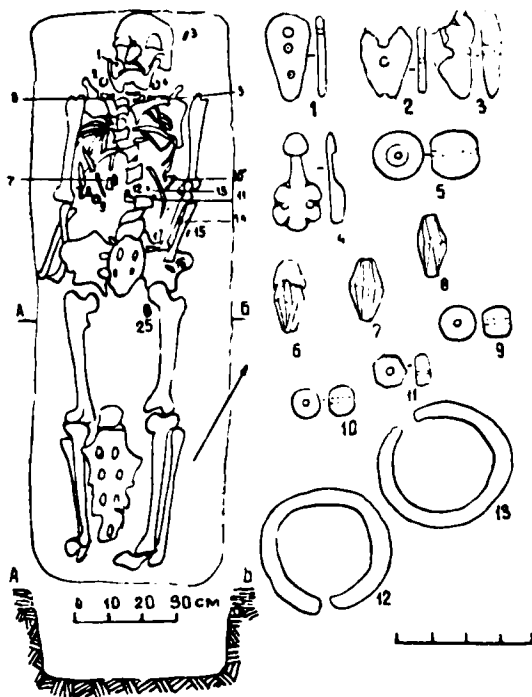
Курган имел насыпь в 15 м диаметром и высотой в 1,5 м с центральным небольшим углублением — кладонскательским раскопом. Разрезы кургана (рис. 5, б) имели следующий вид. Гумус 1 мощностью в 20—25 см покрывал всю поверхность кургана. Насыпь состоит из темной пылевой плотно слежавшейся супеси 2; вся толща насыпи пронизана корнями берез и других деревьев, от которых на насыпи сохранились пни. Погребенная почва 3 почти незаметна, она цветом и структурой слабо отличается от насыпи.

Ниже погребенной почвы залегал грязно-желтый плотный материковый суглинок. На разрезе хорошо видна грабительская яма 4, углубляющаяся ниже погребенной почвы.

После выборки всей насыпи открылась следующая картина (рис. 5, а). В северо-западной половине кургана находилась могила 2, интересующая нас в данном случае. Юго-западнее, северо-западнее и восточнее указанной могилы располагались остатки могилы 1, которая датируется периодом поздней бронзы. В центре кургана открылись следы грабительского раскопа в виде ямы, в середине которой лежала нижняя челюсть лошади, повернутая зубами вверх. Интересующая нас могила 2 располагалась на 25 см ниже древней поверхности и после снятия насыпи и толщи погребенной почвы могильная яма четко была видна на грязно-желтом фоне материка темным серым пятном. Размеры ее 1,65 × 0,6 м. В могиле умершая (костяк принадлежал женщине) была положена на спине в вытянутом состоянии головою на северо-запад (табл. IV). Череп лежал на затылке, лицевой частью обращенный вверх. Нижняя челюсть плотно прилегала к шейным позвонкам. Позвоночник

в области груди находился в полном порядке, поясничные позвонки разбросаны. Грудные ребра сохранились неполностью. Кости ступней были разбросаны. Руки умершей были вытянуты вдоль тела, причем кисть правой руки была уложена под тазом, а левая кисть лежала на паху. В могиле вместе с умершей лежали: справа от черепа костяная подвеска подтреугольной формы со скругленными углами и сквозным отверстием в широкой части и двумя прочерченными кружками, 1 (табл. IV, 1); у правого уха медное кольцо с несомкнутыми концами, вероятно, происходящее от серьги, 2 (табл. IV, 12); слева от черепа —

Таблица IV

вторая подвеска 3, аналогичная 1 (табл. IV, 2); слева под нижней челюстью — второе медное кольцо 4, подобное 2, (табл. IV, 13); на левом плече лежала коричневая восьмигранная и пирамидальная бусина с медным колпачком, 5 (табл. IV, 6); на правом плече лежала половина медной застежки, 6 (табл. IV, 4); справа у пояса — костяная сломанная подвеска, 7 (табл. IV, 3); у фаланг правой кисти найден был обломок железного лезвия, сильно проржавевший, 8. У правой локтевой кости находилась железная пряжка, 9, а у левой плечевой кости лежал обломок костяной подвески, 10. Слева у поясничных позвонков — красная граненая стеклянная буса, 11 (табл. IV, 11). Под позвоночником на уровне локтя — другая, но белая прозрачная буса, 12 (табл. IV, 10). Слева от позвоночника — оранжевая прозрачная стеклянная буса, 13 (табл. IV, 7). Круглая стеклянная коричневая буса лежала между лок-

тевыми костями левой руки, 15 (табл. IV, 5). На левой тазовой кости найден обломок железного лезвия, 16, а под левой тазовой костью — бипирамидальная стеклянная коричневая буса, 17 (табл. IV, 8), а рядом — обломок железного лезвия, 18, вместе с которым лежали мелкие обломки железного предмета, 19. Под правой тазовой костью обнаружены обломки другого железного лезвия, 20, а рядом обломки еще

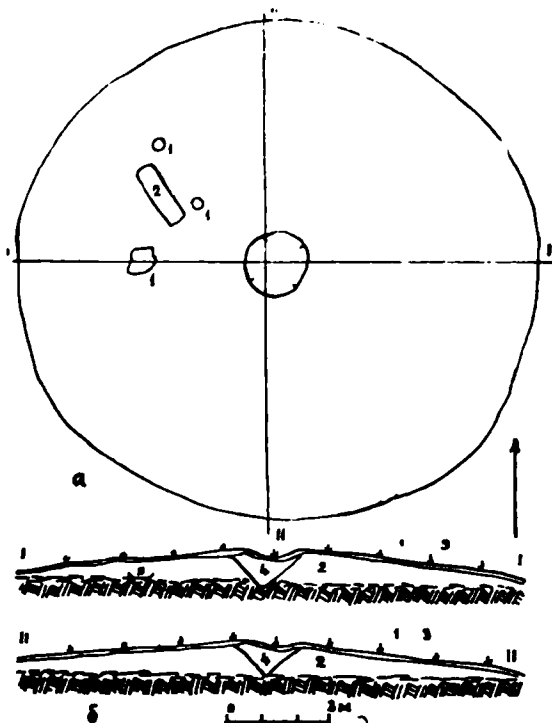

Рис. 5. План и разрезы кургана № 4. а. 1 — остатки разрушенной могилы эпохи бронзы; 2 — могила эпохи железа; б. I—I — разрез кургана в направлении запад — восток; II—II — разрез кургана в направлении юг — север; 1 — гумус; 2 — насыпь; 3 — погребенная почва; 4 — след от грабительской ямы

какого-то железного предмета, 21. Под тазом у копчиковой кости найдены четыре бусины: белая пятигранная, 22 (табл. IV, 9), голубая стеклянная, 23, коричневая стеклянная, 24 и синяя стеклянная бусина, 26 (№ 18—26 на плане не отмечены). Справа у головки левой голени найдены были три обломка железного ножа, 25. Между голенищами и коленями лежали кости животного, задняя часть барана.

После снятия костяка на дне могилы в некоторых местах сохранились небольшие гнилушки, вероятно, принадлежащие к деревянной подстилке.

Курган № 5 (рис. 6, а)

Располагался курган в центре цепочки насыпей могильника. Он сильно зарос березняком, особенно с северной и северо-западной сторо-

ны насыпи, которая имела овальную форму, 14 м в диаметре и высоту 1,20—1,25 м. В центре насыпи было воронкообразное углубление подтреугольной формы с наибольшими сторонами в 3 м и глубиной 20—25 см (рис. 6, а).

Размеры кургана по линии I—I (СЗ—ЮВ) и II—II (СВ—ЮЗ) в общем характерны для всех раскопанных курганов (рис. 6, б).

После снятия насыпи в кургане была обнаружена в северо-западной половине его могила (табл. V). Это было захоронение с лошадыо. На материке захоронение прослеживалось в виде темного гумусированного пятна прямоугольных очертаний, вытянутого с юго—юго-запада на северо — северо-восток. После расчистки этого пятна было установлено, что северо-западная—западная половина этого пятна представляет захоронение человека, а юго-восточная — восточная—захоронение лошади (табл. V, а). В юго-западной половине захоронения человека сохранились остатки деревянных плах, уложенных в свое время вдоль могилы. Сверху этих плах в некоторых местах сохранились куски бересты, перекрывавшей в свое время могилу сверху деревянных плах. Но сохранность бересты настолько плоха, что установить какой либо порядок в ее расположении не удается. Остальная часть могилы не имеет перекрытия. Однако оно наверняка

было и здесь, так как в некоторых местах обнаруживаются гнилушки и куски бересты. Могила была ограблена, следствием чего и явилось разрушение северо-восточной ее половины. После снятия остатков бересты и плах в юго-западной половине был обнаружен еще один слой бересты, лежащий на другом слое деревянных плах. После удаления всего перекрытия было установлено, что захоронение человека было основательно потревожено. В юго-западной половине могилы, под сохранившимся перекрытием, находились берцовые кости и кости ступней человека, лежащие без какого-либо порядка (табл. V, б). Вместе

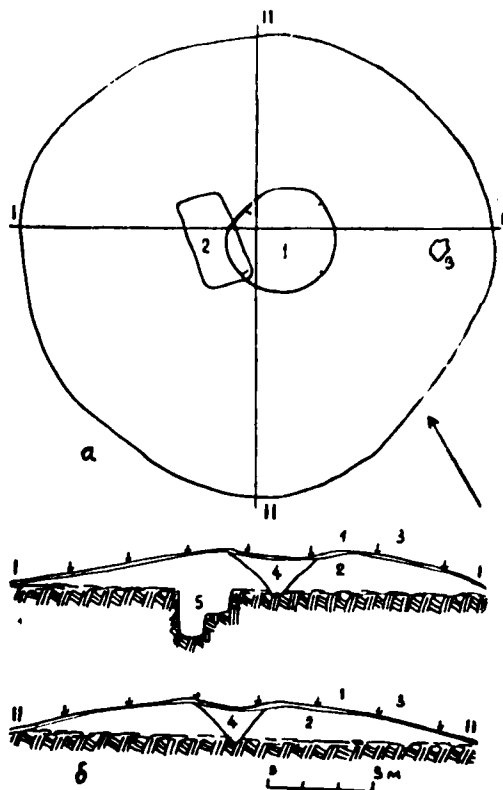

Рис. 6. План и разрезы кургана № 5. а. 1 — границы грабительской ямы на поверхности насыпи; 2 — могила 1; 3 — могила 2; б. I—I — разрез насыпи кургана в направлении северо-запад — юго-восток; II—II — разрез насыпи кургана в направлении северо-восток — юго-запад; 1 — гумус; 2 — насыпь; 3 — погребенная почва; 4 — след грабительской ямы

с этими костями, тоже без какого-либо видимого порядка, лежали кости животного, часть туши которого, видимо, была положена в могилу. Кроме того, в этой части могилы были: рядом со смещенными костями правой ноги — железный топор-тесло с несомкнутой втулкой, 3 (табл. V, 5). Между берцовыми костями находились 2 костяные пластинки, одна покрытая кружковым орнаментом, а другая — со сквозными отверстиями, 4 (табл. V, 2, 3).

По-видимому, эти пластинки служили обкладками рукояти ножа. Обратная сторона этих пластинок плоская, плохо обработанная, покрытая тонкой нарезкой в виде сетки. Слева от левых берцовых костей лежала маленькая бронзовая пуговица, 5.

Другая половина могилы представляла хаотическое смешение костей человека (кости предплечья, локтевые, фаланги, позвонки), гнилушек, бересты. Все эти остатки захоронения находились в разных горизонтах и являли собой пример разграбленной половины захоронения. Здесь было найдено медное навершие с остатками железного предмета (ножа, меча), 6. Навершие изображает стилизованно выполненную вытянутую голову лося. Навершие сделано из двух литых симметричных половинок, скрепляющихся соединительными железными закрепами. Во втулке навершия сохранился кусок дерева (табл. V, 4).

В этом же конце могилы лежали обломки железных предметов, 7, 8.

Установить какие-либо следы подстилки могилы не удалось.

Захоронения лошади и человека были разделены бревном, от которого сохранились гнилушки, хорошо прослеживаемые вдоль северо-западной стороны захоронения человека. Дно захоронения лошади было на 50 см ниже дна захоронения человека. Лошадь положена вдоль захоронения человека головой на юго-юго-запад. Кости туловища находились в беспорядке, сильно смещены. Кости передних ног вытянуты вперед и подогнуты под туловище. Кости левой задней ноги вытянуты вперед и влево копытом направлены к позвоночнику. Кости правой задней ноги подогнуты под круп. На крупе лежал железный котел, обращенный дном вверх, 1 (табл. I, 15). Между челюстями были зажаты железные кольчатые удила, 2 (табл. 4—1).

Могилы 2

В восточной половине кургана на уровне погребенной почвы обнаружено скопление вещей, вероятно, являющееся остатками захоронения (табл. VI). Оно находилось в толще погребенной почвы и состояло из кусков войлока, бересты, остатков ремешков и нескольких бронзовых предметов. Снизу это скопление имело берестяную подстилку в три слоя. Сверху эта берестяная подстилка перекрыта была слоем войлока, выше которого в некоторых местах сохранился еще один слой бересты. Между берестяной подстилкой и слоем войлока найдены обломки мелких сильно истлевших костей, вероятно, принадлежавших ребенку. На ремнях, между берестой и войлоком, лежали различные предметы. Обрывок кожаного ремня длиной 9 см и шириной 1,6 см, к которому были прикреплены железными шпеньками две медные нашивки; в одном месте ремень имеет сквозное отверстие, которое не было использовано для прикрепления какой-либо нашивки (табл. VI, 1). Железная ажурная застежка, состоящая из двух симметричных половинок (табл. VI, 7). Медная нашивка якоревидной формы с железным шпеньком (табл. VI, 6).

Бронзовая нашивка-бляха с двумя железными шпеньками (табл. VI, 2). Бронзовая нашивка с ажурным растительным узором

Таблица V

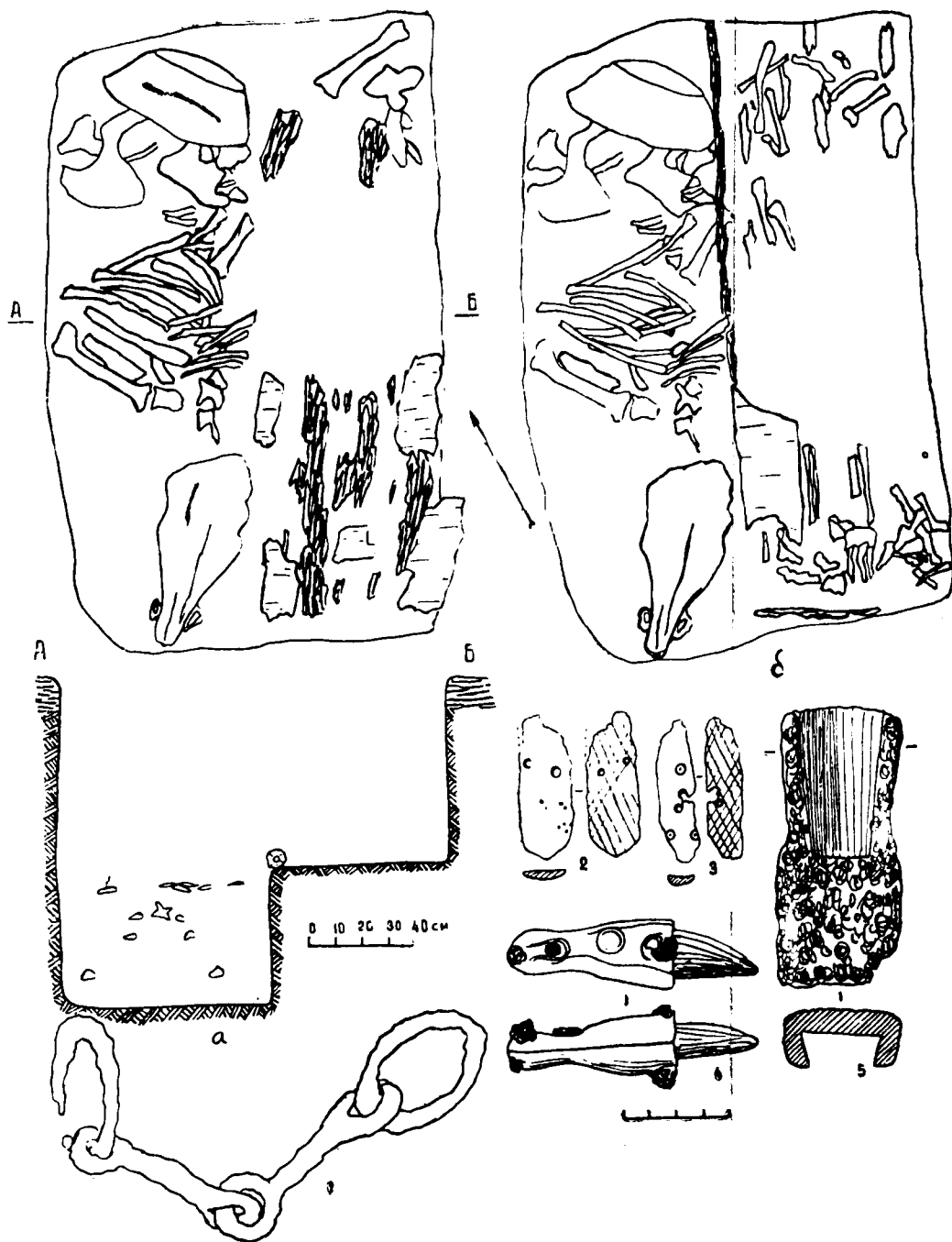
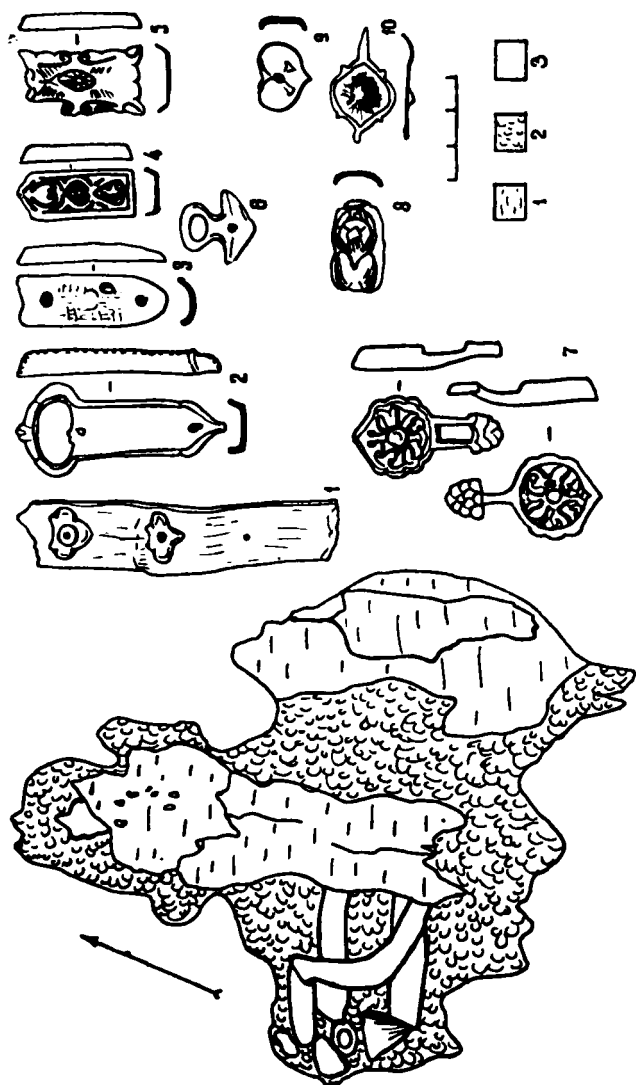

Таблица VI

имеет два шпенька, один из которых (у тупого конца) имеет следы железного стержня (табл. VI, 4). Бронзовая нашивка вытянутых и округленных форм с отверстием на боку. Поверхность ребристая. Имеет два шпенька, каждый из которых имеет следы железа (табл. VI, 3).

Медная узорчатая нашивка с двумя шпеньками, один из которых железный (табл. VI, 5).

Три медные нашивки, подобные тем, что были прикреплены на ремне. Каждая из них с остатками железного шпенька (табл. VI, 9). Две медные нашивки округленных форм, изображающие лежащих на брюхе животных кошачьей породы (табл. VI, 8).

Пять медных нашивок, каждая со шпеньком и железной ржавчиной на внутренней и лицевой поверхности. Каждая нашивка изображает схематично животное кошачьей породы.

Стеклянная голубая буса с продольно ребристой поверхностью и широким отверстием.

Курган № 7 (рис. 7, а)

Курган имел вытянутую с юга на север насыпь 14 м в длину и 9 м в ширину и высоту в 1 м. Разрез насыпи (рис. 7, б) аналогичен всем предыдущим. Гумус мощностью в 15—20 см, ниже толща насыпи, сложенной из темной плот-

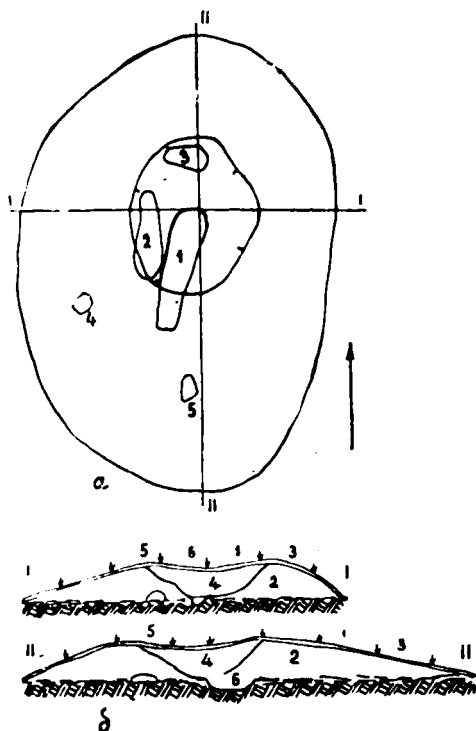

Рис. 7. План и разрезы кургана № 7. а. 1 — могила эпохи железа; 2 — захоронение лошади; 3 — череп лошади в насыпи кургана; 4 — остатки могилы эпохи бронзы; 5 — скопление костей животных в насыпи; б. I—I — разрез кургана в направлении запад — восток; II—II — разрез кургана в направлении север — юг; 1 — гумус; 2 — насыпь; 3 — погребенная почва; 4 — следы грабительской ямы; 5 — на разрезе I—I — захоронение лошади; на разрезе II—II — скопление костей; 6 — на обоих разрезах — могила I

ной супеси 2, под которой незаметна погребенная почва 3. Материком, как и во всех других случаях, является грязно-желтый суглинок.

Под курганом обнаружены две могилы. Могила 1 (на рис. 7, а, 4), относящаяся ко времени позднего бронзового века, сильно разрушена. Могила 2 (на рис. 7, а, 1) была расположена в центре кургана и была потревожена грабителями. Могила находилась на 20 см ниже погребенной почвы. Первоначальные размеры могилы установить не удастся, так как грабители нарушили во многих местах стенки ее. Так, ко времени раскопок кургана могила имела 3,45 м в длину, а ширину в северной

части — 1,05 см, в южной — 0,45 м (табл. VII, а). В могиле лежал костяк умершего, вероятно, положенного на спине в вытянутом состоянии, головою на север. Костяк за исключением костей ступней и ног был сильно потревожен грабителями. Все кости умершего, за исключением указанных, были разбросаны по разным местам могилы: череп — у западной стенки, выше дна могилы на 20 см, на боку, лицевой частью обращен на северо-восток. Северо-восточнее и юго-восточнее черепа находились обломки бедренных костей. В северном конце могилы — позвонки, ребра, нижняя челюсть, повернутая зубами вниз. Среди всех этих костей лежало несколько берестяных кусков.

В южной неповрежденной половине могилы сохранилась береста, которой были выложены стенки и дно могилы. Возможно, берестой были выложены стенки и дно всей могилы. В южной же половине могилы, на 35 см выше дна могилы, лежали большие куски бересты, которые, видимо, являются остатками берестяного перекрытия могилы.

В могиле найден только один глиняный круглодонный сосуд, украшенный отпечатками гребенки по самому обрезу венчика и ниже — рядом из ямок (табл. VII). Сосуд стоял на левой голени.

Западнее описанной могилы на погребенной почве лежал целый костяк лошади (табл. VII, б). Длина его 2 м. Лошадь была положена на брюхо головой на север, слегка завалена на левый бок, ноги были подогнуты под живот: задние почти выпрямлены, передние согнуты в коленях. В затылочной части черепа лошади был пролом, между челюстями находились железные удила.

Таким образом раскопано всего шесть курганов, в которых открыто семь могил эпохи железа. По нашему мнению, полученный в могильнике материал представляет большой интерес для исследователей, изучающих поздние этапы в истории приобских племен.

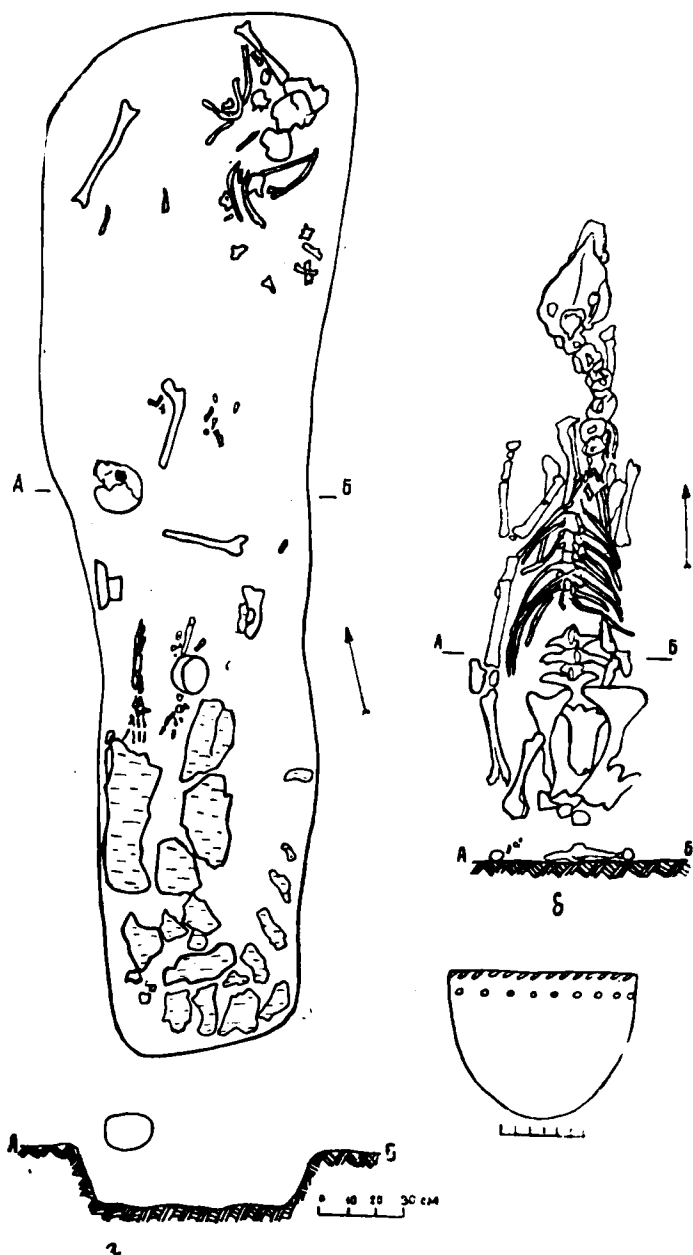
Переходя к датировке этого памятника, следует сказать, что значительные хронологические различия между отдельными могилами и курганами памятника вряд ли имеются. Свидетельства этому следующие.

Так, курганы могильника примерно одинаковой формы и размеров, расположены довольно правильной группой. Вряд ли при больших хронологических разрывах между отдельными курганами возможно это совпадение. Скорее всего это свидетельствует о преднамеренном, сознательном бережном отношении к ранее сооруженным курганам со стороны людей, которые возводили очередную насыпь.

О том, что могильник представляет единый комплекс, а не случайное скопление разновременных курганных насыпей, говорит и то обстоятельство, что все насыпи сооружены одинаково, а именно из дерна. Из шести раскопанных курганов каждый из них имел именно дерновую насыпь.

Кроме того, можно отметить и другие обстоятельства, свидетельствующие об этом же. Так, могила в кургане I при всем своеобразии ее и необычности всего образа захоронения, примененного здесь, имеет немало общих черт в погребальном ритуале с могилами в курганах № 2 и 5. Захоронения лошадей во всех трех случаях совершены на 40—50 см глубже захоронений человека. Далее, между захоронениями людей и лошадей имеется деревянная плаха, разделяющая их. Умерших людей во всех трех случаях укладывали на бересту, перекрывали берестой и деревянным настилом. Это достаточно убедительно свидетельствует о близости всех трех названных могил. Немаловажен факт находки железных

Таблица VII

котлов в могилах 1 и 5-го курганов (табл. I, 15, 16), причем в обоих случаях котлы были уложены на круп лошадей. Таким образом, и эта деталь в обряде захоронения подтверждает высказанную мысль.

В свою очередь в могилах 1 и 2-го курганов найдены одинаковые медные нашивки в виде кольца с двумя отрезками, увенчанными головками животных (табл. I, 1, 4, 5, табл. II, 5, 6). В могилах же этих курганов найдены одинаковые железные топоры-тесла (табл. I, 17, табл. II, 1). Могила 2 в кургане № 5 также очень близка своим инвентарем могиле кургана № 2: аналогичные медные накладки, покрытые растительным орнаментом (табл. II, 9, табл. III, 4), медные пряжки (табл. I, 8, табл. VI, 2). Все это достаточно прочно связывает три кургана (первый, второй и пятый) в единый комплекс.

Несколько особняком стоят три других кургана: № 3, 4 и 7. Курганы № 3 и 4 не имеют захоронений лошадей, а в кургане № 7 захоронение лошади произведено иначе, чем в курганах № 1, 2 и 5. Чрезвычайная бедность инвентарем могил 3 и 7-го курганов, своеобразие погребального инвентаря в могиле 4-го кургана не позволяют нам надежно увязать все эти могилы с другими могилами памятника.

Тем не менее в материалах могильника есть определенные указания на то, что и эти три кургана вряд ли отстоят от первого, второго и пятого далеко во времени. Так, курганы № 2 и 3 близки друг к другу костяными пряжками (табл. II, 12, табл. III, 1) одинакового типа. Железные наконечники стрел не противоречат этому (табл. I, 2, 14, табл. III, 2). Интересно отметить также, что застежки такого же типа, что и обнаруженные в кургане № 5 (табл. VI, 7), известны были и современникам кургана № 4 (табл. IV, 4), хотя и последние немного отличались от застежек кургана № 5.

Как будет видно из дальнейшего изложения, могила в кургане № 7, давшая только один горшок, вряд ли может быть отнесена к другому времени, чем могилы 3 и 7-го курганов.

Таким образом, нам представляется возможным семь исследованных могил курганного могильника рассматривать как единый комплекс, в какой-то мере все эти могилы являются хронологически близкими¹⁾.

Вместе с тем все описанные могилы можно разделить на две группы, одну из которых составляют могилы 3, 4 и 7-го курганов, а могилы 1, 2 и 5-го курганов составляют вторую группу. Вряд ли выделенные группы могил стоит считать хронологически далеко отстоящими друг от друга. Скорее всего эти группы могил отражают начальные и заключительные этапы существования памятника.

Датирующими материалами среди находок 1, 2, и 5-го курганов являются немногие изделия. К ним относятся медные пряжки с одним или двумя отверстиями и выступами на боках сзади (табл. I, 3, 6). Такого типа пряжки нам известны только в материалах могильников БЕ-VII и БЕ-VIII; М. П. Грязнов датирует эти могилы сросткинской культурой (IX—X вв.)²⁾. В других памятниках пряжки подобного типа нам не известны.

Найденные в могиле второго кургана кольчатые удила относятся к минусинскому типу, как их называет А. А. Гаврилова³⁾.

¹⁾ Все материалы хранятся в музее истории материальной культуры при Томском государственном университете.

²⁾ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, табл. VI, 11, VI, 1, 18.

³⁾ А. А. Гаврилова. Могильник Кудырге — памятник истории алтайских племен. М.—Л., 1965, стр. 83, рис. 16, 7.

Известно также, что этот тип удила датируется позднее X в. н. э. В эту же дату укладываются и кольчатые удила из кургана № 1. Кольчатые удила такого вида названы А. А. Гавриловой часовенногорским типом⁴⁾. Эти стремена найдены в могильнике у Суханихи на р. Енисей⁵⁾, в могилах на Часовенной горе⁶⁾, в могильнике Усть-Талькин⁷⁾. Все эти памятники датируются авторами временем позднее X в. н. э.

Интересно, как датирующий элемент, железное стремя из кургана № 2. Оно имеет приостренный сверху выступ на дужке и отверстие для ремня. Такие стремена известны в могилах часовенногорского времени на Кудырге (могила 19)⁸⁾, в могиле 2 на Часовенной горе⁹⁾. Такие же стремена встречены в могильнике на Суханихе (на Енисее)¹⁰⁾. Все эти памятники относятся ко времени позже X в., но вряд ли позднее XIII—XIV вв. У нас нет оснований видеть другую дату и для нашего стремени.

Ближайшим памятником, откуда происходят этого типа стремена, является Басандайский могильник, курган 25, могила 2¹¹⁾.

Такого типа стремена известны и в памятниках Тувы, а именно, гора Бай-Даг, курган 70-2, раскопанный в 1927 г. С. А. Теплоуховым¹²⁾.

Указанные аналогии свидетельствуют о том, что наиболее ранняя дата могил 1, 2 и 3-го курганов может быть не ниже X в. Наиболее убедительно свидетельствуют об этом железные удила минусинского и часовенногорского типов, которые существуют не ранее X в. Нет ничего удивительного в том, что пряжки стросткинского типа существуют в могилах не ранее X в. Скорее всего описываемые могилы существовали и в то время, когда на юге, на Верхней Оби стросткинская культура завершала свое развитие и постепенно на смену ее приходила культура племен II тысячелетия н. э.

Поздняя дата этих могил вряд ли может быть отодвинута дальше XV в. Могилы не содержат никаких вещей XVI—XVII столетий, которые обычно бывают представлены в могильниках в большом числе: железные проушные топоры, серьги в виде знака вопроса, медные перстни. Эти изделия, как известно, широко представлены в могилах томских и чулымских татар, которые очень надежно датировал XVI—XVII столетиями А. П. Дульзон.

Остальные вещи, происходящие из этих могил, не имеют пока надежной датировки, хотя и не противоречат названной дате. Так, например, железные топоры-тесла, происходящие из Еловского могильника, встречаются очень часто в могилах поздних кочевников и в том числе и тех, которые датируются XII—XIII вв. Курганный могильник на Басандайке изобилует этими топорами. Они были в кургане 1, могиле 3, в кургане 25, могиле 3, в курганах 42, 30, 66 б, 55 г, 80, 87¹³⁾. Известны они в могилах Стросткинской культуры на верхней Оби, БЕ-VII,

⁴⁾ А. А. Гаврилова. Указ. соч., стр. 81.

⁵⁾ А. А. Гаврилова. Могильник поздних кочевников у горы Суханихи на Енисее. СА, 1964, № 2.

⁶⁾ А. А. Гаврилова. Могильник поздних кочевников. СА, 1964, № 2, рис. 3, 3.

⁷⁾ Е. Ф. Седякина. Могильник Усть-Талькин. Труды БКНИИ, т. 16, 1965, рис. 2, 9.

⁸⁾ А. А. Гаврилова. Могильник Кудырге, табл. XXX, 5, XXXI, 92.

⁹⁾ А. А. Гаврилова. Могильник Кудырге, рис. 13, 2.

¹⁰⁾ А. А. Гаврилова. Могильник поздних кочевников...

¹¹⁾ Басандайка. Томск, 1948, табл. 47, 10.

¹²⁾ Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы. Вестник Московского университета, 1964, № 4, табл. III, 54, 55, стр. 90.

¹³⁾ Басандайка, табл. 48, 55, 56, 70, 74, 78, 82.

БЕ-VI¹⁴), в Туве¹⁵), на Часовенной горе на Енисее¹⁶), в Сростках¹⁷). Очень многочисленны эти изделия в памятниках чулымских татар, раскопанных в 50-е годы Томским университетом. Широкое территориальное распространение этих предметов в археологических памятниках Сибири, к сожалению, не привело еще к разработке типологии этих изделий с надежной хронологией их. В силу этого мы можем ограничиться только указанием на то, что эти изделия бытуют в Сибири со времени поздних кочевников. Таким образом, находки топоров-тесел не противостоят дате XIII—XIV вв.

Мы уже говорили, что могилы 3, 4, и 7-го курганов вряд ли далеко во времени отстоят от могил 1, 2 и 5-го курганов. Мы отмечали те факты, которые позволяют нам сблизить хронологически эти две группы могил. Что же касается абсолютной даты этих могил, то мы можем допустить сооружение этих могил чуть ранее X в., так как в инвентаре их нет никаких изделий, которые можно было бы надежно датировать временем позже X в.

**
*

Еловский курганный могильник I эпохи железа интересен для исследователей некоторыми своими особенностями в обряде захоронений и инвентаре. Так, обряд захоронений характеризуется следующими чертами.

Сооружение могилы

а. Захоронение с лошадей. Могила прямоугольной формы (вырылась на глубину 40 или 70 см от поверхности), вытянутая с северо-запада на юго-восток или с северо-востока на юго-запад. Западная половина могилы (в курганах № 2 и 5) еще углублялась на 30—50 см. Более глубокая половина предназначалась для захоронения лошади. В кургане № 1, где произведено парное захоронение, две лошади были захоронены также в углублениях, но по обе стороны могилы. В курганах № 1 и 5 обнаружены бревенчатые прокладки на уступе между захоронением человека и захоронением лошади. Такой бревенчатой прокладки не удалось обнаружить в кургане № 2.

Все могилы, сооруженные таким образом, имели деревянную обкладку стенок могилы. Они великолепно сохранились в кургане № 1. Кроме того, каждая могила имела деревянное и берестяное покрытие. В могилах 2-го и особенно 5-го курганов это покрытие было сильно разрушено, но тем не менее удалось установить, что сразу же на умершего укладывалась береста, а сверху вдоль тела умершего были уложены деревянные плашки. Трудно сказать, использовалось ли это покрытие для захоронения лошади. Ни во 2-м, ни в 5-м курганах над костяками лошадей не обнаружено ни гнилушек, ни кусков бересты. Но в кургане № 1 покрытие застилало всю могилу, в том числе и захоронения лошадей. В этом кургане сверх гнилушек был уложен еще один слой бересты, который устилал весь верх могилы. Своеобразно устроено было захоронение в кургане № 7. Здесь углублено было захоронение человека в землю, а лошадь была уложена на поверхность. Кроме того, захоронение лошади и человека лежали рядом, но они несколько смещены, лошадь чуть севернее могилы человека.

¹⁴) М. П. Грязнов. Указ. соч., табл. VI, 10, VII, 16.

¹⁵) Л. Р. Кызласов. Указ. соч., табл. II, 47.

¹⁶) А. А. Гаврилова. Могильник Кудырге, рис. 13, 9.

¹⁷) А. А. Гаврилова. Могильник Кудырге, рис. 11, 2.

Интересно, что во всех могилах, за исключением могилы кургана № 5, человек был уложен в могиле не просто на землю, а на берестяную подстилку. Скорее всего такая подстилка была и в кургане пятом, но в результате ограбления она не сохранилась. Определенной закономерности в положении лошади и человека нет, кроме того, что они уложены всегда параллельно.

6. Захоронение без лошади. Вскрыто только две могилы без лошадей (в курганах № 3 и 4)¹⁸⁾. В первом и другом случаях могилы были сооружены очень просто: на поверхности были вырыты неглубокие ямы (20—35 см), в которые затем опущены были умершие. В кургане № 4 никаких следов могильных сооружений обнаружить не удалось, кроме небольших кусочков гнилушек на дне могилы. Вероятно, это следы подстилки или перекрытия.

В кургане № 3 умерший был положен на берестяную подстилку и сверху перекрыт листьями бересты.

Применение огня при погребении

Только курган 1-й имеет совершенно бесспорные следы применения огня в погребальном ритуале. Так, при погребении в могиле обожгли умерших. Обжигание было произведено после того, как умершие и сопровождающие вещи были уложены в соответствующем порядке. Интересно отметить, что, вероятно, перед тем, как закрыть могилу, угли сгоревшего дерева выбросили из могилы (под покрытием не было углей).

В этом же кургане, в насыпи, выше погребенной почвы на 70 см, обнаружен костер. Совершенно очевидно, что этот костер был разведен уже в процессе сооружения насыпи, когда большая часть ее была уже возведена.

В других курганах нет никаких признаков использования огня при погребении.

Следы тризны в могильнике немногочисленны. Бесспорным свидетельством тризны во время возведения насыпи кургана следует считать захоронение барана в насыпи кургана № 1. Баран был погребен в то время, как на незаконченной насыпи был разведен костер. По нашему мнению, разведение костра и погребение барана были произведены одновременно, так как и костер и костяк барана найдены на одном горизонте, недалеко один от другого.

Кости лошади (череп и зубы), найденные в насыпях 4 и 7-го курганов, не имеют отношения к могилам эпохи железа. Эти кости являются следами тризны во время сооружения могилы эпохи бронзы. О глубокой древности этих костей говорит очень плохая сохранность их. Кроме того, наши работы по исследованию Еловского курганного могильника II эпохи бронзы дали многочисленные следы древней тризны на курганах эпохи бронзы, внешне очень сходные с теми, которые получены в курганах № 4 и 7 нашего могильника.

Снабжение инвентарем умерших. Надо сказать, что выяснить какие-либо особенности в распределении погребального инвентаря в могильнике трудно, так как в курганах № 7 и 5 первоначальная картина сильно нарушена грабителями и потому дошла до нас в очень искаженном виде. Вместе с тем могилы, не подвергнувшиеся разграблению, дают некоторое представление о характере погребального инвентаря и распределении его среди умерших. Так, захоронения с лошадьёю, то

¹⁸⁾ Могила 2 в кургане № 5 (детская?) тоже не имела лошади. Но эта могила не имеет ничего интересного для восстановления обряда захоронения в могильнике.

есть могилы всадников, снабжены инвентарем достаточно обильно. Достаточно сравнить могилы 1 и 2-го курганов с могилами 3 и 4-го курганов, чтобы убедиться в очевидности этого. Обилие вещей в могиле 4-го кургана на самом деле кажущееся, так как это впечатление богатства создано многочисленными находками бус. Характер находок в могилах всадников также отличается от находок в других могилах. Могилы умерших без лошадей имеют многочисленные железные и костяные наконечники стрел (курган № 3), бусы, кольца (курган № 4), в то время как могилы с захоронением лошади в случае удовлетворительной сохранности могилы изобилуют наконечниками стрел, есть ножи, даже мечи.

* * *

Надо отметить некоторые своеобразные черты культуры населения, оставившего Еловский курганный могильник I.

В области материальной культуры это своеобразие проявилось в наличии некоторых изделий, которые известны только в этом могильнике или представлены в памятниках, сравнительно близких территориально. К числу таких изделий относятся модные ажурные застёжки, которые найдены в 5 и 7-м курганах. Такого типа застёжки нам известны только в басандайских курганах, курган 1, погребение 2 и 3-е, курган 25, погребение 3-е. Застёжки этой своеобразной формы таким образом известны только в этих двух памятниках: Еловском и Басандайском курганных могильниках. К числу таких же изделий относятся и нашивки в виде кольца с двумя отростками, увенчанными головами животных. Такие изделия нам не известны нигде. Несколько похожи на наши нашивки из Басандайского курганного могильника¹⁹). Правда, басандайские нашивки существенно отличаются от еловских своими пропорциями и формой. В других памятниках такого рода изделий нам не известно.

Своеобразны также медные нашивки с изображениями животных кошачьей породы из кургана № 5. Форма нашивок довольно распространена во многих памятниках Западной Сибири. Своеобразие заключается в рельефном, выпуклом изображении животных, которые являются чуждым элементом для творчества художников этих районов. Можно сказать на изображение львов из курганов Пачангского могильника²⁰). Но изображения львов из Пачангского могильника воспроизводят этого животного в совершенно иной позе, чем в Еловском могильнике. Единственное, что сближает эти изображения, — назначение их в качестве наременных нашивок. Вот почему мы не видим в находках из Пачангского могильника аналогий нашим нашивкам.

Описанный обряд захоронений в могильнике и инвентарь позволяют поставить вопрос о культурной, а возможно и этнической принадлежности этого памятника. Не пытаясь ни в коей мере окончательно решить этот вопрос, для чего мы располагаем слишком незначительным материалом, отметим следующее.

В обряде захоронения умерших есть целый ряд черт, которые свидетельствуют, с одной стороны, о тесной связи еловского населения с тюркскими племенами, а с другой — являющихся отражением местных, уходящих в далекое прошлое традиций.

Так, например, захоронение человека с лошадей, уложенной параллельно человеку, черта, присущая тюркским племенам. К обряду этих народов восходит и такая деталь, как положение умершего в мо-

¹⁹) Басандайка, табл. 30, 33, 42, 45, 50.

²⁰) А. П. Дульзон. Остяцкие могильники XVI—XVII вв. у села Молчанова на Оби. Ученые записки ТГПИ, т. 13, Томск, 1965, табл. X.

гиле в вытянутом состоянии, а одна из рук (правая или левая) положена на пах²¹).

Сопровождение умершего куском баранины, положенным в могилу, также не противоречит этому. Одновременно почти во всех могилах обнаружены берестяная подстилка и берестяное покрытие. Эта деталь устройства могилы не находит себе аналогий у тюрков юга Сибири, но зато является характерной для чулымских и томских татар, селькупов и др. народов. Эта деталь восходит к глубокой древности. Берестяная подстилка и перекрытие обнаружены были еще в могилах неолитического времени: В Томском неолитическом могильнике, раскопанном А. П. Дульзоном, и в Яйском могильнике, исследованном В. И. Матюшенко²²).

Нам представляется, что эти наблюдения в будущем могут быть полезны при решении вопроса о сложении культуры населения, оставившего Еловский могильник.

²¹) А. А. Гаврилова. Могильник Кудырге.

²²) А. П. Дульзон. Томский неолитический могильник. Ученые записки ТГПИ, т. XVII, Томск, 1957; В. И. Матюшенко. Яйский неолитический могильник. Труды ТГУ, т. 115, Томск, 1963.